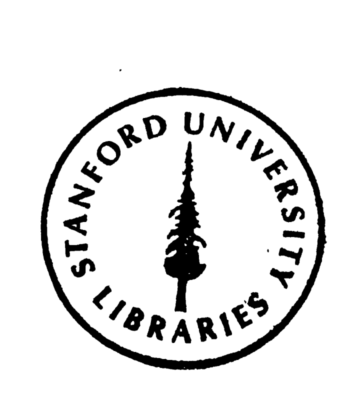
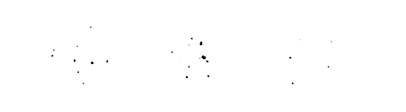

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



СОЧИНЕНІЯ

Г. С.

СКОВОРОДЫ.

1-ю Ревнитель истинны, духовный Богочтецъ,
И словамъ и умомъ и жизнію мудрецъ.
2-е Любитель простоты и истинной свободы,
ᴱезъ лести другъ прямой, довольный всѣмъ всегда:
тигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
чойный для сердецъ примѣръ Сковорода.

СОЧИНЕНІЯ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

ГРИГОРІЯ САВИЧА

СКОВОРОДЫ.

СЪ ЕГО ПОРТРЕТОМЪ И ПОЧЕРКОМЪ ЕГО РУКИ.

—

Всякому городу, нравъ и права,
Всяка имѣетъ свой умъ голова,
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума
Какъ бы умереть не безъ ума.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
M DCCC LXI.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. Декабря 27 дня, 1860 года.

Ценсоръ, *Архимандритъ Сергій.*

Въ Типографіи Штаба Отд. Корпуса Внутренней Стражи.

Украйна и Малороссія и понынѣ помнятъ о своемъ «*піитѣ*», старцѣ Сковородѣ, который жилъ столѣтіе тому назадъ, и котораго сочиненія считались народными.

Теперь они напечатаны съ старинной рукописи съ пріобщеніемъ къ нимъ другихъ сочиненій, принадлежащихъ также Сковородѣ. Самая же рукопись стариннаго почерка съ портретомъ на полулистѣ, препровождена, по отпечатаніи, въ библіотеку Императорскаго Харьковскаго университета.

Григорій Савичъ Сковорода принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Онъ былъ украинскій поэтъ, философъ, мужъ добродѣтельный и христіанинъ, въ полномъ смыслѣ слова. Ему суждено было оставить по себѣ глубокій слѣдъ въ умахъ современниковъ. Григорій Савичъ былъ оригиналь-

ный человѣкъ и причудливый, туземный странствующій философъ. Сначала онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «*Украинскаго Діогена*»; а потомъ называли его «*Украинскимъ Ломоносовымъ*.»

Устныя народныя преданія того края гласятъ, что онъ слушалъ заграницею высшіе курсы богословія, и въ бытность свою уже учителемъ при Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ, за вольныя въ то время мысли въ наукахъ, вышедши въ отставку, пожелалъ быть мыслителемъ свободнымъ. Онъ родился въ Полтавской. губ. Лубенскаго округа, въ селѣ Чернухахъ, 1721 года, въ царствованіе Петра Великаго; а скончался въ Харьковск. губ. въ слободѣ Ивановкѣ, принадлежавшей другу его, М. И. Ковалевскому, въ 1794 году, октября 29 дня, имѣя отъ роду 72 года. Похоронили Григорія Савича, по собственному его завѣщанію, близь сосѣдней съ Ивановкою рощи. На памятникѣ ему вырѣзана, имъ-же составленная для себя и завѣщанная надпись:

«*Міръ мене ловилъ; но не поймалъ!*»

САДЪ БОЖЕСТВЕННЫХЪ ПѢСНЕЙ, ПРОЗЯБШІЙ ИЗЪ ЗЕРНЪ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

I.

Блажени непорочніи въ путь, ходящіи въ законѣ Господни.

Боится народъ — сойти гнить во гробъ,
Чтобъ не былъ послѣ участный,
Гдѣ горитъ огонь неугасный.
А смерть есть святая: кончитъ наша злая, —
И сводитъ съ злой войны въ покой.
О, смерть сія свята!
Не боится совѣсть чиста ниже перуна огниста.
Сей огнемъ адскимъ не жжется:
Сему жизнь райска живется.
О, грѣхъ-то смерть родитъ, живу смерть наводитъ!
Изъ смерти адъ, души жжетъ градъ.
О смерть сія люта!
О, блаженъ, блаженъ, кто съ самихъ пеленъ
Посвятилъ себя Христови:

День и нощь мыслитъ въ Его словѣ.
Взявъ иго благое, и бремя легкое,
Къ сему обыкъ, къ сему навыкъ.
О, жребій сей святый!
Кто сея отвѣдалъ сласти, вѣкъ въ мірскихъ не можетъ пасти.
Въ наготахъ, въ бѣдахъ не скучитъ:
Ни огнь отъ того, ни мечъ его не отлучитъ.
Все сладостію онъ разводитъ, горькое на сердце не всходитъ,
Развѣ тому, если кому
Далъ знать искусъ драгій!
Христе, жизнь моя, умерый за мя!
Долженъ былъ тебѣ начатки—
Лѣтъ моихъ даю остатки....
Сотри съ сердца камень, зажги въ немъ твой пламень!
Да мертвъ страстямъ и злымъ сластямъ
Живу тебѣ, мой свѣтъ!
А какъ отъ грѣховъ воскресну, какъ одѣну плоть небесну,
Ты во мнѣ, я въ тебѣ вселюся, сладости твоей насыщуся.
Съ тобою въ бесѣдѣ, съ тобою въ совѣтѣ,
Какъ дня заходъ, какъ утра всходъ!
О, се златыхъ вѣкъ лѣтъ!

(Сложена 1757 лѣта).

II.

По земли ходяще, созданіе (жилище) имамы на небесѣхъ (*2 Кор. 4, 1*).

Оставь, о духъ мой, вскорѣ всѣ земляныя мѣста!
Взойди, духъ мой, на горы, гдѣ правда живетъ савята.
Гдѣ покой, тишина отъ вѣчныхъ царствуетъ лѣтъ!
Гдѣ блещетъ та страна, въ коей неприступный свѣтъ.
Оставь земныя печали, и суетность мірскихъ дѣлъ!
Будь чистъ хоть на часъ малый, дабы ты въ выспрь взлетѣлъ,
Гдѣ обитаетъ Господь, гдѣ невечерня заря,
Гдѣ всѣ ангельскіе чины лице Его выну зрятъ.
Се сілоамскія воды! омый скверну отъ очесъ!
Омый всѣ членовъ роды, дабы взлетѣть до небесъ!
Ибо сердцемъ нечистъ не можетъ Бога узрѣть,
И нельзя до тѣхъ мѣстъ земляному долетѣть.
Душа наша тѣлеснымъ не можетъ довольна быть,
Она только небеснымъ горитъ скуку насытить.
Какъ потокъ къ морю скоръ, какъ сталь къ магниту придетъ,
Пламень дрожитъ до горъ, такъ духъ нашъ къ Богу взоръ рветъ.

Кинь весь міръ сей лукавый: онъ въ точь есть
темный адъ.
Пусть льститъ невѣждъ врагъ черный, ты въ
горній возвысись градъ.
И по землѣ ходя, вселися на небесахъ,
Какъ учитъ Павелъ тя въ своихъ чистыхъ сло-
весахъ.
Спѣши-жъ во вѣчну радость крыльями умными
отсель
Ты тамъ обновишь младость, какъ быстропар-
ный орелъ.
О треблаженна стать: всего паче словесс.
Кто въ свой умъ можетъ взять? развѣ сшедый
съ небесе.

—

III.

Прорасте на землѣ быліе травное. *Сирѣчь:* Кости твоя прозябнутъ, яко трава и разботѣютъ: *Исаія.*

Весна люба ахъ пришла!
Зима люта ахъ прошла!
Уже сады разцвѣли
И соло́вьевъ навели.
Ахъ ты печаль прочь отсель!
Не безобразь красныхъ селъ.
Бѣги себѣ въ болота,
Въ подземныя ворота;

Бѣги себѣ прочь во адъ!
Не для тебя рай и садъ.
Душа моя процвѣла
И радостей навела.
Счастливъ тотъ и безъ утѣхъ,
Кто побѣдилъ смертный грѣхъ.
Душа его Божій градъ,
Душа его Божій садъ!
Всегда сей садъ даетъ цвѣты,
Всегда сей садъ даетъ плоды.
Всегда весна тамъ цвѣтетъ,
И листъ его не падетъ.
О, Боже мой, ты мнѣ градъ!
О, Боже мой, ты мнѣ садъ!
Невинность мнѣ цвѣты,
Любовь и миръ—то плоды.
Душа моя есть верба́,
А ты еси ей вода.
Питай меня въ сей водѣ,
Утѣшь меня въ сей бѣдѣ.
Я ничего не боюсь...
Однихъ грѣховъ я страшусь.
Убей во мнѣ всякій грѣхъ:
Се ключъ моихъ всѣхъ утѣхъ.

—

IV.

РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ.

Съ нами Богъ, разумѣйте языцы: *Сирѣчь:* Помаза насъ Богъ Духомъ, посла Духа Сына своего въ сердца наша.

Ангелы снижайтеся,
Ко землѣ оближайтеся,
Господь бо сотворшій вѣки,
Живетъ нынѣ съ человѣки.
Станьте хоромъ,
Вси соборомъ,
Веселитеся: яко съ нами Богъ!

Се часъ исполняется!
Се сынъ приближается!
Се лѣта пришла кончина,
Се Богъ посылаетъ Сына.
День приходитъ,
Дѣва ро́дитъ,
Веселитеся: яко съ нами Богъ!

Обѣщанъ пророками,
Отчими нароками,
Рѣшитъ во послѣдня лѣта —
Печать новаго завѣта.
Духъ свободы
Внутрь насъ роди,
Веселитеся: яко съ нами Богъ!

Даніиловъ каменю,
Изъ купины пламеню
Несѣченный отпадаешь,
Огнь сѣна не попаляешь.
    Се нашъ камень,
    Се нашъ пламень,
    Веселитеся: яко съ нами Богъ!
Расти-жъ благодатію
Новый нашъ ходатаю,
Расти да возможешь стати,
Да попалишъ супостаты.
    Се вселенну
    Зря спасенну,
    Веселитеся: яко съ нами Богъ!
Мы-жъ Тебѣ рожденному,
Господеви блаженному,
Сердца всѣхъ насъ отверзаемъ,
Въ душевный домъ принимаемъ.
    Пѣснь спѣвая,
    Восклицая
    Веселитеся: яко съ нами Богъ!

—

V.

РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ.

Роди Сына своего Первенца, и повитъ Его, и положи Его въ ясдехъ.

Тайна странна и преславна!
Се вертепъ вмѣсто небесъ,

О новый мой Адаме,
О краснѣйшій сынъ,
О всесвѣтный храме,
О буйство Аѳинъ!
Подъ буйствомъ твоим
Подъ смертію—жизнь
Коль темный

—

VII.

Воскресенію Христо

О! О! Бѣжите на горы! *Захарія.*
Востани спяй! Покой даетъ Богъ на горѣ

Объяли вкругъ мя раны сме
Адовы бѣды обошли несносн
Найде бо страхъ и тьма.
Ахъ година люта!
Злая минута!

Бодетъ утробу тернъ болѣзни
Скорбна душа мнѣ,
Скорбна даже до смерти.
Ахъ! кто-жъ мя от ... ле
Кто мя исправи

(*) Конечно для тѣх ... онияи
только и время про ... ятъ п
что нибудь новое.

Такъ Африканскій страждетъ еленъ ско-
рый:
Онъ птицъ быстрѣе, пить спѣшитъ подъ
горы.
Ахъ жажда жжетъ внутрь,
Насыщенна гадомъ
И всякимъ ядомъ!
Я на Голгоѳу поскорѣй поспѣю,
Тамъ виситъ врачъ мой
Межъ двою злодѣю;
Се Іоаннъ здѣ при крестѣ рыдаетъ,
Крестъ лобызаетъ.

О Іисусе! О моя отрада!
Здѣ ли живеши?
О страдальцовъ радость!
Даждь спасительну мнѣ цѣльбу въ сей страсти,
Не даждь на вѣкъ пасти.

VIII.

Святому Духу.

Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву; Егда снизшедъ языки сліа раздѣляша языки Вышшій.

Голова всяка свой имѣетъ смыслъ,
Сердцу всякому своя любовь,
И неодинака всѣмъ живущимъ мысль:
Тотъ овецъ любитъ, а тотъ козловъ.

Такъ и мнѣ вольность одна есть нравна,
И безпечальный препростый путь.
Се моя мѣра въ житіи главна,
Весь окончится мой циркуль тутъ.

Ты людскихъ видишь, сидяй высоко,
Разныхъ толь мнѣній безсчетну смѣсь;
Аще же не право зритъ мое око,
Ты мене, Отче, настави днесь.

Ты, Святый Боже, и вѣковъ творецъ,
Утверди сіе, что самъ создалъ;
При Тебѣ сможетъ все въ благій конецъ,
Такъ попасти, какъ въ магнитну сталь.

Тотъ на восточный, сей въ вечерній край,
Плыветъ ко счастью со всѣхъ вѣтрилъ;
Иный въ полночной странѣ видитъ рай
Иный на полдень путь свой открылъ.

Одинъ говоритъ: вотъ кто-то коситъ!
Другій споритъ: се! ктось стрижетъ?
А сей со всей мочи голóситъ
Скажи: кій бисъ намъ мысль сѣчетъ?

IX.

Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ, и иже въ разумѣ своемъ поучится святынѣ. *Сирахъ.*

Всякому городу нравъ и права,
Всяка имѣетъ свой умъ голова,
Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ
Всякому сердцу своя есть любовь.

А мнѣ одна только въ сердцѣ дума.
А мнѣ одна только не идетъ съ ума.

Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
Өедоръ-купецъ при аршинѣ все лжетъ,
Тотъ строитъ домъ свой на новой манеръ,
Тотъ все въ процентахъ, пожалуй, повѣрь.
А мнѣ одна только въ сердцѣ дума,
А мнѣ одна только не идетъ съ ума.

Тотъ непрестанно стягаетъ грунта,
Сей иностранный заводитъ скота,
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только въ сердцѣ дума,
А мнѣ одна только не идетъ съ ума.

Тотъ строитъ на свой ладъ юриста права,
Съ диспутъ студенту трещитъ голова,
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ Амуръ,
Всякому голову мучитъ свой дуръ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума
Какъ бы умереть не безъ ума.

Смерть съ страшной замашкой колосъ
Ты не щадишь и царскихъ волосъ,
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, и гдѣ царь,
Все жрешь такъ, какъ солому пожаръ.
Кто-жъ на ея плюетъ острую сталь?
Тотъ, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь..

X.

Бездна бездну призываетъ. *Сирѣчь:* **въ законѣ Господни воля его.**

Нельзя бездны океана
Горстью персти забросать,
Нельзя огненнаго стана
Скудной каплей прохлаждать.
Возможетъ ли въ темной яснинѣ гулять орелъ,
Когда въ поднебесный край вылетѣлъ онъ.
Такъ сытъ плотскимъ не будетъ Духъ!
Бездна духъ есть въ человѣкѣ,
Водъ всѣхъ ширшій и небесъ;
Не насытится тѣмъ въ вѣки,
Что плѣняетъ зракъ очесъ.
Отсюду-то скука, внутрь скрежетъ, печаль,
Отсюда несытость, изъ капли горшій жаръ.
Знай, сытъ плотскимъ не будетъ Духъ!
О роде плотскій, невѣжды!
Доколѣ ты тяжкосердъ?
Возведи, сердечный, вѣжды,
Взглянь выспрь на небесну твердь.
Чему ты не ищешь знать, что то зовется Богъ?
Чему не толчешь, чтобъ увидѣть Его ты могъ?
Бездна бездну удовлитъ вдругъ.

—

XI.

Блажени нищій духомъ. Премудрость книжника, во благовремени призовется, и умаляйся въ дѣяніихъ своихъ умудрится. *Сирахъ*: умудритеся и разумѣйте.

Не пойду въ городъ богатый,
Буду по полямъ я жить;
Буду вѣкъ мой коротати,
Гдѣ время тихо бѣжитъ.

О дубрава! о зелена!
О мать моя роднà!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Города славны высоки
На море печалей пхнутъ;
Ворота красны широки
Въ неволю горьку ведутъ.

О дубрава! о зелена!
О мать моя роднà!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Не хочу ѣздить на море,
Не хочу красныхъ одеждъ;
Подъ ними кроется горе,
Печали, страхъ и мятежъ.

О дубрава! о зелена!
О мать моя роднà!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Не хочу за барабаномъ
Идти плѣнять городовъ;
Не хочу и штатскимъ саномъ
Пугать мелочныхъ чиновъ.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Не хочу и наукъ новыхъ,
Кромѣ здраваго ума,
Кромѣ умностей Христовыхъ,
Въ коихъ сладостна дума.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Ничего я не желатель,
Кромѣ хлѣба да воды;
Нищета мнѣ есть пріятель,
Давно съ нею мы сваты.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Если нѣту нуждъ тѣлесныхъ,
Есть покой да доля злата;

Кромѣ вѣчностей небесныхъ,
Мнѣ сія одна жизнь свята.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

А если до такой угоды
И грѣхъ еще побѣдить,
То не знаю сей выгоды
Возможетъ ли лучше быть.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой, тишина!

Здравствуй моей мысли покою,
Ты во вѣки будешь мой;
Добрѣ мнѣ быти съ тобою,
Ты мой въ вѣкъ будь, а я твой.

О дубрава! о свобода!
Въ тебѣ я началъ мудрѣть,
До тебе моя природа,
Въ тебѣ хочу умереть.

XII.

Изыдите отъ среды ихъ..... пріиди, брате мой, водворимся на селѣ: тамо роди тя мати твоя. *Пѣснь пѣсней.*

Ахъ поля, поля зелены,
Поля цвѣтьми испещренны;

Ахъ долины яры,
Круглы могилы бугры.

Ахъ вы водъ потоки чисты,
Ахъ вы берега трависты,
Ахъ ваши волоса,
Вы кудрявые лѣса.

Жаворонокъ межъ полями
Соловейко межъ садами.
Тотъ выспрь летя сверчитъ,
А сей на вѣтьвяхъ свиститъ.

А когда взошла денница
Свищетъ въ той часъ всяка птица,
Музыкою воздухъ
Растворенный шумитъ вкругъ.

Только солнце выникаетъ,
Пастухъ овцы выгоняетъ,
И на свою свирѣль
Выдаетъ дрожащій трель.

Пропадите думы трудны,
А я съ хлѣба кускомъ
Умру на мѣстѣ такомъ.

—

XIII.

Древняя Малороссійская басня о суетѣ и лести мірской.

На стражи моей стану и взыду на камень. *Аввакумъ.*

Колика слава нынѣ?
Зри на буйность въ сей гордынѣ,

О Израиль! гидры звѣря.... (*)
Коль велика въономъ мѣра,
Нужно разумѣти.

Нынѣ скипетръ и булава,
Утро вставши худа слава.
Сердце прободаетъ сквозѣ,
Руцѣ связанны и нозѣ.
Какъ избѣгнуть сѣти?

Днесь піяна скачетъ воля...
Утро вставши тщетна доля,
О Израиль! водна звѣря,
Камо цѣль ведетъ и мѣра,
Нужно то прозрѣти.

Сиренъ льстивыхъ океанъ! (**)
Сладкимъ гласомъ обуянъ!
Бѣдная душа на пути
Хощетъ на всегда уснути,
Не доплывши брега.

Плоть! Міръ! О несытый Аде!
Всѣ тебѣ ядь, всѣмъ ты яде!

(*) Упоминаетъ о предревней баснѣ—о седмиглавой зміи, именуемой Гидра, сирѣчь зміи водной. Со зміемъ симъ боролся древній герой Ираклій. Отсѣченна одна глава, вдругъ на то мѣсто произрастало двѣ или три. Что дѣлать? Ираклій, съ помощію друга своего, разженнымъ желѣзомъ прижегъ каждую главу; и такъ почилъ отъ брани.

(**) Сирена, Еллин. Σειρήν. Сей уродъ прекраснымъ лицемъ и сладчайшимъ гласомъ привлекаетъ къ себѣ и сонъ наводитъ мореплавателямъ. Здѣсь они (мореплаватели), забывъ все и презрѣвъ гавань и отечество, разбиваютъ свои карабли о подводные камни.

День и нощь челюстьми зѣваешь,
Всѣхъ безъ взгляда поглощаешь.
Кто избѣгнетъ сѣти?

Се пучина всѣхъ есть жрущa,
Се есть челюсть всѣхъ ядуща,
О Израиль! кита звѣря... (*)
Се тебѣ толкъ, мѣть и мѣра!
Плоть не насыщаетъ.

Ахъ простри бодро вѣтрила,
И ума твоего крыла;
Пловучи по бурну морю... (**)
Возведи зеницы въ гору
Да путь потекутъ правъ.

Лучше жить въ пустынѣ,
Затворившись въ яснинѣ,
Пребывать въ мѣстахъ безвѣстныхъ,
И не слышать гласовъ лестныхъ,
Во адъ насъ влекущихъ.

(*) Китъ значитъ страсть. Что есть страсть?—Есть то же, что смертный грѣхъ.—Но что есть грѣхъ? Грѣхъ есть мучительная воля; она-то есть сребролюбіе, честолюбіе, сластолюбіе. Сіи-то гидра и китъ пожираютъ и мучатъ всѣхъ на морѣ міра сего. Они тоже есть и адъ. Блаженъ, кто нѣсть рабъ сему трегубому языку. Помни 7 грѣховъ, сіе есть 7 мучительныхъ мыслей, и увѣси гидру. Не вѣси ли, яко мысль есть зерно и глава дѣлу? Омерзившася въ начинаніяхъ своихъ.

(**) Житіе наше есть море. Тѣлишко — лодочка, мысли есть то вѣяніе вѣтровъ, гавань блаженства. Коль же красна рѣчь сія! Ума твоего крыла...... птица бо есть сердце наше, и аще оно не увязло, можетъ вознестись ими: Душа наша, яко птица избавися.....

Будь ты мнѣ защитникъ тщивый,
Будь Іона прозорливый,
Главы попали зміины,
Китовой изъ блевотины
Чтобъ вскочить на Кифу. (*)

(Обновлена въ 1782-мъ лѣтѣ).

—

XIV.

Великой Субботѣ.

Почи Богъ въ день седьмый... Аще внидутъ въ покой мой....

Лежишь во гробѣ, празднуешь Субботу,
По трудахъ тяжкихъ... по кровавомъ поту.
Князь никоихъ дѣлъ въ тебѣ не имѣетъ,
Князь сего міра... , что всѣми владѣетъ.
О неслыханные се слѣды!

(*) Кифа, правильнѣе-жъ Кефа, есть слово еврейское. Еллин·Πέτρα: сіе есть каменная гора, Польск. скала. Она часто кораблямъ бываетъ пристань съ городомъ. Сей есть образъ блаженства, мѣста злачнаго, гдѣ человѣкъ отъ китовъ, отъ сиренъ, и отъ волненій мірскихъ упокоивается. По оному: на мѣстѣ злачнѣ всели мя... Сіе имя Кифа даетъ Христосъ Петру Апостолу Перво-Верховному.

Для чего? Для того, что святыня и блаженство есть тожде. Для чего? Для того, что то и другое обитаетъ въ сердцѣ. Сердце же, а не плоть, есть истиннымъ человѣкомъ. Чистое сердце, святыня, блаженство, истинный человѣкъ, есть тожде. Сего ради всякій христіанинъ, имущій сердце чистое, есть и сынъ голубовъ и Кифа. Аввакумъ стоитъ на собственной своей стражѣ: на стражѣ моей стану, и взыду на Кифу. Похоти мірскія суть: честолюбіе, сребролюбіе, сластолюбіе. Въ то время сердце есть адъ и змій, изблевающій горькія и скверныя опыя воды... возвел-

О новый роде побѣды!
О сыне Давидовъ!
Сыне Давидовъ! Лазаря воззвавый,
Съ мудростей земныхъ до небесной славы.
Убій тѣлесну и во мнѣ работу,
Даждь мнѣ съ тобою праздновать Субботу.
Даждь мнѣ ходить въ твои слѣды,
Даждь новый родъ сей побѣды.

—

XV.

Житейское море воздвизаемое зря... и проч.

Видя житія сего горе,
Кипящимъ какъ Чермное море,
Вихремъ скорбей, напастей, бѣдъ,
Разслабъ, ужаснулся побѣдъ.
О горе сущимъ въ немъ!
Возвратился я бѣдный, Боже мой, въ горы,
Чтобъ не скрытись съ фараономъ въ морѣ.
Се къ пристани тихой бѣжу,
И воплемъ плачевнымъ глашу,

нуются нечестивіи и почити не возмогутъ. Гробъ отверзетъ гортань ихъ. Вси сіи во святомъ письмѣ не только китами и зміями, но псомъ, изблевающимъ и на блевотину возвращающимся и мочащимъ ко стѣнѣ, именуются. Рѣки бо сердца ихъ суть вода неключима, раздѣляемая отъ водъ оныхъ... Рѣки отъ чрева потекутъ воды живыя... Отрыгну сердце мое слово благо... вся бо Церковь утвержденная на Кифѣ... поетъ...

Господь пасетъ мя... на водѣ покойнѣ воспиташа... Лучшій мужъ долготерпѣливъ, нежели разоряяй грады, сіе есть державу имущій надъ страстьми... сотворилъ еси насъ Богу нашему Цари и Іереи...

Воздѣвъ горѣ рупѣ:
О Христе! не даждь сотлѣть во адѣ,
Даждь мнѣ въ твоемъ жить небесномъ градѣ,
Да не повлечетъ мя въ свой слѣдъ
Блудница міръ, сей темный свѣтъ.
О милости бездна!

—

XVI.

Дугу мою (поставлю) полагаю въ облацѣ.

Прошли облака, радостно дуга сіяетъ,
Прошла вся тоска, свѣтъ намъ блистаетъ.
Веселіе сердечное есть чистый свѣтъ вёдра, (*)
Если миновалъ мракъ и шумъ мірскаго вѣтра.

О прелестный міръ! ты мнѣ океана пучина,
Ты мракъ, облако, вихрь, тоска, кручина!
Се радуга прекрасная, мнѣ вёдро блистаетъ,
Сердечная голубочка, мнѣ миръ вѣщаетъ.

Прощай, о печаль! прощай, прощай, зла
утроба!
Я на ноги всталъ: воскресъ отъ гроба.
О отрасле Давыдовска! ты брегъ мнѣ и Кифа,
Ты радуга, жизнь, вёдро мнѣ, свѣтъ, миръ,
олива.

—

(*) Вёдро-значитъ небесную свѣтлость и чистоту воздуха вошло въ Славянскій языкъ изъ Еллинскаго. У нихъ свѣтлость воздуха глаголется: τόφαιδρον ʼȣραν˜ȣ

XVII.

Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

Ой ты птичка желтобока,
Не клади гнѣзда высоко;
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
Вотъ! ястребъ надъ головою
Виситъ, хощетъ ухватить...
Вашею живетъ онъ кровью:
Вотъ, вотъ! онъ почти острить.

Стоитъ яворъ надъ горою,
Все киваетъ головою;
Буйны вѣтры повѣваютъ,
Руки явору ломаютъ.
А вербочки шумятъ низко,
Волокутъ меня до сна,
Тутъ течетъ поточекъ близко,
Видно воду ажъ до дна.

На что же мнѣ замышляти,
Что въ селѣ родила мати?
Нехай у тѣхъ мозокъ рвется,
Кто высоко въ гору дмется.
А я буду себѣ тихо
Коротати малый вѣкъ,
Такъ минетъ мене все лихо,
Счастливъ буду человѣкъ.

—

XVIII.

Нѣсть наша брань къ плоти и крови, попереши льва и змія. Воспріимите мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій.

Ахъ ты тоска проклята,
О, докучлива печаль!
Грызешь ты меня изъ млада,
Какъ моль платье, какъ ржа сталь.
Ахъ ты скука!
Ахъ ты мука!
Люта мука!
Гдѣ ни пойду, все съ тобою
Вездѣ всякій часъ,
Ты такъ, какъ рыба съ водою,
Всегда возлѣ насъ.
Ахъ ты скука!
Ахъ ты мука!
Люта мука!
Звѣряку злу заколешь,
Если возьмешь острый ножъ,
А скуки не поборешь,
Хоть мечъ будетъ и хорошъ.
Ахъ ты скука!
Ахъ ты мука!
Люта мука!
Добросердечное слово
Колетъ сихъ звѣрей,
Оно завсегда готово
Внутрь твоихъ мыслей.

Ахъ ты скука!
Ахъ ты мука!
Люта мука!
Христе! Ты мечъ небесный
Въ плоти нашея ножнахъ!
Услыши вопль нашъ слезный,
Пощади насъ въ сихъ звѣряхъ.
Ахъ ты скука!
Ахъ ты мука!
Люта мука!
Твой намъ свыше гласъ пресладкій
Аще возгремитъ,
Какъ молнія полкъ всѣхъ гадкихъ
Звѣрей разразитъ.
Прочь ты скука!
Прочь ты мука!
Люта мука!

Сложена 1758 года, въ степяхъ Переяславскихъ, въ селѣ Кавраѣ.

—

XIX.

Возвѣсти ми, Его же возлюби душа моя, гдѣ пасеши, гдѣ почиваеши въ полдень.

Счастіе, гдѣ ты живешь?
Горлицы, скажите.
Въ полѣ ли овцы пасешь?—
Голуби, возвѣстите.

О счастіе, нашъ ясный свѣтъ!
О счастіе, нашъ красный цвѣтъ!
Ты мати, намъ покажися!

Счастіе, гдѣ ты живешь?—
Мудрые, скажите.
Въ небѣ ли ты пиво пьешь?—
Книжники, возвѣстите.

О счастіе, нашъ ясный свѣтъ!
О счастіе, нашъ красный цвѣтъ!
Ты мати, намъ покажися!

Книжники вотъ всѣ молчатъ,
Птицы тоже всѣ нѣмы;
Не говорятъ, гдѣ есть мать?
Мы же сами не вѣмы.

О счастіе, нашъ ясный свѣтъ!
О счастіе, нашъ красный цвѣтъ!
Ты мати, намъ покажися!

Счастія нѣтъ на земли,
Счастія нѣтъ и на небѣ;
Не заключилось въ углѣ,
Индѣ искать его треба.

О счастіе, нашъ ясный свѣтъ!
О счастіе, нашъ красный цвѣтъ!
Ты мати, намъ покажися!

Небо, земля и луна,
Звѣзды всѣ прощайте!
Всѣ вы мнѣ гавань дурна,
Впредь не ожидайте.

О счастіе, нашъ ясный свѣтъ!
О счастіе, нашъ красный цвѣтъ!
Ты мати, намъ покажися!

Всѣ я минулъ небеса,
Негли въ дали гдѣ обрящу,
И преисподнюю всю,
Негли его гдѣ я срящу.

О счастіе, нашъ ясный свѣтъ!
О счастіе, нашъ красный цвѣтъ!
Ты мати, намъ покажися!

Се мой любезный просторъ —
Скачетъ младый елень
Выше небесъ, выше горъ,
Кринъ мой чистъ и зеленъ.

О счастіе, мой свѣтъ ясный!
О счастіе, мой цвѣтъ красный!
Ты мати, намъ показалась.

Сладость его есть гортань,
Очи голубины,
Весь есть любовь и харрань,
Руцѣ кристаллины.

О счастіе, мой свѣтъ ясный!
О счастіе, мой цвѣтъ красный!
Ты мати, намъ показалась.

Не прикасайся ты мнѣ,
Абіе мя срящешь;
Не обрѣтай мя извнѣ,
Абіе обрящешь.

О счастіе, мой свѣтъ ясный!
О счастіе, мой цвѣтъ красный!
Ты мати, намъ показалась.
Ахъ, обрати ко мнѣ твой взоръ!
Онъ мя воскрыляетъ,
Выше стихій, выше горъ
Онъ мя восторгаетъ.
О счастіе, мой свѣтъ ясный!
О счастіе, мой цвѣтъ красный!
Ты мати, намъ показалась.
Сядемъ себѣ, брате мой,
Сядемъ для бесѣды,
Сладокъ твой глаголъ живой,
Чиститъ мнѣ всѣ бѣды.
О счастіе, мой свѣтъ ясный!
О счастіе, мой цвѣтъ красный!
Ты мати, намъ показалась.
Въ полдень ты спишь на горахъ,
Стадо пасешь въ кринахъ,
Не въ гергесенскихъ поляхъ,
И не въ ихъ долинахъ.
О счастіе, мой свѣтъ ясный!
О счастіе, мой цвѣтъ красный!
Ты мати, намъ показалась.

—

XX.

Помни послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши... есть путь мнящійся быти правъ: послѣдняя же его зрятъ во адъ.

Распростри вдаль твой взоръ и разумны лучи,
И конецъ послѣдній поминай,
Всѣхъ твоихъ дѣлъ, въ кую мѣть стрѣла улучитъ,
Наблюдай всѣхъ желаній край.
На коихъ вещахъ основалъ ты домъ?
Если на камнѣ, то домъ соблюдется,
Если-жъ на песцѣ, твоихъ стать хоро̀мъ
Отъ лица вихремъ разметется.
Всяка плоть песокъ есть и мірская слава;
И его вся омерзѣетъ сласть.
Возлюби путь узкій, бѣгай обща нрава,
Будь твоя Господь съ Давидомъ часть (*).
Если нужно есть вернуться въ Сіонъ (**),
То зачѣмъ тебѣ въ міръ сей снисходить?
Путь опасенъ есть въ Іерихонъ (***)

(*) Часть моя еси Господи... Боже сердца моего: и часть моя Боже во вѣки.

(**) Сіонъ—слово еврейское, значитъ то-же, что Еллинск. Πυϱγο, Рим. specula, назывался Римскій замокъ-Зоръ, стража, горница.

(***) Іерихонъ-градъ есть образъ суетнаго міра льстиваго. Онъ широкимъ, сирѣчь, роскошнымъ путемъ вводитъ юныхъ въ разбойники, сіе есть, въ челюсти зміины и гидрины, въ смертные грѣхи.

Maxima peccatorum poena Ipsum peccatum. Ничто же есть лю[illegible] грѣха: и жало убо его ничто же ни въ семъ, ни въ [illegible]номъ вѣцѣ мучительнѣе... Жало смерти грѣхъ... Грѣхопаденіе кто разумѣетъ! Блаженъ той единъ, кто разумѣетъ... [illegible]женъ мужъ, иже на пути грѣшныхъ неста... открый мои...

Живи въ градѣ, иже всѣхъ насъ мать.
Если же пустился ты въ сiю дорогу:
Богъ скорѣе путь да преградитъ!
Ибо знаешь, что снисшедши въ бездну многу,
Умъ въ безднѣ золъ намъ не радитъ.
О Ты! иже всегда Духъ той же еси,
И число твоихъ не скудѣетъ лѣтъ,
Ты разбойничи въ насъ духи смѣси!
Пусть твоя сокрушитъ буря сѣть.

—

XXI.

Исчезоша въ суетѣ днiе... искупующе время... упразднитеся и уразумѣйте.

О дражайше жизни время!
Коль тебя мы не щадимъ!
Будто, какъ излишне бремя,
Всюду мещемъ, не глядимъ.
Будто прожитое наше возвратится намъ назадъ,
Будто рѣки повернутся до своихъ ключей,
Будто въ нашихъ рукахъ лѣта до прибавки взять.
Будто изъ несчетныхъ вѣкъ нашъ сотканъ дней!

Для чего-жъ мы жить желаемъ
Лѣтъ на свѣтѣ восемьсотъ,
Ежели мы ихъ теряемъ

На всякій бездѣлицъ родъ?
Лучше часъ, да честно жить, нежъ скверно цѣлый день;
Лучше день одинъ, да святъ отъ безбожна года;
Лучше годъ одинъ да чистъ, нежъ десятокъ оскверненъ;
Лучше въ пользѣ десять лѣтъ, нежъ весь вѣкъ безъ плода.

Брось любезный другъ бездѣлья,
Пресѣчи толикій вредъ!
Сей моментъ примись до дѣла,
Вотъ, вотъ! время уплыветъ.
Ужъ не наше это время, что промчалось мимо насъ,
Ужъ не наше, что породитъ будуща пора.
Днешній день лишь только нашъ, а не утрешній часъ,
Мы не знаемъ, что вечерня принесетъ заря.

Если-жъ не умѣешь жити,
Такъ учись фигуры сей.
Ахъ! не можетъ всякъ вмѣстити
Разумъ хитрости твоей.
Знаю, что наша жизнь полна суетныхъ вракъ,
Знаю, что прежалка тварь на свѣтѣ человѣкъ,
Знаю, чѣмъ дольше жизнь, тѣмъ горшій тотъ бѣднякъ,
Знаю, что тотъ ослѣпъ, кто загадалъ свой вѣкъ!

—

XXII.

Римскаго поэта Горація, перетолкована малороссійскимъ діалектомъ въ 1765 году. Она начинается такъ:

Otium Divos rogat in patenti, и проч. Содержитъ благое наставленіе къ спокойной жизни.

О покою нашъ небесный!
Гдѣ ты скрылся съ нашихъ глазъ?
Ты намъ обще всѣмъ любезный,
Въ разный путь разбилъ ты насъ.

За тобою то вѣтрила
Простираютъ въ корабляхъ,
Чтобъ могли тебя тѣ крыла
На чужихъ сыскать странахъ.

За тобою маршируютъ,
Разоряютъ города,
Цѣлый вѣкъ бомбардируютъ,
Не достанутъ никогда.

Кажется живутъ печали,
По великихъ бильшь домахъ,
Бильшь спокоенъ домикъ малый,
Если нужды нѣтъ въ вещахъ.

Ахъ, ничѣмъ мы не довольны!
Се источникъ всѣхъ скорбей.
Разныхъ умъ затѣевъ полный—
Вотъ источникъ мятежей!

Поудержимъ духъ несытый,
Полно мучить краткій вѣкъ;
Что намъ дастъ край знаменитый?
Будешь тотъ же человѣкъ.

Вѣдь печаль вездѣ летаетъ,
По землѣ и по водѣ;
Сей бѣсъ молнью обгоняетъ,
Можетъ насъ сыскать вездѣ.

Будемъ тѣмъ, что Богъ далъ, рады,
Разбивваймо скорбь шутя,
Полно насъ червямъ снѣдати, —
Вотъ есть чаша всѣмъ людямъ.

Славны, напримѣръ, герои —
Ихъ побѣды на поляхъ!
Долго кто живетъ въ покоѣ,
Страждетъ въ старыхъ тотъ лѣтахъ.

Васъ Богъ одарилъ грунтами,
Но вдругъ можетъ то пропасть;
А мой жребій съ голяками....
Мнѣ Богъ мудрости далъ часть.

Nihil est ab omni parte beatum.
Есть чаша всѣмъ людямъ.

—

XXIII.

Отходная.

Отцу Гервасію Якубовичу, отходящему изъ Переяславля въ Бѣлградъ на Архимандритскій и судейскій чинъ въ 1758-мъ годѣ.

Господь сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое, недастъ во смятеніе ноги твоея.

Ѣдешь, хощешь насъ оставить,
Ѣдешь веселъ, цѣлый, здравый!
Будь тебѣ вѣтры погодны!
Счастливый туда путь
Отсель тебѣ будь!
Путніи исчезните страхи,
Спите подорожніи прахи,
Скоропослушніи кони
Да несутъ какъ по долини,
Счастливымъ слѣдомъ,
Какъ гладенькимъ льдомъ!
Облаки прочь вы невѣрны!
Не лейтесь дожди чрезмѣрны!
Вари не ожжи полуденный,
Свѣтомъ луны озаренный.
Счастливый сей путь
Повсюду въ ночь будь!
Той твои направитъ ноги,
Кой далъ землю и дороги;

Бодро сидяще высоко,
Путь твой хранящее око,
    Счастливитъ сей отходъ
    Благословитъ и входъ.
Радуйся страна счастлива!
Пріимешь мужа добротлива...
Брось завистливые нравы!
Вѣренъ есть Его познавый!
    Счастливъ на степень,
    Конечно блаженъ.

—

XXIV.

Епископу Іоанну Козловичу, входящему во градъ Переяславль на престолъ Епископскій 1750 года.

Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла.

Поспѣшай, гостю! поспѣшай!
Наши желанія увѣнчай!
Какъ мусикійскій сличный слухъ,
Услаждаетъ тѣло, и движетъ духъ,
Такъ всежеланный твой приходъ
Подвигъ цѣлый градъ и весь народъ.
Граде печальный, Переяславъ!
Чисто сиротство твое дознавъ,
Измѣну вышняго смотри,
Се свѣтлый день тебе озари!

По волнамъ твой корабль шалѣлъ,
Се въ корабль твой паки кормчій сѣлъ.

Онъ путь управитъ до небесъ,
Предносяя Христовыхъ свѣтъ словесъ;
Въ немъ весь духовный узришь плодъ,
Какъ бы въ чистомъ зерцалѣ водъ,
Агнцу послѣдуя Христу,
Кротко очиститъ нечистоту.

Онъ и дѣломъ и языкомъ
Исцѣлитъ твой духъ язвленъ грѣхомъ.
Сколько чистѣйшій плоти духъ,
Сколько земнаго небесный кругъ,
Столько душевныхъ врачъ страстей
Превозвышаетъ плотскихъ врачей.

Христе! Источникъ благъ святой!
Ты духъ на пастыря излей твой,
Ты будь ему оригиналъ,
Чтобъ на его смотря поступалъ
Паствы его всякъ человѣкъ,
И продолжи ему счастливый вѣкъ.

—

XXV.

Бѣлоградскому Епископу Іоасафату Миткевичу, посѣщающему вертоградъ духовнаго училища въ Харьковѣ. (*)

Господи! призри съ небесе и виждь, и посѣти виноградъ сей.... Плодъ духовный есть: любовь, радость, миръ и т. д.

Вышнихъ наукъ саде святый!
Листъ розовый и цвѣтъ твой красный,
Пріими на тя веселый видъ!
Се возсія день твой благій!
Озарилъ тебе свѣтъ ясный!
Духъ дыша, тебе благословитъ.
Возвеселися о полкъ древесъ!
Большихъ и маленькихъ сонмъ весь.
Пастырю нашъ! Образъ Христовъ!
Тихъ, благъ, кротокъ, милосердый!
Зерцало чистое добротъ,
Красны нести нозѣ готовъ!
Миръ благовѣсти намъ твердый,
Призри на сей священъ оплотъ.

(*) Сей архіерей родился близь Кіева во градѣ Козельцѣ; былъ пастырь просвѣщенъ, кротокъ, милосердъ, незлобивъ, правдолюбивъ, престолъ чувства, любви - свѣтильникъ; во вертоградѣ сего истиннаго вертоградаря Христова, и я три лѣта: 1760, 63 и 64-е, въ кое преставился отъ земли къ небеснымъ, бывъ дѣлателемъ, удивлялся прозорливому его, щедрому и чистому сердцу, съ тайною моею любовію. Сего ради, именемъ всѣхъ любящихъ Бога и Божія книги, и Божія други, во память его, и во благодареніе ему, сему любезному другу Божію и человѣческому, яко же лепту, приношу сію пѣснь отъ мене. Любитель Священныя Библіи Григорій Вар-Сава Сковорода.

Отъ тебе помощи весь онъ ждетъ,
Сердце и руцѣ тебѣ даетъ.
Ты садъ напой, сей святый садъ,
Токомъ водъ благочестивыхъ,
Съ самыхъ Апостольскихъ ключей;
Не допусти ересей ядъ.
Отжени прочь всякъ родъ лживыхъ,
Да родитъ духовныхъ царей.
Царство Царя простирая всѣхъ,
Адскій же скиптръ низвергая грѣхъ.
Да зритъ въ него бодрый взоръ твой!
. . . .
При твоемъ неспящемъ взорѣ
И листъ его не отпадетъ;
Не листъ на немъ будетъ пустой
Лицемѣрно льстящъ, но вскорѣ...
Вѣру, миръ, радость, кротость, любовь,
И иный весь святый родъ таковъ:
Такъ отъ тебе самъ Царей Царь
И сего народъ святъ проситъ.
И что-жъ тебе сего милѣй?
Или Христу, кій лучшій даръ?
Се даръ первый, что приноситъ
Пастырь на паствѣ святъ святѣй!
Онъ же на дѣло самъ укрѣпитъ
И тебѣ жизнь святу продолжитъ.

—

XXVI.

О тайномъ внутрь и вѣчномъ веселіи боголюбивыхъ сердецъ.

Веселіе животъ человѣку, и радованіе мужа долгоденствіе. Что пользы человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?

Возлети на небеса,
Хоть въ версальскіе лѣса (*),
Воздѣнь одежду золотую,
Воздѣнь и шапку парчевую.
Когда ты невеселъ,
То все ты нищъ и голъ.
Проживи хоть 300 лѣтъ,
Пробѣги хоть цѣлый свѣтъ.
Что тебѣ то помогаетъ,
Если сердце внутрь рыдаетъ?
Когда ты невеселъ,
То все ты мертвъ и голъ.
Завоюй земный весь шаръ,
Будь народамъ многимъ царь!
Что тебѣ то помогаетъ,
Аще внутрь душа рыдаетъ.
Когда ты невеселъ,
То все ты подлъ и голъ.

(*) Версалія именуется Французскаго царя эдемъ, сирѣчь рай, или сладостный садъ, неизрѣченныхъ свѣтскихъ утѣхъ исполненъ.

Брось, пожалуй, думать мнѣ:
Сколько жителей въ лунѣ?
Брось коперникански сферы! (*)
Глянь въ сердечныя пещеры!
Въ душѣ твоей глаголъ,
Вотъ будешь съ нимъ веселъ!
Богъ есть лучшій астрономъ,
И найлучшій экономъ!
Мать блаженная натура
Не творитъ ничтоже сдура.
Нужнѣйшее тебѣ,
Найдешь ты самъ въ себѣ.
Глянь, пожалуй, внутрь тебе,
Сыщешь *друга* внутрь себе!
Сыщешь тамъ вторую волю,
Сыщешь въ злой блаженну долю.
Въ тюрьмѣ твоей тамъ свѣтъ,
Въ грязи твоей тамъ цвѣтъ!
Правду Августинъ пѣвалъ:
И злу волю обличалъ.
Воля, адъ, (**) твоя проклята,
Воля наша пещь намъ ада!

(*) Коперникъ есть новѣйшій астрономъ; нынѣ его систему, сирѣчь планъ или типикъ небесныхъ круговъ, весь міръ принялъ. Родился надъ Вислою, въ Польскомъ городѣ Торунѣ. Сфера есть слово Еллинское; словенскій—кругъ, клубъ, мячъ, глобусъ, гиря, шаръ, кругъ луны, кругъ солнца.

(**) Адъ, слово Еллинское, значитъ темница, мѣсто преисподнее, лишенное свѣта, веселія и дражайшія злата — свободы. Адскій узникъ есть зерцаломъ плѣнниковъ, мучительныя своея воли, и сія лютая фурія непрерывно вѣчно ихъ мучитъ.

День, нощь челюстьми зѣваешь,
Всѣхъ безъ взгляду поглощаешь.
Убій злу волю, братъ,
Такъ упразднишь весь адъ!
Боже! О живый глаголъ!
Кто есть безъ тебе веселъ?
Ты единъ всѣмъ жизнь и радость,
Ты единъ всѣмъ рай и сладость!
Убій злу волю въ насъ!
Да твой владѣетъ гласъ!
Даждь пренужный даръ намъ сей,
Славимъ Тя, Царя Царей!
Тя поетъ и вся вселенна,
Въ семъ законѣ сотворенна,
Что нужность не трудна,
Что трудность не нужна. (*)

Какъ въ зернѣ мамврійскій дубъ, такъ въ горчичномъ его словѣ сокрылась вся высота богословскія пирамиды. Обрѣтшій средь моря своея воли Божію волю — обрѣте Кифу, сирѣчь гавань оную. На семъ камени утвержу всю церковь мою... Аще кто (преобразилъ) предалъ

(*) Pro memoria,

т. е. припоминаніе.

Самое сущее Августиново слово есть сіе:
Tolle voluntatem propriam,
Et tolletur infernus.

Сирѣчь.

Истреби волю собственную
И истребится адъ.

волю свою во волю Божію, воспѣвая сіе... Исчезе сердце мое, и проч. Сему самъ Богъ есть сердцемъ. Воля, сердце, любовь, Богъ, духъ, рай, гавань, блаженство, вѣчность есть тожде. Сей не обуревается, имѣя сердце оное, его же волею вся управляются. Августиново слово дышетъ симъ... раздерите сердца ваша... возьмите иго мое на себе, умертвите уды ваша, не яко же хощете сіе творите... нѣсть наша брань противу плоти и крови... Враги человѣку домашніе его..., но аспида и василиска наст... Той сотретъ твою главу, и проч.

—

XXVII.

Кто сей есть, его же вѣтры и моря послушаютъ.

Челнокъ мой бурнъ вихрь шатаетъ,
Се въ бездну, се выспрь ввергаетъ.
Ахъ нѣсть мнѣ днесь мира,
И нѣсть мнѣ кормила,
Сѣмя море пожираетъ.
Гора до небесъ восходитъ,
Другая до безднъ нисходитъ.
Надежда въ мнѣ таетъ,
Душа исчезаетъ,
Ждахъ: и се нѣсть помогаяй!
О пристанище безбѣдно!
Тихо, сладко, безнавѣтно!

О Маріинъ Сыне!
Ты буди едине
Кораблю моему брегомъ!
Ты въ кораблѣ моемъ спиши,
Востани! мой плачь услыши!
Ахъ! запрети морю!
Даждь помощь мнѣ скорю!
Ахъ! востани моя славо!
Избави мя отъ напасти,
Смотри душетлѣнныя страсти:
Се духъ терзаютъ,
Жизнь огорчеваютъ;
Спаси мя, Тебѣ молюся.

Сложена 1785 года, сентября 17 дня, въ селѣ Великомъ Бурлукѣ.

XXVIII.

Τῆς ὥρας ἀπόλαυε ταχύ γὰρ πάντα γηράσκει. Ἔριφος ἐξ ἐρίφου ταχύ ἔθηκε τράγον. Сирѣчь

Наслаждайся дней твоихъ,
Все бо вмалѣ состарѣетъ.
Въ одно лѣто изъ козленка
Сталъ косматый цапъ.

Осень намъ проходитъ,
А весна прошла;
Мать козленка родитъ,

Такъ весна пришла.

Едва лѣто запало,
А козля цапомъ стало.
Цапъ бородатый!
Ахъ отвержемъ печали!
Ахъ вѣкъ нашъ краткій, малый!
Будь сладкая жизнь!
Кто грусть въ утробѣ
Носитъ завсегда,
Тотъ лежитъ во гробѣ,
Не жилъ никогда.
О утѣха и радость!
О сердечная сладость!
Прямая ты жизнь!
Не красна долготою,
Но красна добротою
Какъ пѣснь, такъ и жизнь!
Живъ Богъ милосердый,
Я его люблю;
Онъ мнѣ камень твердый,
Сладко грусть терплю.
Онъ живъ, не умирая,
Живетъ же съ нимъ желая,
Моя и душа.
А кому онъ не служитъ,
Пущай тотъ бѣдный тужитъ,
Прямой сирота!
Хочешь ли жить въ сласти,

Не завидь нигдѣ
Будь сытъ съ малой части,
Не убогъ вездѣ.
Не бойся, смотря на гробные прахи
И на дѣтскіе страхи.
Смерть—покой, не вредъ!
Такъ живалъ Аѳинейскій,
Проводилъ день-деньской.
Въ садахъ Эпикуръ.

МЕЛІОДА

НА ОБРАЗЪ ЗАЧАТІЯ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОМАТЕРИ, ИМУЩІЯ ПОДЪ НОГАМИ КРУГЪ МІРА, УМАЛЯЮЩУЮСЯ ЛУНУ И ЗМІЯ СЪ ЯБЛОКОМЪ.

(Сей образъ стоитъ въ Богословской школѣ въ Харьковѣ)
Изображена сія меліода 1760 года, какъ былъ я учителемъ піитическія школы.

Воззри! се Дѣва стоитъ съ пречистыми руками!
Яблоко, змій, міръ, луна подъ ся ногами.
Яблокомъ является, плотска сласть безчестна.
Въ кую влечетъ, какъ змій, плоть наша прелестна,
Кругъ міра образуетъ, злу смѣсь мірскихъ мнѣній,
А луна знаменуетъ сѣнь мірскихъ имѣній.
Побѣди сія, Христосъ, и въ тебѣ вселится!
Будь, какъ Дѣва, чистъ! Мудрость въ сластяхъ не вмѣстится...

Хоть съ начала грѣхъ пріятенъ,
И по нѣжнымъ ведетъ цвѣтамъ,
Но опослѣ есть ужасенъ,
Сіе узритъ грѣшникъ самъ.
Скоро бо ввалится въ грѣхъ,
Тотчасъ лишается утѣхъ,
И чувствуетъ одну печаль.
О грѣхъ! ты сначала сладокъ,
И какъ благовонный бальзамъ,
Но послѣ какъ илъ и грязь, гадокъ
Бываешь ты нашимъ сердцамъ.
Твой разлившійся по душѣ ядъ
Опаляетъ какъ пламенный адъ,
И нещадно мучитъ да жжетъ.
Ты съ виду сладостью обвитъ,
И мы тебе жадно жремъ.
Ты какъ ехидна ядовитъ,
Но мы тебе въ руки беремъ,
И глотаемъ, какъ сладчайшій медъ,
Но въ ту же минуту чувствуемъ вредъ,
Вредъ не внѣ, а внутрь души.
Твоя сначала личина
Нашимъ кажется очамъ,
Такъ какъ прекрасна картина,
Всѣмъ слѣпо смотрящимъ намъ.
Но вдругъ твоя проходитъ краса,
И какъ смертоносная коса
Устрашаетъ наши сердца.

Ты насъ, какъ агнецъ, встрѣчаешь,
И являешь милый взоръ,
Но послѣ, какъ волкъ, терзаешь,
И заражаешь, какъ моръ.
Точишь, какъ неусыпаемый червь,
Рвешь и снѣдаешь, какъ лютый левъ.
О левъ! о червь! о скрыта моль!
Ты пучина всѣхъ есть жруща,
И глотаешь какъ китъ тощъ;
Ты адска челюсть ядуща,
Зѣваешь бо день и нощь.
Строищи сѣти какъ птицеловъ,
И манишь насъ какъ младыхъ птенцовъ.
О сѣть! О клѣть! О хитръ обманъ!
Ты точно тотъ звѣрь лютѣйшій,
Коего зрѣлъ Богословъ
Въ Откровеніи святѣйшемъ,
Имѣвшаго седьмъ роговъ.
Тѣми рогами на всякой часъ
Спѣшитъ заклать и убити насъ.
О звѣрь! О тигръ! О аспидъ злый!
Изъ твоихъ челюстей мечъ смерти
Летитъ быстро и разитъ,
И готовъ всѣхъ насъ пожерти,
Сѣчетъ, колитъ и язвитъ.
Отъ твоихъ острыхъ и лютыхъ стрѣлъ
Рѣдко кто не поврежденъ и цѣлъ.
О грѣхъ! о звѣрь! о лютый змій!
Но грѣшникъ въ тебе влюбившись,

Самаго себя вредитъ,
И тобою омрачившись,
Дремлетъ, спитъ и не радитъ.
Но сколь же онъ несчастливъ, бѣдникъ,
О семъ подумай прилежно всякъ,
То отъ страху весь задрожишь.
Если-жъ кто грѣховна яда
Не потщится изблевать,
То тотъ уже возлѣ ада,—
И нельзя его миновать.
Кто бо имѣетъ въ душѣ сей ядъ,
Тотъ въ себѣ носитъ тартаръ и адъ
Плоды грѣховъ, страхъ и мятежъ.

—

СВѢТЪ.

Ахъ, ты свѣте лестный,
Ты сердце крушишь,
Лютыми печальми
Только мя сушишь.
Теперь я сталъ знать,
Крѣпко примѣчать,
Ахъ, какъ твои стрѣлы
Меня уязвили
Ядовитыя.

Лести твоей, свѣте,
Я прежде не зналъ,
И за вѣрна друга
Тебя я считалъ;

Ажъ ты хитрый воръ,
Въ томъ больше не спорь:
Въ тебѣ лесть обмана
Жалка сердцу рана
И весьма несносна.

Этотъ мнѣ въ примѣту
Жалостный примѣръ:
Ходилъ я по свѣту
И часто самъ зрѣлъ,

Какъ онъ все мѣняетъ
И всѣхъ оскорбляетъ
Всему тамъ бѣда,
Какъ вдругъ иногда
Тотъ свѣтъ заиграетъ.

Силенъ, какъ высоко
Летаетъ орелъ,
Всѣ птицы боятся,
Когда онъ веселъ:

Надъ пѣшимъ орломъ
Вороны кругомъ;
Летаютъ, горкочутъ,
И злобно хлопочутъ,—
Ахъ несносно жаль!

Какъ счастье служило,
Нажилъ я друзей;
Все тогда манило
Ихъ къ дружбѣ моей.
Теперь всѣ друзья
Палятъ изъ ружья,
Какъ бы въ мя попасть,
Чтобъ совсѣмъ пропасть.
И чайка кигиче,
Изгинь ты, куличе!

—

СЧАСТЬЕ.

Ахъ, счастье, счастье бѣдное, злое!
Крушишь и печалишь ты сердце мое,
И самъ я не знаю, что мини чинити:
Жениться ли мнѣ, холостымъ ли быти?
Возьму я богатчу, будетъ укоряти;
Убогую взявши, нечѣмъ снабдѣвати;
Умная не дастъ мнѣ и слова сказать;
Дурную же стыдно людямъ показать.
Пошелъ бы я въ купцы—не знаю божиться,
А не божившись, не можно разжиться;
Пошелъ бы въ солдаты—нѣтъ силы ни мало,
Рушницу носити мини не пристало.
А такъ жити въ мірѣ—ото наше дѣло!

Благодарность Малороссіянъ за благодѣянія Императрицы Екатерины. На Малороссійскомъ нарѣчіи.

Ой годи намъ журитеся, пора перестаты,
Дождалися отъ Царици за службу заплаты:
Далы хлибъ, силь и граматы за вирныя службы;
Отъ—теперъ мы, милы братья, забудемъ вси нужды!
Въ Тамани жыть , вирно служыть, граныцю держаты,
Рыбу ловить, горилку пить , щей — будымъ багаты;
Дальше, треба женытися и хлибà робыты,
Хто прійды къ намъ изъ невирныхъ , то якъ врагивъ быты.
Слава Богу и Царици, а покой Гетману!
Зличили намъ въ сердцахъ нашихъ великую рану...
Благодаримъ Императрицю, молимся Богу,
Що намъ вона указала на Тамань—дорогу.

СОЛНЦЕ И ПТАШКА.

(На Малороссійскомъ нарѣчіи.)

Солнце восходытъ, прійдутъ красы!
Солнце заходытъ, Боже спасы!
2 Боже-жъ мой Боже!
Всякій день то-же!

Тотъ веселится, тотъ слезы льётъ,
Тотъ богатѣетъ, тотъ нагъ идетъ!

2 Боже-жъ мой, Боже!
Всякій день то-же!

Ой ты птычко жовтобока,
Не клады гнизда высоко.

2 Кладыжъ ёго нызько въ ямци,
Ховай дитокъ у зеленій травци!

Глянь—ось ястребъ надъ головою,
Лита и хоче ухопыть!

2 Охъ винъ зъ іжею такою,
Тилько кихтыще гострыть!

Бидну птычку уловилы,
И въ клиточку засадилы!

2 Охъ, одчепить!
Охъ, выпустить!

Да вжежъ мени не литаты,
Да вжежъ мени не спиваты:
2. Тёхъ—тёхъ—тёхъ!

Да вжежъ мени тутъ буты,
Охъ! тутъ буты, тутъ буты,
2. Охъ! охъ, охъ, охъ, охъ!

Такъ прощайте-жъ вы лисочки,
Луки, гай и садочки!

2 Охъ, одчепить!
Охъ, выпустить!

Да вжежъ мени не литаты,
Да вжежъ мени не спиваты:
2. Тёхъ—тёхъ—тёхъ!

Да вжежъ мени тутъ буты,
Охъ! тутъ буты, тутъ буты!
2. Охъ! охъ, охъ, охъ, охъ!
Гарна клитка золотая,
Кращежъ воля дорогая.
2 Охъ одчепить!
Охъ выпустить!

и проч.

Охъ, подружко дорогая,
Мыла, люба, золотая!
2 Гей птенята,
Пташенята!
Тёхъ—тёхъ—тёхъ!
Да вжежъ—бо намъ не литаты,
И всимъ вкупи не спиваты!
2. Охъ! охъ, охъ, охъ, охъ!
Есть тутъ вдоволь їсты й пыты,
Та не весело сидиты!
2 Охъ, одчепите!
Охъ, выпустите!
Да вжежъ мени не литаты,
И на воли не спиваты:
2. Охъ! охъ, охъ!...
Да вжежъ мени тутъ буты,
Викъ тукъ буты! викъ буты!
2. Тёхъ—охъ! тёхъ—охъ! тёхъ!

Кромѣ лирниковъ и бандуристовъ — слѣпцовъ, поющихъ и знающихъ пѣсни Сковороды, многія духовныя пѣсни и псалмы поются и послушниками и по Малороссійскимъ монастырямъ.

—

ПРОЗА.

РАЗГОВОРЪ О ТОМЪ:

ЗНАЙ СЕБЕ.

Лица: Лука, его Другъ и Сосѣдъ.

Лука. Вчера обѣдали мы оба, у моего брата, я и сосѣдъ мой, и собрались нарочно для воскреснаго дня, чтобъ поговорить о чемъ либо изъ Божьяго слова. Столъ былъ въ саду. Случай къ разговору подали слѣдующія написанныя на бесѣдкѣ слова:

Той сотретъ твою главу:
Ты же блюсти будешь его пяту.

Случилися при обѣдѣ два ученые: Навалъ и Сомнасъ. Они много тѣ слова толковали, по прошенію брата моего. Я непоколебимо вѣрю, что священное писаніе есть райская пища и врачество моихъ мыслей. Для того окаевалъ самъ себя за то, что не могъ никакого вкуса чувствовать въ тѣхъ сладчайшихъ словахъ.

Другъ. Какъ же называешь сладчайшими словами, не чувствуя въ нихъ никакого вкуса?

Л. Такъ какъ той, кто издали смотритъ на райскіе цвѣты, не слышитъ ихъ духа, а только вѣритъ, что дивнымъ какимъ-то дышутъ они благовоніемъ.

Др. Слушай, брате. Хотя бы оні подъ самый намъ носъ дышали, вкуса нельзя намъ чувствовать.

Л. Для чего? Развѣ у насъ головы и ноздрей нѣтъ?

Др. Головы и ноздрей? Знай, что мы цѣлаго человѣка лишены, и должны сказать: Господи! человѣка не имамъ.....

Л. Развѣ же не имѣемъ и не видимъ у насъ людей?

Др. Что же пользы: имѣть и не разумѣть? вкушати, и вкуса не слышать?.. А если хочешь знать, то знай, что мы такъ видимъ людей, какъ, еслибы кто показывалъ тебѣ одну человѣческую ногу, или пяту, закрывъ прочее тѣло и голову, безъ чего никакъ невозможно узнать человѣка. Ты и самъ себя видишь, но не разумѣешь и не понимаешь самаго себя. А не разумѣть себя самаго, слово въ слово, тоже, что и потерять себя самаго. Если въ твоемъ домѣ сокровище зарыто, а ты про то не знаешь, то это, слово въ слово, какъ бы его и не бывало. И такъ, познать себя самаго, и

сыскать себя самаго, и найти человѣка, все сіе значитъ одно. Но ты себя не знаешь, и человѣка не имѣешь, въ которомъ находятся очи, ноздри, слухъ и прочія чувства: какъ же можешь твоего друга разумѣти и вѣдать, если самъ себе не разумѣешь и не имѣешь? Слушай, что говоритъ истинный человѣкъ тому, кто хощетъ его снискать и увѣдать? Аще не увѣси саму себе, о добрая въ женахъ! изыди въ пятахъ паствъ, и паси козлища твоя, у кущей пастырскихъ.

Л. Какъ же? вѣдь вижу руки, ноги, и все мое тѣло.

Др. Ничего не видишь и вовсе не знаешь о себѣ.

Л. Жестокъ твой замыселъ и очень шиповатъ. Не можно мнѣ его никакъ проглотить.

Др. Понимая это, я и говорилъ, что ты не можешь слышать вкуса.

Л. Такъ что же вижу въ себѣ? Скажи пожалуй.

Др. Видишь въ себѣ то, что ничто, и ничего не видишь.

Л. Замучилъ ты мене. Какъ же не вижу въ себѣ ничего?

Др. Видишь въ себѣ одну землю, но симъ самымъ, ничего не видишь, потому что земля и ничто — одно и то же. Иное — видѣть тѣнь дуба, а иное — самое дерево точное. Видишь

тѣнь свою, просто сказать: пустошь свою и ничто; а самаго себѣ отъ роду ты не видывалъ.

Л. Боже мой! Откуда такія странныя мысли..? Ты наговоришь, что у-меня ни ушей, ни очей нѣтъ.

Др. Да, я уже давно сказалъ, что у тебя всего этого нѣтъ.

Л. Какъ же, развѣ очи мои, не очи, и уши— не уши?

Др. Но я спрошу тебя: скажи — пята твоя, и тѣло твое — все ли одно?

Л. Пята моя есть послѣдняя часть въ тѣлѣ, а голова — начало.

Др. Такъ я тебѣ, твоимъ же отвѣтомъ, отвѣщаю: что сіе твое око есть пята, или хвостъ въ твоемъ окѣ.

Л. А самое точное око, главное и начальное око гдѣ?

Др. Я вѣдь говорилъ, что ты видишь только свой хвостъ, а головы не знаешь. Такъ можно ли узнать человѣка, изъ одной его пяты? А если ока твоего ты не видишь, кромѣ послѣдней его части, то не видалъ никогда ни уха, ни твоего языка, ни рта, ни ногъ твоихъ, ни всѣхъ прочихъ твоихъ частей цѣлаго твоего тѣла, кромѣ послѣдней его части, называемыхъ: пятою, хвостомъ, или тѣломъ.... Такъ можешь ли сказать, что ты себя узналъ?

Ты самъ себя потерялъ. Нѣтъ у тебя ни ушей, ни ноздрей, ни очей, ни всего тебя, кромѣ одной твоей тѣни.

Л. Для чего жъ меня тѣнью называешь?

Др. Для того, что ты существа твоего потерялъ исть и во всемъ себѣ наблюдаешь пяту, или хвостъ, минуя твою точность, и потерявъ главность.

Л. Да почему же мои члены хвостомъ зовешь?

Др. Потому, что хвостъ есть послѣдняя часть. Она послѣдуетъ головѣ, а сама собою ничего не начинаетъ.

Л. Мучишь ты меня, другъ любезный. Можетъ быть, оно и такъ, какъ сказуешь, но уничтоживъ мои мнѣнія, ты своихъ мыслей не даешь.

Др. Послушай, душа моя! Я и самъ, признаюсь, что точно не знаю. А если тебѣ понравятся мои мысли, такъ поговоримъ откровеннѣе. Ты вѣдь безъ сомнѣнія знаешь, что называемое нами око, ухо, языкъ, руки, ноги, и все наше внѣшнее тѣло, само собою, ничего не дѣйствуетъ, и ни въ чемъ. Но все оно порабощено мыслямъ нашимъ, Мысль, владычица его, находится въ непрерывномъ волнованіи день и ночь. Она-то разсуждаетъ, совѣтуетъ, опредѣленіе дѣлаетъ, понуждаетъ. А крайняя наша плоть, какъ обузданный скотъ,

или хвостъ, по неволѣ ей послѣдуетъ. Такъ вотъ видишь, что мысль есть главною нашею точкою и среднею (*). А посему-то она, часто и сердцемъ называется. И такъ, не внѣшняя наша плоть, но наша мысль есть главный нашъ человѣкъ; въ ней-то мы состоимъ, а она въ насъ.

Л. Вотъ этому я вѣрю. Я примѣчалъ, что когда (отселѣ стану себя мыслію называть) на сторону устремляюся, тогда безъ меня мое око ничего, даже въ близости видѣть не можетъ. Что-жъ оно за такое око, если видѣть не можетъ? Ты его хорошо назвалъ не окомъ, а тѣнью точнаго ока, или хвостомъ (**). Благодарствую, что ты мнѣ меня нашелъ. Слава Богу! Теперь, я все имѣю — очи, уши, языкъ, руки, ноги. Потерялъ я старое, но нашелъ новое.

Прощай, моя тѣнь! Здравствуй, вожделѣнная истина! Ты будь мнѣ Обѣтованная земля. Полно мнѣ быть работникомъ. Да я-жъ о семъ никогда и не думалъ. Куда! Я люблю это мнѣніе. Пожалуй, подтверди мнѣ его. Хощу, чтобъ оно было непоколебимо.

(*) Mens cujuspueis est quisque. Cicero. Умъ коегождо: той есть кійждо. Цицеронъ. Отсюду умъ у Тевтоновъ. Человѣкъ нарицается Mensch, сирѣчь, Mens: то есть, мысль, умъ. У Еллиновъ же нарицается Мужъ, Φῶς: сирѣчь, свѣтъ: то есть, умъ.

(**) Coeci sunt Oculi: ubi Mens aliud agit. Proverbiu. Слѣпы суть очи, буде умъ иное дѣетъ: сирѣчь, аще индѣ устранился. Древняя Притча.

Др. Пожалуй, не спѣши! Кто скоро прилѣпляется къ новому мнѣнію, тотъ скоро и отпадаетъ. Не будь вѣтренъ. Испытуй опасно всякое слово, и тогда уже давай ему мѣсто въ сердцѣ твоемъ. Я и самъ сіе мнѣніе несказанно люблю и желаю, чтобъ оно твоимъ на вѣки было, дабы въ насъ сердце и мысль одна была. И сего сладчае быть ничто не можетъ. Но пожалуй же, разсуждай первѣе хорошенько. Потомъ въ радости и въ простотѣ сердца принимай. Будь простъ, но будь притомъ и бережливъ. Если мое мнѣніе тебѣ нравно, то знай, что оно — не мой вымыслъ есть. Взгляни на Іеремію въ глав. 17-й въ стихѣ 9-мъ.

Л. Боже мой! Самаго точнаго увижу я Іеремію, если увижу его мысль. Но покажи его слова...

Др. Вотъ тебѣ!

Глубоко сердце человѣку, паче всѣхъ; и человѣкъ есть, — и кто познаетъ его?

Если теперь имѣешь очи и уши, примѣчай! Чувствуешь ли?

Л. Чувствую, другъ мой. Пророкъ называетъ человѣкомъ сердце.

Др. А что-жъ кромѣ сего, примѣчаешь?

Л. То, что утаенная мыслей нашихъ бездна и глубокое сердце — все одно. Но удивительно! какъ то возможно, что человѣкомъ есть не

внѣшняя, или крайняя его плоть, какъ народъ разсуждаетъ, а глубокое сердце, или мысль его; она-то самымъ точнымъ есть человѣкомъ, и главою; а ты сказалъ, что внѣшняя его наружность есть не иное что, какъ тѣнь, пята и хвостъ.

Др. Вотъ видишь, уже начинаешь опадать: легко сначала повѣрилъ. Для того стала скоро оскудѣвать вѣра твоя. Что вдругъ зажигается, то вдругъ и угасаетъ. Но твердое дѣло укрѣпляется съ косностію, потому что совѣтъ не бываетъ безъ медленности. Ахъ! земля прилипчива есть. Не вдругъ можно вырвать ногу изъ клейкихъ плотскихъ мнѣній. Они-то, въ насъ вкоренившись, называются повѣрьемъ. Плотскаго нашего житія плотская мысль началомъ и источникомъ есть: по землѣ ползетъ, плоти желаетъ, грязную нашу пяту наблюдаетъ... Но кто намъ сотретъ главу зміину? Кто выколетъ вранови око, вперившееся въ ночь? Кто намъ уничтожитъ плоть? Гдѣ Финеесъ, пронзающій блудницу? Гдѣ ты — мечу Іереміинъ, опустошающій землю?.. Но сыскалъ Богъ мудраго противу мудраго, — змія на змія, сѣмя противу сѣмени, землю вмѣсто земли, рай вмѣсто ада, вмѣсто мертваго — живое, вмѣсто лжи, правду свою... Се! Спаситель твой грядетъ, имѣяй съ собою воздаяніе.

Л. Говори пожалуй яснѣе; ничего не понимаю.

Др. Но кто вкусъ можетъ слышать, не имѣя вѣры? Вѣра — свѣтъ во тьмѣ видящая; страхъ Божій — плоть пригвождающій. Крѣпка, яко смерть, любовь Божія. Вотъ единственная дверь къ райскому вкусу. Можешь ли вѣрить, что чистѣйшій Духъ весь пепелъ плоти твоея содержитъ?

Л. Вѣрую, но самъ чувствую слабость вѣры моея... Пособи, если можешь, выдраться изъ грязи невѣрія. Признаюсь, что сіе слово: вѣра, въ грязныхъ моихъ устахъ мечтается за одинъ только обычай; а вкуса въ ней ничего не слышу.

Др. По крайней мѣрѣ, знаешь, куда смотритъ вѣра?

Л. Знаю, что должно вѣровать въ Бога, а въ прочемъ—ничего тебѣ не скажу.

Др. О бѣдный и безплодный человѣкъ! Знайже, что вѣра смотритъ на то, чего пустое твое око видѣть не можетъ.

Л. Что за пустое такое око?

Др. Уже говорено, что вся плоть пустошь.

Л. Да, я въ цѣлой поднебесной ничего другаго не вижу, кромѣ видимости, или, по твоему сказать, плотяности, или плоти.

Др. Такъ посему ты — невѣрный язычникъ и идолопоклонникъ?

Л. Какъ же идолопоклонникъ, если вѣрую во единаго Бога?

Др. Какъ же вѣруешь, если кромѣ видимости, ничего не видишь? Вѣдь вѣра пустую видимость презираетъ, а опирается на томъ, что въ пустошѣ головою, силою есть, и основанiемъ, и никогда не погибаетъ.

Л. Такъ посему другаго ока надобно, чтобъ еще повидѣть и невидимость?

Др. Скажи лучше такъ, что надобнѣе для тебя истинное око, дабы ты могъ истину въ пустошѣ усмотрѣть, а старое твое око никуда не годится: пустое твое око смотритъ во всемъ на пустошь. Но если бы ты имѣлъ истиннаго въ себѣ человѣка, могъ бы ты его окомъ во всемъ усмотрѣть истину?

Л. Какъ же сего человѣка нажить?

Др. Если его узнаешь, то и достанешь его.

Л. А гдѣ онъ..? Но прежде отвѣщай: для чего ты говорилъ о вѣрѣ, а теперь объ окѣ?

Др. Истинное око, и вѣра — все одно.

Л. Какъ такъ?

Др. Такъ, что истинный человѣкъ имѣетъ истинное око, которое, понеже, минуя видимость, усматриваетъ подъ нею новость и на ней опочиваетъ, для того называется вѣрою. А вѣровать и положиться на что, какъ на твердое основанiе — все то одно.

Л. Если находишь во мнѣ два ока, то и два человѣка.

Др. Конечно такъ.

Л. Но довольно и одного: на что два?

Др. Глянь на сіе дерево: если сего дуба не будетъ, можетъ ли стоять тѣнь?

Л. Я вѣдь не тѣнь, я твердый корпусъ имѣю.

Др. Ты-то тѣнь, тьма и тлѣнъ; ты сѣніе истиннаго твоего человѣка, ты риза, а онъ тѣло. Ты привидѣніе, а онъ твоя красота, образъ и планъ: не твой образъ, и не твоя красота, а онъ въ тебѣ истина. Ты-то ничто, а онъ въ тебѣ существо; ты грязь, а онъ твоя красота, образъ и планъ. Не твой образъ, и не твоя красота; понеже не отъ тебе, да только въ тебе, и тебе содержитъ, о прахъ! и ничто! А ты его по тѣхъ мѣстъ не узнаешь, поколь не признаешься со Авраамомъ въ томъ, что ты земля и пепелъ; а теперь кушай землю, люби пяту свою, ползай по землѣ. О сѣмя зміино! Пріидетъ Богообѣщанный тотъ день, въ который благословенное сѣмя, ипостасное Слово Отчее уничтожитъ лукавый совѣтъ твой сей, той сотретъ твою главу.

РАЗГОВОРЪ 2-й.

О томъ же: Знай Себе.

Лица: Клеопа, Лука и Другъ.

Клеопа. Правду говоришь... Однакъ, панъ Сомнасъ сколько ни велерѣчивъ, я въ немъ вкуса не слышу. Пойдемъ опять къ нашему другу. Слова его ѣдки, но, не знаю, какъ-то пріятны.

Лука. А вотъ онъ и самъ къ намъ...

Другъ. Тѣнь мертвая! Здравствуйте!

Л. Здравствуй, мысль, духъ, сердце! Вѣдь, сей твой человѣкъ? Пересказали мы твои мысли нашимъ книгамъ. Они говорили, что долженъ ты свое мнѣніе въ натурѣ показать.

Др. Что се значитъ: въ натурѣ показать?

Л. Я сего не знаю.

Кл. Какъ сего не знать? Должно показать, что нетолько въ одномъ человѣкѣ, но и въ протчіихъ тваряхъ невидимо первенствуетъ.

Л. Такъ точно. Затѣмъ хотѣли къ тебѣ итти.

Др. А вы доселѣ сего не знаете?

Л. Конечно, долженъ ты доказать.

Др. Вѣрите ли, что есть Богъ?

Л. Его невидима сила вся исполняетъ и всѣмъ владѣетъ.

Др. Такъ чего-жъ ты еще требуешь? Ты уже самъ доказалъ.

Л. Какъ доказалъ?

Др. Когда говоришь, что невидима сила все исполняетъ и всѣмъ владѣетъ, такъ не все ли одно сказать, что невидимость въ тваряхъ первенствуетъ? Ты уже самъ назвалъ невидимость головою, а видимость хвостомъ во всей вселенной.

Л. Такъ возьми—что изъ всея вселенныя въ примѣръ, для изъясненія.

Др. Я тебѣ всю подсолнечную и вси Коперниковы міры представляю. Возьми изъ нихъ, что хочь. А что говорите: показать въ натурѣ—то должно было сказать: изъясни намъ притчами или примѣрами и подобіями, что человѣкъ состоитъ не во внѣшней только своей плоти и крови, но мысль и сердце его—то истинный человѣкъ есть. Взглянь на стѣну сію—что на ней видишь?

Л. Вижу написаннаго человѣка. Онъ стоитъ на зміѣ, раздавивъ ногою голову зміину.

Др. Вѣдь живопись видишь?

Л. Вижу.

Др. Скажи-жъ, что такое живописью почитаешь? Краску ли, или закрытый въ краскѣ рисунокъ?

Л. Краска—не иное что, какъ порохъ и пустошь. Рисунокъ, или пропорція, и расположеніе красокъ—то сила. А если ея нѣтъ, въ то время краска—грязь и пустошь одна.

Др. Что-жъ еще при сей живописи видишь?

Л. Вижу приписанныя изъ Библіи слова. Слушайте, стану ихъ читать.

Мудраго очи во главѣ его.

Очи же безумныхъ на концахъ земли.

Др. Ну, если кто краску на словахъ видитъ, и письменъ прочесть не можетъ: какъ тебѣ кажется? Видитъ ли такій писмена?

Л. Онъ видитъ плотянымъ окомъ одну послѣднюю пустошь, или краску въ словахъ, а самыхъ въ письмѣ фигуръ не разумѣетъ — одну пяту видитъ, не главу.

Др. Право ты судилъ еси. Такъ посему, если видишь на старой въ Ахтыркѣ церкви кирпичъ и вапу (известь), а плана ея не понимаешь — какъ думаешь: усмотрѣлъ ли и узналъ ее?

Л. Никакъ! Такимъ образомъ одну только крайнюю и послѣднюю наружность вижу въ ней, которую и скотъ видитъ; а симметріи ея, или пропорціи и размѣра, которые всему связь и голова матеріалу, понеже въ ней неразумѣю, для того и ея не вижу, не видя ея головы.

Др. Добрый твой судъ. Теперь на щеты всю сумму.

Л. Какъ?

Др. А вотъ такъ: что въ краскахъ рисунокъ, то же самое есть фигурою въ писменахъ, а въ строеніи планомъ. Но чувствуешь ли, что всѣ сіи головы, какъ рисунокъ, фигура и планъ и

симметрія и размѣръ, не иное что есть, какъ мысли?

Л. Кажется, что такъ.

Др. Такъ для чего-жъ ты не постигаешь, что и въ протчіихъ тваряхъ невидимость первенствуетъ, не только въ человѣкѣ? То-жъ разумѣть должно о травахъ, деревахъ, и о всемъ протчемъ. Духъ все на все вылѣпливаетъ, духъ и содержитъ. Но наше око пяту блюдетъ, и на послѣдней наружности находится, минуя силу, начало и голову. И такъ, хотя бы мы одно безъ души тѣло были, то и въ самое тое время еще не довольно самихъ себе понимаемъ.

Л. Для чего?

Др. Для того, что, почитая въ тѣлѣ нашемъ наружный прахъ, не поднимаемся мыслію въ планъ, содержащій слабую сію персть. И никогда вкуса не чувствуемъ съ словахъ сихъ Божіихъ, по землѣ ползущее наше понятіе къ познанію истиннаго нашего тѣла возвышающихъ, а именно: «Не бойся, Іакове! Се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя...» Но поступимъ повыше.

Кл. Мы выше поступать еще не хощемъ, а сумнѣніе имѣемъ, и желаемъ хорошенько узнать то, что называешь истиннымъ тѣломъ. Намъ дивно, что...

Др. Что такое дивно? Не Богъ ли все со-

держитъ? Не самъ ли глава и все во всемъ? Не Онъ ли, истиннымъ и главнымъ основаніемъ въ ничтожномъ прахѣ нашемъ? И какъ сумнишься о точномъ и новомъ тѣлѣ? Не думаешь ли сыскать что ни-есть такое, въ чемъ бы Богъ не правительствовалъ за главу и вмѣсто начала? Но можетъ ли что бытіе свое кромѣ Его имѣть? Не онъ ли бытіемъ всему? Онъ вся во всемъ; потому что истина есть Господня, Господь же духъ и Богъ — все одно. Онъ единъ дивное во всемъ и новое во всемъ дѣлаетъ самъ собою, и истина Его во всемъ во вѣки пребываетъ; прочая же вся — крайняя наружность — не иное что, токмо тѣнь Его, и пята Его, и подножіе Его, и обветшающая риза... Но

Мудраго очи во главѣ его.
Очи же безумныхъ на концахъ земли.

РАЗГОВОРЪ 3-й.

О томъ же: Знай себе.

Лица: Клеопа, Филонъ и Другъ.

Клеопа. Ахъ, перестань пожалуй, не сумнѣвайся. Онъ — человѣкъ добрый и ничьею не гнушается дружбою. Мнѣ твое доброе сердце извѣстно, а онъ ничего кромѣ сего не ищетъ.

Филонъ. Я знаю многихъ ученыхъ: они горды, не хотятъ и говорить съ поселяниномъ.

Кл. Пожалуй же повѣрь.

Др. О чемъ у васъ споръ?

Кл. Ба! А мы нарочно къ тебѣ.... Вотъ мой товарищъ; пожалуй не погнѣвайся.

Др. За что? Человѣкъ зритъ на лице, а Богъ зритъ на сердце. А Лука гдѣ?

Кл. Не можетъ понять твоихъ рѣчей. Онъ прилѣпился къ Сомнасу, при вчерашнемъ разговорѣ. А намъ твои новинки милы.

Др. О чемъ была рѣчь?

Кл. Помнишь ли, Филонъ?

Фил. Помню; была рѣчь о безднѣ.

Кл. А! а! вотъ слова..! И тьма верху бездны.

Фил. Потомъ споръ былъ о какихъ-то старыхъ и новыхъ мѣхахъ, и о винѣ.

Кл. Одинъ спорилъ, что бездною называется небо, на которомъ плаваютъ планеты. А господинъ Навалъ кричалъ, что точная бездна есть океанъ великій. Иной клялся, что чрезъ то значится жена. Иной толковалъ ученіе, и прочая, и прочая.

Др. Если хощемъ измѣрить небо, землю и море, должны вопервыхъ измѣрить самихъ себе съ Павломъ — собственною нашею мѣрою. А если нашея внутрь насъ мѣры не сыщемъ, то чѣмъ измѣрить можемъ? А не измѣривъ себя прежде, что пользы знать мѣру въ прочихъ

тваряхъ? Да и можно ль? Можетъ ли слѣпъ въ домѣ своемъ быть прозорливымъ на рынку? Можетъ ли сыскать мѣру, не разумѣвъ, чтó есть мѣра? Можетъ ли мѣрить, не видя земли? Можетъ ли видѣть, не видя головы ея? Можетъ ли усмотрѣть голову и силу ея, не сыскавъ и не разумѣвъ своея въ самомъ себѣ? Голова головою, и сила понимается силою.

Кл. Не можно ль поговорить простѣе?

Др. Измѣрить и узнать мѣру есть одно. Если бы ты долготу и широту церкви измѣрилъ саженемъ или веревкою, какъ тебѣ кажется: узналъ ли бы ты мѣру ея?

Кл. Не думаю. Я бы узналъ одно только пространство матеріаловъ ея; а точную ея мѣру, содержащую матеріалы, въ то время узнаю, когда понимаю планъ ея.

Др. Такъ посему, хотя бы ты всѣ Коперниканскіе міры перемѣрилъ, не узнавъ плана ихъ, который всю внѣшность содержитъ, то бы ничего изъ того не было.

Кл. Думаю, что какъ внѣшность пуста, такъ и мѣра ея.

Др. Но кто можетъ узнать планъ въ земныхъ и небесныхъ пространныхъ матеріалахъ, прилѣпившихся къ постоянной своей симметріи, если его прежде не могъ усмотрѣть въ ничтожной плоти своей? Симъ планомъ все-на-все создано

или слѣплено, и ничто держаться не можетъ безъ него. Онъ всему матеріалу цѣпь и веревка: онъ-то есть рука десная—перстъ, содержащій всю персть, и пядь Божія, всю тлѣнь измѣрившая и самый ничтожный нашъ составъ. Слово Божіе—совѣты и мысли Его—сей есть планъ, во всей вселенной простершійся, все содержащій и исполняющій. Сія есть глубина богатства и премудрости Его. И что можетъ обширнѣе разлиться, какъ мысли? О сердце, бездно всѣхъ водъ и небесъ ширшая!.... Коль ты глубоко!

Кл. Правду сказать. Помню слово Іереміино сіе: глубоко сердце человѣку паче всѣхъ человѣкъ есть...

Др. Вотъ сей же-то человѣкъ въ тебѣ содержитъ все! Онъ-то утверждаетъ плотскія твои ноги и руки. Онъ голова и сила очей твоихъ и ушей. А если ему вѣрить можешь, не отемнѣютъ очи твои и не истлѣютъ уста твоя во вѣки вѣковъ.

Кл. Вѣрую, и понуждаю сердце мое въ послушаніе вѣры. Но не можно ли хотя маленько мене подкрѣпить? Прошу не гнѣваться. Чѣмъ выше въ понятіе невидимости взыйду, тѣмъ крѣпша будетъ вѣра моя.

Др. Праведно требуешь, для того, что Богъ отъ насъ ни молитвѣ, ни жертвъ принять не хощетъ, если мы его не узнали. Люби Его и приближайся къ Нему всегда; сердцемъ и поз-

наніемъ приближайся, не внѣшними ногами и устнами. Сердце твое есть голова внѣшностей твоихъ; а когда голова, то самъ ты еси твое сердце. Но если не приближишься и не сопряжешься съ тѣмъ, кой есть твоей головѣ головою, то останешься мертвою тѣнью и трупомъ. Если есть тѣло * надъ тѣломъ, тогда есть и голова надъ головою, и выше стараго новое сердце. Ахъ, не стыдно ли и не жалко ли, что Богъ суда себѣ отъ насъ проситъ! Да и не получаетъ.

Кл. Возможно ли? Какъ такъ?

Др. Соперники Его идолы и кумиры. Сихъ-то, сидя на судѣ, оправдаемъ.

Кл. Ужасная обида! И ея не понимаю.

Др. Не понимаешь? Вотъ самъ будешь судіею противъ Его.

Кл. Боюсь. Но, пожалуй, подкрѣпи мнѣ мое невѣріе о безсмертномъ тѣлѣ. Любы мнѣ твои слова сіи: не отемнѣютъ очи твои...

Др. Ну, скажи мнѣ. Если бы твое внѣшное тѣло чрезъ 1000 лѣтъ невредимо было: любилъ ли бы ты плоть свою?

Кл. Сему статься нельзя; а если бы можно— нельзя не любить.

Др. Знай же, что ты себя самаго ни мало еще не узналъ.

---

* Разумѣется тѣло *духовное*, коимъ облечемся по воскресеніи изъ мертвыхъ.

Кл. По крайней мѣрѣ знаю, что тѣло мое на вѣчномъ планѣ основано. И вѣрую симъ обѣщаніямъ Божіимъ: се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя....

Др. Если бы ты въ строеніи коего-то дома планъ узналъ и силу стѣнъ его, довольно ли то къ познанію совершенному онаго дома?

Кл. Не думаю. Надобно, кажется, еще знать и то: для котораго совѣтовъ или дѣлъ тотъ домъ построенъ? Бѣсамъ ли въ немъ жертву приносятъ, или невидимому Богу? Разбойническое онъ жилище, или ангельское селеніе?

Др. И мнѣ кажется. что недовольно принимаешь, напримѣръ, сосудъ глиняный, если разумѣешь одну его фигуру, на грязи изображенную, а не знаешь, чистымъ ли, или нечистымъ наполненъ онъ ликеромъ, или питіемъ?

Кл. Теперь понимаю, что тѣло мое есть точно то, что стѣны храма, или то, что въ сосудѣ черепъ. А сердце и мысли мои то, что во храмѣ жертвоприношеніе, или то, что въ сосудѣ вода. И какъ стѣны суть дешевле жертвъ, потому что они для жертвъ, а не жертвы для стѣнъ, и черепъ для воды, а не вода для сосуда: такъ и душа моя, мысли и сердце есть лучшее моего тѣла.

Др. Но скажи мнѣ: если бы тіи стѣны прекрасныя развалилися: погибли ли бы они? Про-

палъ-ли бы тотъ сосудъ, еслибъ его черепъ фигурный разшибся?

Кл. Тфу! Сіе и младенецъ разумѣетъ. Конечно, онъ не цѣлый, если...

Др. Не радуйся-жъ, мой Израилю, и не веселися. Заблудилъ ты еси отъ Господа Бога твоего. Не слыхалъ ли ты отъ пророковъ никогда, что Богъ судъ имѣетъ съ соперникомъ своимъ-землею?

Кл. Да кто можетъ Его судить?

Др. Уже ты далъ судъ твой на него, уничтожилъ сторону Его.

Кл. Коимъ образомъ?

Др. Кто неправеднаго оправдалъ, тотъ безъ сумнѣнія обидилъ невиннаго. А оправдать обоихъ никакъ нельзя. Таковъ-то судья былъ, каковъ ты, Ефремъ, котораго нѣкто изъ пророковъ называетъ голубомъ безумнымъ, лишеннымъ сердца. Да и не дивно; потому что, по притчѣ того же пророка, на подобіе печи, огнемъ разженныя, толь вси судьи страстью къ видимости разгорѣлись, что всѣ почти наставники съ землею сляглися, и не было изъ нихъ ни одного, который бы былъ пріятенъ Богу.

Кл. Умилосердись, скажи: кой я судъ произнесъ противу Бога?

Др. Такъ; ты, влюбляясь въ землю, отдалъ ей судомъ твоимъ то, что единственно Богу принадлежитъ.

Кл. Не понимаю.

Др. Слушай! Голубь темноокій! Не Божія ли есть, и не Господня ли крѣпость?

Кл. Да ктожъ объ этомъ споритъ?

Др. Какъ же ты дерзнулъ сказать, что при разбитіи черепа, сосудъ пропалъ? Смѣешь ли сосудъ утвердить на прахѣ, а не въ Богѣ? Кая твердость быть можетъ въ томъ, что всеминутно подвержено развалинамъ и премѣнамъ? Не Божій ли, невидимый перстъ содержитъ въ стѣнахъ прахъ? Не онъ ли голова въ стѣнахъ? Не стѣна ли вѣчна, если главное начало ея вѣчно? Какъ же ты посмѣлъ, уничтоживъ голову, возвеличить хвостъ, присудить тлѣнію безвредность, праху твердость, кумиру Божество, тьмѣ свѣтъ, смерти животъ? Вотъ нечестивый на Бога судъ и совѣтъ! Вотъ лукавое лукаваго змія око, любящее пяту, а не главу Христа Іисуса, иже есть всяческая во всемъ!.. Не ты ли сказалъ, что нельзя не любить тлѣннаго тѣла, еслибъ оно чрезъ 1000 лѣтъ невредимо было? И какъ можешь сказать, что ты, по крайней мѣрѣ, узналъ твое тѣло? Да и кчему хвалишься Божіими сими милостивыми словами: И се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя, и предо мною еси присно. Можетъ ли тлѣнь стоять всегда, то есть вѣчно? Можетъ ли недостойное честнымъ быть, и тьма свѣтомъ, и зло добромъ? Не все ли одно: ввѣриться пра-

ху ногъ твоихъ, и положиться на сребреннаго кумира? Все то безчестное, что тлѣнное. Все то тьма и смерть, что преходящее... Смотри на земленность плоти твоея... Вѣришь ли, что въ семъ твоемъ прахѣ зарыто сокровище, то есть таится въ немъ невидимость и перстъ Божій, держащій прахъ твой сей, и всю твою персть сію?

Кл. Вѣрую.

Др. Вѣруешь ли, что онъ есть голова, и первоначальное основаніе, и вѣчный планъ твоей плоти?

Кл. Вѣрую.

Др. Ахъ! Когда бы ты вѣрилъ, никогда бы ты не говорилъ, что тѣло твое пропадаетъ, при разсыпаніи праха твоего. Видишь одно бренное въ тебѣ тѣло; не видишь тѣла духовнаго. Не имѣешь жезла и духа къ двойному раздѣленію. Не чувствуешь вкуса въ тѣхъ Божіихъ словахъ: Аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста моя будеши.

Кл. Непонятно мнѣ то, какимъ образомъ присудилъ я кумиру Божество, а животъ тому, что мертвое. Слыхалъ я, что погибшій есть тотъ, кто называетъ свѣтъ тьмою, а горькое сладкимъ.

Др. Не удивляйся, душа моя! Всѣ мы — любопрахи. Кто только влюбился въ видимость плоти своея, не можетъ не гоняться за видимостью во всемъ небесномъ и земномъ простран-

ствѣ. Но для чего онъ ее любитъ? Не для того ли, что усматриваетъ въ ней свѣтлость и пріятность: жизнь, красу и силу?

Кл. Конечно, для того.

Др. Такъ не всежъ ли одно: почитать идола за живое, и присудить ему жизнь, когда ему умрети должно? Мнѣ, кажется, то же почитать горькое сладкимъ, и дать судъ въ томъ, что медовая сладость принадлежитъ къ желчи. Но можно ли желчи сладость присудить, безъ обиды меду? Вотъ какимъ образомъ всѣ мы собираемся на Господа и на Христа Его! Онъ взываетъ: *моя крѣпость и сила*! во мнѣ путь, истина и животъ! А мы судимъ, что все сіе принадлежитъ внѣшней плоти и плотской внѣшности, и сей судъ нашъ несомнѣнно подтверждаемъ таковымъ же житіемъ нашимъ предъ людьми.

Кл. Вижу теперь вину свою и ужасно удивляюсь, что за тьма наши очи покрыла? Столько пророки вопіютъ: Духъ, Духъ! Богъ, Богъ! всяка внѣшность есть трава, тѣнь — ничто: а мы ропщемъ, тужимъ, когда плоть наша увядаетъ, слабѣетъ, и прахъ переходитъ къ праху. Можно ли сыскать упрямѣйшую и жестоковійнѣйшую нещастливость?

Др. Сему и я часто дивлюся. Теперь, думаю понимаешь, что то за судъ, котораго отъ насъ толь ревностно и единственно требуетъ Богъ

чрезъ пророковъ? И какъ можемъ дать добрый судъ меньшымъ нашымъ братіямъ, обидивъ Христа Іисуса. Онъ первый, что всѣ его оставили; всѣ за тьмою, оставивъ свѣтъ, пошли, побѣжали.

Кл. Но откуду въ насъ проклятое сіе сѣмя рождается? Когда земля проклята, тогда и любовь къ ней.

Др. Хорошо мысль называешь сѣменемъ: оно есть началомъ плодовъ, а совѣсть въ сердцѣ— голова нашихъ дѣлъ. Но понеже сердце наше есть точнымъ человѣкомъ, то и видно, кого премудрость Божія называетъ сѣменемъ и чадами зміиными. Люди любятъ землю: а она есть пята и тѣнь. По сей-то причинѣ, ничѣмъ они не сыты. Блаженъ, если въ чьемъ сердцѣ злое сѣмя страстей подавлено! Оно-то насъ вводитъ въ горесть; а намъ мнится, будто мы въ сладости. Но откуду сей змій въ сердцѣ заражевается, ты спрашуешь?

Кл. Хощу знать.

Др. Откуду злое сѣмя на грядкахъ огороднихъ? Не убережешься, чтобы оно не родилось. Но что дѣлатъ? Сыне! Храни сердце твое, стань на стражѣ со Аввакумомъ, знай себе, смотри себе, будь въ домѣ твоемъ, береги себе, слышь? Береги сердце.

Кл. Да какъ себе беречь?

Др. Такъ, какъ ниву. Выплѣняй, искореняй

и вырывай всякій совѣтъ лукавый, все злое сѣмя змінно.

Кл. Что есть совѣтъ лукавый и сѣмя змінно?

Др. Любить и оправдывать во всякомъ дѣлѣ пустую внѣшность или пяту.

Кл. Скажи простѣе.

Др. Не вѣрь, что рука твоя согніетъ, а вѣрь, что она вѣчна въ Бозѣ: одна тѣнь ея гибнетъ, не истинная рука; истинная же рука и истина вѣчна, потому что невидима,—а невидима потому, что вѣчна.

Кл. Сіи мысли чудныя.

Др. Конечно, новыя. Если же сбереженіе твоея руки присудишь плотской тлѣни, а не Божіей невидимости, то будешь старымъ мѣхомъ, надутымъ бездною мыслей, непросвѣщенныхъ потолѣ, поколь возможешь сказать: Богъ, рекій изъ тьмы свѣту возсіяти, иже возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ. А сіе сдѣлается при сотвореніи новаго неба и земли. *Се Азъ новая творю!* глаголетъ Господь (Въ кн. пр. Исаіи.)

—

РАЗГОВОРЪ 4-й.

О томъ-же: знай себе.

Лица.

Лука, Клеопа, Филонъ, Другъ.

Лука. Посему весьма немалое дѣло — узнать себе.

Другъ. Одинъ трудъ въ обоихъ сихъ: познать себе, и уразумѣть Бога.—Познать и уразумѣть точнаго человѣка: весь трудъ и обманъ отъ его тѣни, на которой всѣ останавливаемся. Никогда еще не бывала видимость истиною, а истина видимостью. Но всегда во всемъ тайная есть и невидимая истина; потому что она есть Господня. А Господь и духъ, плоти и костей неимущій, и Богъ — все то одно. Вѣдь ты слышалъ рѣчи истиннаго человѣка. Если-де не узнаешь себе, о добрая жено, то паси козлы твои возлѣ шалашей пастушеныхъ. Я-де тебе не мужъ, не пастырь и не господинъ. Не видишь мене потому, что себе не знаешь: пойди изъ моихъ очей, и не являйся! Да и не можешь быть предо мною, поколь хорошо себе не уразумѣешь. Кто себе знаетъ, тотъ знаетъ одинъ завѣтъ: Господь пасетъ мя....

Клеопа. А мы изъ послѣдняго разговора имѣемъ нѣкоторыя сумнѣнія.

Др. Когда рѣчь идетъ о важномъ дѣлѣ, то и не дивно. Но что за сумнѣнія?

Кл. Первое: ты говорилъ, что человѣкъ, влюбившійся въ видимую плоть, для того вездѣ гонится за видимостію, понеже усматриваетъ въ ней свѣтлость и пріятность, жизнь, красу и силу.

Др. А вы какъ думаете?

Кл. Намъ кажется, для того, что не можетъ вѣрить въ пребываніе невидимости, и думаетъ, что одно только то бытіе свое имѣетъ, что́ плотяными руками ощупать можетъ, и что́ въ тлѣнныхъ его очахъ мечтается. Впрочемъ, онъ и самъ понять можетъ, и совершенно знаетъ, что все то преходитъ, что онъ любитъ. Посему-то онъ и плачетъ, когда око его оставляетъ, разсуждая, что уже оно совсѣмъ пропало. Подобно какъ младенецъ рыдаетъ о разбитомъ орѣхѣ, не понимая, что орѣшная сущая иста состоитъ не въ коркѣ его, но въ зернѣ, подъ коркою сокровенномъ, отъ котораго и самая корка зависитъ.

Др. Сія есть самая правда, что былъ бы весьма глупъ земледѣлъ, если бы тужилъ о томъ, что на его нивѣ начало пшеничное стебло въ мѣсяцѣ августѣ сохнуть и дряхлѣть, не разсуждая, что въ маленькомъ закрытомъ зернѣ закрылась и новая солома, весною наружу выходящая, и вѣчное, истинное свое пребываніе въ зернѣ

невидимо закрывшая. Но не все же ли то одно: причитать соломѣ силу ея и существо, а не главѣ ея или зерну, и не вѣрить, ниже понимать о пребываніи зерна? Для того-то (напримѣръ) судія присудилъ—двоюродному брату власть и силу въ наслѣдіи, понеже увѣренъ, что роднаго наслѣдника въ живыхъ нѣтъ. И сей-то есть той нечестивый судъ, о которомъ въ послѣднемъ разговорѣ шла между нами рѣчь.

Кл. Другое сумнѣніе. Я сказалъ такъ: помню слово Іереміино сіе: глубоко сердце человѣку паче всѣхъ, и оно-то истинный человѣкъ есть... А ты къ симъ словамъ присовокупилъ слѣдующее: вотъ сей же-то человѣкъ и содержитъ все! и прочая.

Др. Такъ въ чемъ же сумнишься?

Кл. Я безъ сумнѣнія понимаю, что всѣ внѣшніе наши члены закрытое существо свое въ сердцѣ имѣютъ, такъ какъ пшеничная солома содержится въ своемъ зернѣ. Она изсохши и издряхлѣвши, то закрывается при согнитіи въ зернѣ, то опять наружу, въ зелености выходитъ и не умираетъ, но обновляется и будто перемѣняетъ одѣяніе. Но понеже на всѣхъ людяхъ видимъ внѣшніе члены, которые свидѣтельствуютъ и о зернѣ своемъ, то есть, что всякъ въ нихъ имѣетъ и сердце, которое (какъ пророкъ Божій учитъ) точнымъ есть человѣкомъ, и истиннымъ, а сіе есть великое дѣло; то что се будетъ? Всѣмъ ли быть истиннымъ

человѣкомъ? и кая разнь межъ добрымъ мужемъ и злымъ?

Др. Не такъ. Отведи мысли твои на время отъ человѣка, и посмотри на прочую природу: не всякій орѣхъ и не всякая солома со зерномъ.

Кл. Ужасное позорище!

Др. Не бойся! Знаю, ты, осмотрясь на людей, ужаснулся. Но вѣдь видишь, что сіе въ природѣ не новое; довольно сего видится въ земляныхъ плодахъ, въ древесныхъ; но нигдѣ больше не бываетъ, какъ въ людяхъ. Весьма тотъ рѣдокъ, кто сохранилъ сердце свое, или, какъ обще говорятъ, спасъ душу свою. Такъ научилъ насъ св. Іеремія, и ему вѣруемъ, что истиннымъ человѣкомъ есть сердце въ человѣкѣ. Глубоко же сердце и одному только Богу познаваемое, не иное что есть, какъ мыслей нашихъ неограниченная бездна — просто сказать: душа, то есть, истое существо и сущая иста, и самая эссенція (какъ говорятъ), и зерно наше и сила, въ которой единственно состоитъ родная жизнь и животъ нашъ, а безъ нея, мертвая тѣнь, если то и видно. Коль несравненная тщета—потерять себя самаго, хотя бы кто завладѣлъ всѣми Коперниковыми мірами! Но никогда бы сего не было, если бы старалися люди уразумѣть, что̀ значитъ человѣкъ, и быть человѣкомъ, то есть, если бы самихъ себе узнали.

Кл. Ахъ! не могу сего понять; потому что у каждаго свои мысли и неограниченныя стремленія, какъ молнія, въ безмѣрныя разстоянія раскидаются, ни однимъ пространствомъ не вмѣщаемыя, и никакимъ временемъ не усыпаемыя, одному Богу только извѣстныя...

Др. Перестань! не такъ оно есть. Правда, что трудно изъяснить, что злые люди сердце свое, то есть, самыхъ себе потеряли, и хотя межъ нами въ первомъ разговорѣ сказано, что кто себе не узналъ, тотъ тѣмъ самымъ потерялся, однакожъ для лучшея увѣренности, вотъ тебѣ голосъ Божій! Послушайте мене, погубившіи сердце, сущіи далече отъ правды.

Кл. Ахъ! мы сему вѣруемъ. Но какъ они потеряли? вѣдь и у нихъ мысли также плодятся и разливаются. Чего они себѣ не воображаютъ? чего не обнимаютъ? цѣлый міръ ихъ вмѣстить не можетъ. Ни что имъ не довлѣетъ. Одно за другимъ пожираютъ, глотаютъ, и не насыщаются. Такъ не бездонная ли бездна—сердце ихъ? Ты сказалъ, что сердце, мысли, душа — все то одно: какъ же они потерялись?

Др. Чего досягнуть не можемъ — не испытуемо. Понудить себе должно и дать мѣсто въ сердцѣ нашемъ тому Божію слову. Если Его благодать повѣетъ на насъ, тогда все намъ

простымъ и прямымъ покажется. Часто мелочей не разумѣемъ самыхъ мелкихъ; а человѣкъ есть маленькій мірокъ. И такъ трудно силу его узнать, какъ тяжело, во всемірной машинѣ, начало сыскать. Затвердѣлое наше нечувствіе и заобильный вкусъ причиною есть нашей бѣдности. Раскладывый предъ слѣпцемъ все, для его пустое, что хочешь и сколько хочешь; все то онъ ощупать можетъ, а безъ прикосновенія ничего не понимаетъ. Сколько разъ слышимъ о водѣ и духѣ? Не на воздухъ ли опираются птицы? Онъ твердѣе желѣза: однако деревянную стѣну всякъ скорѣе примѣтить можетъ; а воздухъ почитаютъ за пустошь. Для чего? Для того, что не столько онъ примѣтенъ: стѣну скорѣе ощупаешь, скорѣе различныя краски усмотришь; а воздухъ не столько казистъ, однако крѣпшій камня и желѣза, и нуженъ столь, что дунуть безъ его нельзя. Вотъ въ самыхъ мелочахъ ошибаемся, и слабѣйшее вещество за дѣйствительнѣйшее почитаемъ. Почему? Потому, что стѣна грубѣе, и нашимъ очамъ погуще болванѣетъ, какъ уже сказано; а воздухъ сокровеннѣе, и, кажется, будто въ немъ ничего силы нѣтъ, хотя корабли гонитъ, и моря движетъ, дерева ломаетъ, горы крушитъ, вездѣ проницаетъ и все снѣдаетъ, самъ цѣлъ пребывая. Видишь, что не такова природа есть, какъ ты разсуждаешь. Въ ней то сильнѣе,

что не показнѣе. А когда что-то уже столь закрылося, что никакимъ чувствомъ ощупать не можно, въ томъ же то самая сила. Но если о воздухѣ почти увѣриться не можемъ, и за ничто почитаемъ, будто бы его въ природѣ не бывало, хотя онъ шумитъ, гремитъ, трещитъ, и симъ самымъ даетъ знать о пребываніи своемъ, то какъ можемъ почесть то, что очищенно отъ всякія вещественныя грязи, удаленю отъ всѣхъ нашихъ чувствъ, свобожденню отъ всѣхъ шумовъ, тресковъ и перемѣнъ; что въ вѣчномъ покоѣ и въ покойной вѣчности блаженно пребываетъ? Спортивъ мы отъ самаго начала око нашего ума, не можемъ никакъ проникнуть до того, что одно достойное есть нашего почтенія и любви во вѣки вѣковъ. Пробудися-жъ теперь мыслію твоею, и если подунулъ на твое сердце Духъ Божій, тогда долженъ ты усмотрѣть то, чего ты отъ рожденія не видалъ. Ты видѣлъ по сіе время одну только стѣну болванѣющей внѣшности: теперь подними очи твои, если они озарены духомъ истины, и взглянь на ее. Ты видѣлъ одну только тьму; теперь уже видишь свѣтъ. Всего ты теперь по-двое видишь: двѣ воды, двѣ земли. И вся тварь теперь у тебе на двѣ части раздѣлена. Но кто раздѣлилъ? Богъ. Раздѣлилъ Онъ тебѣ все надвое, чтобы ты не смѣшивалъ тьмы со свѣтомъ, лжи съ правдою. Но по-

нежe ты не видѣлъ кромѣ одной лжи, будто стѣны, закрывающей истину, для того. Онъ теперь тебѣ сдѣлалъ новое небо, новую землю. Одинъ Онъ творитъ живую истину. Когда усмотрѣлъ ты новымъ окомъ и истиннымъ Бога, тогда уже ты въ Немъ, какъ во источникѣ, какъ въ зерцалѣ, увидѣлъ все, что всегда въ немъ было, и чего ты никогда не видѣлъ. И что самое есть древнѣйшее, то для тебе — новаго зрителя, новое есть; ибо что тебѣ прежде на сердце не всходило, теперь будто все вновь сдѣлано; потому что оно прежде тобою никогда не видѣно, а только слышано. И такъ, ты теперь видишь двое: старое и новое, явное и тайное. Но осмотрись на самаго себе. Какъ ты прежде видалъ себе?

Кл. Я видалъ (признаюсь) одну явную часть въ себѣ, а о тайной никогда и не думалъ. А хотя-бы и напомянулъ кто, какъ то часто и бывало, о тайной, однако мнѣ казалось чудно — почитать то, чего нѣтъ, за бытіе и за истину. Я, напримѣръ, видѣлъ у меня руки, но мнѣ и на умъ не всходило, что въ сихъ рукахъ закрылись другія руки.

Др. Такъ ты видѣлъ въ себѣ одну землю и прахъ; и ты доселѣ былъ земля и пепелъ. Кратко сказать: тебе не было на свѣтѣ, потому что земля, прахъ, тѣнь и ничтожная пустошь — все то одно.

Л. Вѣдь же ты изъ Іереміи доказалъ, что человѣкомъ находится не наружный прахъ, но сердце его. Какъ же Клеопы не было на свѣтѣ? Вѣдь его сердце всегда при немъ было, и теперь есть...

Др. Постой, постой! Какъ ты такъ скоро позабылъ двое, двое? Есть тѣло земляное, и есть тѣло духовное; такъ для чего же не быть двоимъ сердцамъ? Видѣлъ ты и любилъ болвана и идола въ твоемъ тѣлѣ, а не истинное тѣло, во Христѣ сокровенное. Ты любилъ самъ себе, то есть, прахъ твой, а не сокровенную Божію истину въ тебе, которыя ты никогда не видѣлъ,—не почиталъ ее забыть; и понеже не могъ ощупать, то и не вѣрилъ въ ее. И, когда тѣлу твоему болѣть опасно довелюсь—тотчасъ впадалъ въ отчаяніе. Такъ что ее такое? Не старый ли ты Адамъ, то есть, старый мѣхъ съ ветхимъ сердцемъ? Одна ты тѣнь, пустошь, и ничто, съ твоимъ таковымъ же сердцемъ, каковое тѣло твое. Земля въ землю устремилася, смерть къ смерти; а пустошь—люба пустошѣ. Душа тощная и гладная—пепелъ, не хлѣбъ истинный ядущая, и питіе свое, внѣ рая, съ плачемъ растворяющая. Слушай, что о таковыхъ ко Исаіи говоритъ Богъ: О, Исаіе! Знай, что пепеломъ есть сердце ихъ, и прельщаются. И ни единъ можетъ души своея избавити... Помяни сія Іакове, и Израилю!

Яко рабъ мой еси ты... Себо отъяхъ, яко облакъ, беззаконія твоя, и, яко примракъ, грѣхи твоя. Обратися ко мнѣ, и избавлю тя...

Нѣкій старинныхъ вѣковъ живописецъ изобразилъ на стѣнѣ какія-то ягоды столь живо, что голодныя птички, отъ природы быстрый имѣющія взоръ, однакъ бились во стѣну, почитая за истинныя ягоды. Вотъ почему таковыя сердца глотаютъ и насытиться не могутъ! Покажи мнѣ хоть одного изъ таковыхъ любопраховъ, кой имѣетъ удовольствіе въ душѣ своей. Любовь къ тѣни есть мати глада; а сего отца дщерь есть смерть. Каковоежъ таковыхъ сердецъ движеніе? На то одно движатся, чтобъ безпокоиться. Видалъ ли ты во великихъ садахъ большія, круглыя, на подобіе бесѣдокъ, птичьи клѣти?

Лу. Довелось видѣть въ царскихъ садахъ.

Др. Они желѣзными сѣтьми обволочены. Множество птичекъ—чижовъ, щегловъ, непрестанно внутрь ихъ колотятся. Отъ одной стороны въ другую бьются, но нигдѣ пролета не получаютъ. Вотъ точное изображеніе сердецъ, о коихъ ты выше сказывалъ, что они въ разныя стороны, какъ молнія, мечутся, — мечутся и мучатся, въ стѣнахъ заключенныя. Что есть столь узко и тѣсно, какъ видимость? По сей причинѣ называется ровъ. Что фигуры,—(кажется) пролетѣть сквозь сѣть, на свободу

духа? Но какъ же намъ опять вылетѣть туда, чего за бытіе не почитаемъ? Мы вѣдь давно, изъ самого дѣтства, напоены симъ лукавымъ духомъ, засѣяны симъ зміиньшъ сѣменемъ, заняты внѣдрившеюся въ сердце ехидною, дабы одну только грубую видимость, послѣднюю пяту, внѣшнюю тьму любить, гоняться за нею, наслаждаться ею—всегда и во всемъ. Такъ ли? Такъ! всегда и во всемъ'.. Ахъ! Гдѣ ты, мечу Іеремiинъ, опустошающій землю, мечу Павловъ, мечу Фине-Эсовъ..? Заблудили мы въ землѣ, обнялися съ нею. Но кто насъ избавитъ отъ нея? Вылетитъ ли, какъ птица, сердце наше? А когда уже сердце наше—глава наша, и мы въ ее претворилися, тогда кая надежда въ пепелѣ? Можетъ ли прахъ, въ гробѣ лежащій, востать, и стать, и признать, что еще и невидимость есть, есть еще и Духъ? Не можетъ... Для чего? Не можетъ востать и стать предъ Господемъ. Для чего же? Для того, что сей прахъ не можетъ принять въ себе сего сѣмени. Коего? Чтобъ вѣрить, что есть сверхъ еще и то, чего не можемъ ощупать и аршиномъ мѣрить... О сѣмя благословенное! Начало спасенія нашего! Можемъ мы тебе и принять: но будешь у насъ безплодно. Для чего? Для того, что любимъ внѣшность; мы къ ней заобыкли, и не допустимъ до того, чтобъ могла согнить на зернѣ вся внѣшняя видимость, и чтобы оста-

лася сила въ немъ одна невидима, въ которой увѣриться не можемъ... Такъ насъ заправили наши учители. Се азъ напитаю ихъ полынемъ и напою ихъ желчію. Отъ пророковъ бо Іерусалимскихъ изыде оскверненіе на всю землю.

—

РАЗГОВОРЪ 5.

О томъ же:

Знай себе.

Лица тѣ же.

Филонъ. Отсюду-то, думаю, старинная пословица: столько глупъ, что двоихъ насчитать не знаетъ. Но и мы по сіе время одно только во всемъ свѣтѣ насчитали, затѣмъ, что другаго въ немъ ничего не видали.

Кл. Не лучше ли тебѣ сказать, что намъ одна тѣнь была видна, ничего намъ не было видно? Мы хватали на водѣ одну тѣнь пустую; а теперь похожи на жителя глубокія Норвегіи, который по шестимѣсячно въ зимнемъ мракѣ видитъ чуть-чуть отверзающееся утро и всю тварь, начинающую нѣсколько болванѣть.

Другъ. Если не будете сожимать и отвращать очей, то увидите всю тварь просвѣщен-

ну. Не будьте подобно кроту, въ землю влюбившемуся. А какъ только невзначай, пробился на воздухъ, — ахъ! сколько онъ ему противенъ; приподнимайте очи и принаравливайте оныя—смотрѣть на того, который сказуетъ:

Азъ есмь свѣтъ міру.

Все, что мы доселѣ видѣли, что такое есть? Земля, плоть, песокъ, полынь, желчь, смерть, тьма, злость, адъ... Теперь начинаетъ свѣтать утро Воскресенія. Перестаемъ видѣть то, что видѣли, почитая всю видимость за ничто; а устремляемъ очи на то, что въ насъ было закрыто, а посему и пренебреженно. Мы доселѣ безплотныя невидимости не удостоивали поставить въ число существа, и думали, что она—мечта и пустоша. Но теперь у насъ, напротиву—того, видимость есть травою, лестью, мечтою и исчезающимъ цвѣтомъ; а вѣчная невидимость находится ей головою, силою, каменемъ основанія и счастіемъ нашимъ. Послушаймо, что говоритъ къ намъ новый и истинный человѣкъ, и что обѣщаетъ?

Дамъ тебѣ (говоритъ) сокровища темная.

Сокровенная, невидимая отверзу тебѣ. Да увѣси: яко Азъ Господь Богъ твой: прозывая мя Мое: Богъ израилевъ.

Теперь разсуждайте: нравится ли вамъ переходъ, или вы будете, по прежнему, во

видимой землѣ вашей, или очистите сердце ваше для принятія новаго Духа. Кто старое сердце отбросилъ, тотъ сдѣлался новымъ человѣкомъ. Горе сердцамъ затвердѣлымъ!...

Лука. Для того-то самого смягчить сердце и сокрушить трудно. Закоренѣлое сердце похоже на младенца, возросшаго во исполина. Трудно наконецъ бороться.

Др. Но что намъ воспящаетъ въ жизни: о семъ разсуждать и разговаривать, и употребить къ сему хотя за комплетное время? Новый Духъ вдругъ, какъ молнія, облистать сердце можетъ. 600 тысячь вызваны были во Обѣтованную землю: но для чего два только въ ее вошли?

Лу. Два: Іисусъ Навинъ и Халевъ.

Др. А вотъ для чего! Тфу! Какъ можетъ то быть, чего видѣть нельзя? Ужели всѣхъ (зароптали) вводитъ насъ Господь въ землю сію, чтобъ пасть на брани? Но если руки и ноги потеряемъ, что въ насъ будетъ? Не хотимъ мы сего. Дай намъ вернуться въ нашу старую землю. Не нравится намъ тотъ, кто въ пустошу вводитъ... Слышите ли вы мысли сихъ старовѣрцовъ? вотъ ихъ 600,000! Представьте себѣ ветхія кади, скверныъ занятыя квасомъ. Можно ли такимъ скотамъ что либо внушить? По ихъ неразумному мнѣнію, нельзя бытія своего Богу имѣть, если Онъ захочетъ чистъ

быть всякія видимости. Если того нѣтъ, чего не видятъ, такъ Бога давно не стало. Вода прерѣканія! Сѣмя змііино! Сердце невѣрное! Совѣтъ лукавъ! Не сіе ли есть:—не исповѣдатися Господеви, и не призывати имене Его? Не таково было сердце двоихъ тѣхъ благополучныхъ наслѣдниковъ.

И даде Господь Халеву крѣпость, и даже до старости пребысть у него. И сѣмя его, обдержа въ наслѣдіе, яко да видятъ вси сынове Израилевы, яко добро ходити въ слѣдъ Господа. Вси же разгнѣвавшіеся, не узрятъ ю. Глаголетъ Господь: Рабъ же мой Халевъ, яко бысть духъ мой въ немъ, и возслѣдова мнѣ, введу его въ землю, въ ню же ходилъ тамо, и сѣмя его, наслѣдитъ ю.

Кл. Посему, вся сила въ Богѣ, а не во внѣшней видимости?

Др. А что есть идолопоклонство, если не то, чтобъ приписывать силу истуканнымъ? Не хочешь рукъ невидимыхъ: видно, что видимости воздаешь силу и почтеніе твое. Но долго ли, сія твоя видимость пребудетъ? На что ты положился? Что есть видимая плоть, если не смерть? И на ней-то ты основалъ сердце твое и любовь? Всяка внѣшность есть мимо протекающее рѣкою. Не на льду ли ты воткнулъ кущу твою и поставилъ шалашъ твой? Пожалуй, перенеси его на твердость. Перенеси его

во дворы Господни. Водрузи на новой землѣ. А иначе, что твоя за радость? Кой покой? Не всегда ли опасаешься, что когда-либо ледъ однакъ распустится, когда-либо смертное тѣло оставлять надобно? О бѣднѣйшіе, почитающіе тѣло свое тлѣнное, и не вѣрующіе новому! Таковые-то возволнуются и почти не возмогутъ. Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь Богъ.

Фил. Что есть нечестивый?

Др. Тлѣніе почитающій.

Фил. Какъ?

Др. Такъ почитающій, что если отнять у его тлѣніе, онъ думаетъ, что ему безъ ногъ никакъ бытія своего имѣть не возможно. Не великое-ли се почтеніе для праха?

Фил. Кажется, что весьма не малое; ибо такимъ образомъ обоготворитъ онъ свой пепелъ, приписуя ему живота своего дѣйствительность.

Др. Такъ теперь, думаю, постигаешь сіи слова:

Азъ Господъ Богъ! сіе мое (не чуждое) есть имя. Славы моея иному не дамъ, ниже добродѣтелей моихъ устуканнымъ.

То, что мы назвали дѣйствительностью, называется тутъ добродѣтелью, то есть, силою и крѣпостію, которую Богъ, за свое преимущество, отъ всей тлѣнности такъ отнялъ и

себѣ присвоилъ, что ужасно гнѣвается, если кто дерзнетъ ея, хотя мало удѣлить твари, или кумирамъ, съ которыми Онъ отъ начала вѣка всегда ревностную тяжбу имѣетъ. Мы всѣ Его въ семъ ужасно оскорбляемъ — всегда и вездѣ.

Фил. Какъ?

Др. А вотъ такъ! весь міръ состоитъ изъ двоихъ натуръ. Одна видимая, другая невидимая. Богъ, какъ творецъ всесильный, всю тварь проницаетъ и содержитъ, вездѣ и всегда былъ, есть и будетъ. Какъ же ему не оскорбительно, если мы, смотря на перемѣну тлѣнныя натуры, пугаемся, а симъ самымъ приписуемъ ей важность въ жертву, чего сдѣлать нельзя, не отнявъ ея отъ Бога, который всю важность, и силу, и бытіе, и имя, и все-на-все исполненіе себѣ точію одному полно, и безъ причастниковъ присвоилъ? Разсуди! Если онъ бытіе и всему исполненіе, то какъ можешь твое потерять, что у тебя есть, Онъ тебѣ всѣмъ тѣмъ есть. Ни что твое не пропадаетъ, потому что Богъ порчи не знаетъ. Одна для тебя остается школа вѣры, или, какъ Давидъ говоритъ: поученіе вѣчности. Потерпи въ немъ немножко, поколь старовѣрное твое, пепельное сердце нѣсколько отъ сего свѣтныхъ очистится душковъ.

—

РАЗГОВОРЪ 6.

О томъ же: знай себе.

Лица тѣ же.

Другъ. Земле! земле! земле! слыши слово Господне.

Филонъ. Не слышу.

Др. Для чего?

Л. Кто можетъ взойти на небо? Развѣ сошедшій съ небесе. Кто можетъ слышать слово Божіе, аще не будетъ Богъ въ немъ? Свѣтъ видится тогда, когда свѣтъ во очахъ есть. Чрезъ стѣну пролазитъ онъ тогда, когда Богъ вождемъ есть. Но когда сила во окѣ опороченна, лучше сказать, когда сила отъ ока отступила и селенія своего въ веществѣ его не имѣетъ; въ то время никоего око различія межъ тьмою и свѣтомъ не находитъ.

Кл. Но не можетъ ли Богъ мертваго живымъ, а видимаго невидимымъ сдѣлать? Ей! есть время и теперь воскреснуть. Можетъ искра Божія пасти на темную бездну сердца нашего,—и вдругъ озаритъ. Вѣруймо только, что Богъ есть въ плоти человѣческой. Есть подлинно Онъ во плоти видимой нашей, невещественъ въ вещественномъ, вѣчный въ тлѣнномъ, единъ въ каждомъ изъ насъ, и цѣлъ во всякомъ: Богъ во плоти и плоть въ Бозѣ!

но не плоть Богомъ. Ахъ, зерно горчичное! вѣро! страше и любовь Божія! зерно правды и царствія Его! чувствую, что ты тайно падаешь на земное мое сердце, какъ дождь на руно! о дабы не позобыли тебе воздушныя птицы!

Фил. Вспомнимъ теперь съ Давидомъ — вѣчныи ему лѣта—и поучимся въ нихъ.

Клеопа. Кому, или чему поучиться?

Фил. Вѣчности поучимся... Кому подобенъ истинный человѣкъ Господь нашъ во плоти?

Др. Подобенъ доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди теперь: стебло ли съ вѣтвями? Постой! не то колосъ: колосъ все заключаетъ въ себѣ. Ость ли на колосѣ? Она ли есть колосъ? На колосѣ ость, правда; и въ колосѣ ость: но не колосомъ ость, не она есть колосъ. Что есть колосъ? Колосъ есть самая сила, въ которой стебло съ своими вѣтвами, и ость съ плевою заключается. Не въ зернѣ ли все сіе закрылось? и не весною ли выходитъ все сіе, перемѣнивъ зеленую вмѣсто желтыя и ветхія одежды? Не не видима ли сила зерна? Такъ. Оно въ то время дѣйствуетъ, когда вся внѣшность уже на немъ согнила, дабы не причелъ кто новаго плододѣйствія мертвой и нечувственной землѣ, то есть, гніющей внѣшности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною своею десницею вся дѣйствующему; дабы онъ одинъ

во всемъ былъ глава, а вся внѣшность — пятою и хвостомъ.

Фил. Теперь мнѣ въ колосѣ показуется то, что по сіе время не было видно.

Кл. Лучше скажи, что ты въ немъ одинъ хвостъ видѣлъ.

Др. Пускай же сія въ колосѣ новость называется ростъ. Господь Богъ прирастилъ его намъ.

Л. Но какъ мы съ поля перешли въ садъ,— взгляньте, чѣмъ насъ привѣтствуетъ въ бесѣдкѣ сей человѣкъ?

Фил. Сію икону написалъ мой другъ живописецъ.

Кл. Куда мнѣ нравится! изъ чернаго облака лучь касается головы его. Но что за слова въ лучѣ? Они вмѣстѣ съ лучемъ съ высоты снисходятъ во облитую свѣтомъ голову его. Прочитай, Лука! ты отчисла книгочихъ.

Л. Образъ пророка Исаіи. Въ лучѣ написаны сіи слова: Возопій...

Кл. Но что за слова изъ устъ его исходятъ?

Л. Знаю тѣ слова: всякая плоть — сѣно, и всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный...

Фил. А чтожъ написано на бумажкѣ, которая въ его рукахъ?

Л. Знаю: глаголъ же Бога нашего пребываетъ во вѣки.

Др. Видите ли списанну бумажку?

Кл. Мы два съ Филономъ, столько уже лѣтъ, около одного земледѣльства упражняемся, а колосъ недавно усмотрѣли. Что же касается до бумажокъ, да еще пророчіихъ, спрашуй Луку; его то дѣло.

Др. Лука! ты видишь въ рукахъ пророчіихъ бумажку. Но знай, что видишь дѣло весьма малое и весьма великое. Сей блаженный старикъ легко держитъ въ правой рукѣ тое дѣло, въ коемъ всегда вездѣ все держится. Разсуди, что самъ, откровенія свѣтомъ озаренный старецъ въ его состоитъ рукѣ, носимымъ носится и держится у себе держимымъ. Смотрѣлъ ты на колосы? Посмотри теперь на человѣка,—и узнай его. Видалъ ты въ колосѣ зерно: а теперь взглянь на сѣмя Авраамово, да тутъ же и на твое. Видѣлъ ты въ колосѣ солому съ половою: посмотрижъ и на траву тлѣнныя твоея плоти, съ пустымъ доселѣ цвѣтомъ пепельныхъ твоихъ разсужденій. Усмотрѣлъ ты въ колосѣ то, чего прежде не видывалъ: теперь узнавай въ человѣкѣ то, что для тебе видно не было. Видя колосъ, ты не видѣлъ его, и не зналъ человѣка, зная его. Но что показалось тебѣ въ колосѣ на послѣдокъ, тое не было отъ плоти, но отъ Бога. Поднимижъ отъ земли мысли твои, и уразуй премудрость прежде вѣкъ отъ Бога рож-

денную, а не сотворенную. Усмотрѣлъ ты въ колосѣ новый ростъ, толь сильный, что для всея соломы съ половою сдѣлался онъ головою и убѣжищемъ: познай же здѣсь новаго Іосифа (значитъ приращеніе), новаго пастыря, Отца и кормителя нашего. Въ пшеничномъ зернѣ примѣтилъ ты легонькую внѣшность, въ которой закрылась тайная дѣйствительность невидимаго Бога: взглянь же теперь на глаголъ Божій, пророчею бумажкою, какъ легонькимъ облакомъ прикрытый. Силу зерна умнымъ ты окомъ увидѣлъ: открой же око вѣры, — и увидишь въ себѣ тожъ силу Божію, десницу Божію, законъ Божій, глаголъ Божій, слово Божіе, царство и власть Божію: тайную, невидимую; а узнавъ Сына, узнаешь и Отца Его. Дряхлая на колосѣ солома не боится погибели. Она какъ изъ зерна вышла, такъ опять въ зернѣ закроется, которое хотя по внѣшней кожицѣ согніетъ, но сила его вѣчна. Чего-жъ ты трепещешь, трава и плоть? Дерзай! не бойся! ты уже видишь въ себѣ десницу Божію, которая тебе также бережетъ, какъ пшеничну солому. Или не вѣришь? Если такъ, то бойся. Нѣтъ надежды. Вся плоть гибнетъ. Гдѣ дѣваться? Бѣжи-жъ съ Давидомъ въ домъ Господенъ или со Іереміею въ его жъ дворы. Раскрой же сердце твое для принятія вѣры и для обнятія того человѣка, который

Отцу своему вмѣсто десницы и вмѣсто силы Его есть, во вѣки вѣковъ. Слушай, что Отецъ Его, чрезъ Его жъ самаго и въ немъ самомъ намъ говоритъ. Слушай же! Положу словеса моя въ уста твоя: и подъ сѣнію руки моея покрыю тя. А коею рукою? ею же поставихъ небо, и основахъ землю. Слышишь ли? коль сильное зерно въ тебѣ! Небо сіе невидимое и земля въ немъ закрывается, — и тебѣ ли сіе сѣмя сберечь не сильно будетъ? Ахъ! пожалуй, будь увѣренъ, что и самый нечувственный головы твоея волосъ, не личность одну свою потерявши, въ немъ безъ всякаго вреда закроется, сохранится, ублажится. Сѣмя благословенное! спасеніе всея наличности моея! Свѣтъ откровенія слѣпому языку! доселѣ былъ я во тьмѣ и во грязи. Я былъ, то есть, сердце мое, ѣлъ и насыщался землею: а теперь отъ узъ ея мене отпущаешь, убивъ сѣмя ея въ мнѣ, пустую пяту наблюдающее. А вмѣсто его во вѣки ты во мнѣ воцарился, открывъ мнѣ небо новое и тебе сидящаго одесную Отца небеснаго. Будь же мнѣ теперь миръ въ силѣ твоей, и спокойство! Будь мнѣ теперь суббота благословенная! вынесли мене крыла голубины изъ земли безднъ,—и почію. Чего жъ больше скорбѣть тобѣ, душа моя? Зачѣмъ тебѣ теперь безпокоить мене? познала ты уже въ сеѣ человѣка. И сила Его безконечна. Уповай

же на Него, если узнала Его, и точно знаешь Его.

Онъ глава твоя въ тебѣ: подъ видомъ твоея плоти и крови.

Спасеніе лица твоего и Богъ твой.

РАЗГѲВОРЪ 7.

О истинномъ человѣкѣ, или о воскресеніи.

Бесѣдующія персоны: Старецъ Памва, Антонъ, Квадратъ, Другъ и проч.

Другъ. Слушай, Памво! Куда долго учишься!.. Уже ли ты научился Давидому псалму?

Памва. Да я только одинъ псаломъ умѣю.

Др. Одинъ?

Пам. Однимъ одинъ...

Др. Кій псаломъ?

Пам. А вотъ онъ: Рѣхъ: сохраню пути моя... И больше для мене ненадобно. Я уже положилъ храненіе устамъ моимъ.

Антонъ. Самая правда. Языкъ все тѣло обращаетъ и бываетъ виною многихъ золъ.

Квадратъ. Ахъ, Памво! Блаженъ еси, если не согрѣшаешь языкомъ твоимъ. Коль горячо сего отъ Бога себѣ просятъ Давидъ и Сираховъ сынъ.

Лука. А прежде о чемъ ты говорилъ, Памво? Вѣдь ты и прежде имѣлъ языкъ?

Пам. Я уже древнему моему языку наложилъ печать.

Ант. А кто тебѣ его запечаталъ?

Пам. Кто можетъ запереть бездну, кромѣ Бога?

Л. Не худо называешь языкъ бездною; потому что и Давидъ языку льстиву даетъ имя потопныхъ словъ. Потопъ и бездна—все одно.

Квадр. Я слыхалъ, что и разумъ премудраго потому у Сирахова сына называется.

Др. Рѣчь, какова либо есть, не иное что есть, какъ рѣка: а языкъ есть источникомъ ея. Но если уже тебе, Памво, Господь отъ языка не преподобна избавилъ, то видно, что вмѣсто льстиваго, подарилъ тебѣ языкъ Давидовъ—весь день правдѣ Божіей поучающійся, силу Его всему роду грядущему возвѣщающій.

Квадр. Самая правда. Кто можетъ говорить о бѣлости, чтобы ему не была знакома черность? Одинъ вкусъ чувствуетъ горькое и сладкое. Если кому открылъ Господь узнать языкъ льстивый, таковъ вдругъ узнать можетъ праведныя уста, поучающіяся премудрости.

Ант. Что такое вы насказали чудное? Развѣ не разумѣетъ и стараго языка тотъ, кто не знаетъ новаго?

Пам. Безъ сумнѣнія. Въ то время покажется старое, когда уразумѣешь новое. Гдѣ ты видалъ, чтобы кто разумѣлъ тьму, не видавъ никогда свѣта? Можетъ ли кротъ, скажи пожалуй, сказать тебѣ: гдѣ день? гдѣ ночь?

Ант. Если кротъ не можетъ, то можетъ сказать человѣкъ.

Пам. Можетъ ли слѣпый усмотрѣть и тебѣ показать на портретѣ крашу бѣлу?

Ант. Не можетъ.

Пам. Зачѣмъ?

Ант. Затѣмъ, что онъ не видалъ и не знаетъ черныя. А еслибы онъ хоть одну изъ противныхъ межъ собою красокъ могъ разумѣть, въ то же мгновеніе могъ бы понять и другую.

Пам. Вотъ также и тутъ. Тотъ понимаетъ юность, кто разумѣетъ старость.

Ант. Довольно надивиться не могу, если всякъ человѣкъ такъ родится, что не можетъ и сего понять, что такое есть старость и юность, если не будетъ другой свыше рожденъ.

Пам. Свѣтъ открываетъ все то, что намъ во тьмѣ нѣсколько болванѣло. Такъ и Богъ Единъ всю намъ истину освѣщаетъ. Въ то время усматриваемъ мы пустую мечту: усмотрѣвъ истину, и уразумѣвъ юность, понимаемъ старость. Земляный человѣкъ думаетъ про себе, что понимаетъ будто. Но мало ли младенецъ

видитъ въ потемкахъ, а того не бывало. Но возсіявшій свѣтъ все привидѣніе уничтожаетъ. Не всякому ли знакомы сіи слова: время, жизнь, смерть, любовь, мысль, душа, страсть, совѣсть, благодать, вѣчность? Намъ кажется, что разумѣемъ; но если кого о изъясненіи спросить, то всякъ задумается. Кто можетъ объяснить, что значитъ время, если не приникнетъ въ Божественную высоту? Время, жизнь и все прочее въ Богѣ содержится. Кто жъ можетъ разумѣть что либо со всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей, не разумѣя того, кой всему голова и основаніе? Начало премудрости — разумѣти Господа. Если кто не знаетъ Господа, подобенъ узникамъ, вверженнымъ въ темницу. Таковъ что можетъ понять во тьмѣ? Главнѣйшій и начальнѣйшій премудрости пунктъ есть знаніе о Бозѣ. Не вижу Его, не знаю, а вѣрую, что Онъ есть. А если вѣрую, то и боюсь, — боюсь, чтобъ не разгнѣвать Его. Ищу что такое благоугодно Ему. Вотъ любовь, знаніе Божіе, вѣра, страхъ и любленіе Господа; одна то есть цѣль: знаніе въ вѣрѣ, вѣра въ страхъ, страхъ въ любви, любовь во исполненіи заповѣдей, а соблюденіе заповѣдей въ любви къ ближнему; любовь же не завидитъ, и прочая. И такъ, если хочешь что либо познать и уразумѣть, — должно прежде взыйти на гору вѣденія Божія. Тамъ-то ты просвѣщенъ тайными Божества

лучами, уразумѣешь, что захочешь,—не только юность орлюю, но и обветшающую старости ризу, и ветхая ветхихъ, и небеса небесъ. Но кто насъ выведетъ изъ преисподняго рова? Кто возведетъ на гору Господню? Гдѣ ты, свѣте нашъ, Христе Іисусе? Ты одинъ говоришь истину въ сердцѣ твоемъ. Слово твое истина есть. Евангеліе твое есть зажженный фонарь, а Ты въ немъ самъ свѣтомъ. Вотъ единственное средство ко избѣжанію обмана и тьмы незнанія! Вотъ домъ Давидовъ, въ которомъ судейскій престолъ всяку ложь рѣшитъ, изрѣжетъ. О чемъ ты, Антонъ, знать хочешь,—ищи въ сихъ возлюбленныхъ селеніяхъ. Если не сыщешь входа въ одинъ чертогъ, постучи въ другой, въ десятый, въ сотой, въ тысящной, въ десятитысящной... Сей Божій домъ снаружи кажется пещерою, но внутрь Дѣва родитъ Того, котораго Ангелы поютъ непрестанно. Въ сравненіи сея премудрости, всѣ свѣтовыя мудрости не иное что суть, какъ рабскія ухищренія. Въ сей домъ, воровскимъ образомъ не входи: ищи дверей и стучи, поколь не отверзутъ. Не достоинъ будешь входа, если что въ свѣтѣ предпочтешь надъ Божію сію гору. Не впущаютъ здѣсь никого съ одною половиною сердца. А если насильно продерешься,—въ горшую тьму выброшенъ будешь. Сколь горѣлъ Давидъ любо-

вію къ сему дому! Желалъ и истаевалъ желаніемъ дворовъ Господнихъ. Зналъ онъ, что никоимъ образомъ нельзя выбраться изъ началородныя безумія человѣческаго тьмы, развѣ чрезъ сіи ворота. Зналъ онъ, что вси заблудили отъ самаго матерняго чрева. И хотя говорили: се дверь! вотъ путь! однакъ все лгали. Зналъ онъ, что никая птица и никакая мудрость человѣческая, сколько ли она быстра, не въ силѣ вынесть его изъ пропасти, кромѣ сея чистыя голубицы. Для того изъ нетерпѣливости кричитъ: кто дастъ мнѣ крилѣ? да чтобъ они таковы были, каковыя имѣетъ сія голубица, то есть, посребрены, а между связью крилъ блещало бы золото. А если не такъ, то не надобно для мене никакихъ летаній, — сколько-хочь они быстропарны. Сею-то нескверною голубкою онъ столько усладился, что, какъ Магдалина при гробѣ, всегда просилъ и докучалъ, чтобъ отворила для него дверь, чтобъ окончила его страданія, чтобъ разбила мглу и мятежъ внутренній; называлъ ее всею своею утѣхою. Встань, говоритъ съ плачемъ, славо моя! Встань ты, сладчайшая моя, десятострунная псалтырь и гусли сладкозвонныя! Если ты только встанешь, то я и самъ тотчасъ встану. А встану рано, поднимуся на свѣтъ. Долго ли мнѣ во тьмѣ жить? Когда пріиду и явлюся лицу Божію? Кто кро-

мѣ тебе, о, краснѣйшая всѣхъ дочерей въ мірѣ дѣво! кто введетъ мя во градъ утвержденъ? Твоими только дверьми и однимъ только твоимъ слѣдомъ привестися могутъ къ Царю Небесному дѣвы, если съ тобою имѣютъ дружество. Не безъ пользы же трудился Давидъ. Съ коликимъ восторгомъ взываетъ: Отверзите мнѣ врата правды. Вшедъ въ ня, исповемся тебѣ, яко услышалъ мя еси. Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь. Богъ Господь, и явися намъ. Призвахъ Господа, и услыша мя въ пространство. Что теперь сотворитъ мнѣ человѣкъ? ничего не боюся. Широкъ весьма сталъ Давидъ, вылетѣлъ изъ сѣтей и тѣсноты въ свободу духа. Исчезла въ разъ вся тьма. Куда бы ни пошелъ, — вездѣ свѣтъ. Камо пойду отъ Духа твоего? поетъ Давидъ. Онъ боится, любитъ, удивляется, отъ мѣста на мѣсто перелетываетъ, все видитъ, все разумѣетъ, видя того, въ котораго рукѣ свѣтъ и тьма.

Квадр. Правда, что вѣрно и ревностно возлюбленный Давидъ свою любезнѣйшую любитъ. Ее-то онъ, думаю, называетъ матерію, Сіономъ, дочерію, царицею, въ золото одѣтою и преукрашенною, колесницею Божіею, царствомъ живыхъ людей, жилищемъ всѣхъ веселящихся, и прочая. Едино проситъ отъ Господа, чтобы жить въ домѣ семъ Божіемъ, на

мѣстѣ покрова сего предивнаго, гдѣ гласъ радующихся и шумъ празднующихъ. А въ прочемъ ничего, ни на небеси, ни на землѣ не желаетъ, кромѣ сей чаши, наполненныя благосчастіемъ, кромѣ сея дщери царскія, которыя вся красота внутрь ея закрывается и сокрылася. И столько сіи врата сіонскія, и путь сей, ведущій его къ вѣдѣнію Господа, любъ ему былъ, что на немъ такъ наслаждался, какъ во всякомъ родѣ богатства. Что либо въ немъ говорится, все то называетъ чуднымъ и преславнымъ, отъ общенароднаго мнѣнія вовсе отличнымъ. Тутъ-то его жертва, пѣніе и покой душевный, пристанище хотѣнія. Ахъ, покой душевный! Коль ты рѣдокъ! коль дорогъ! Здѣсь-то онъ закрывается, — въ тайнѣ лица Божія, отъ мятежа человѣческаго и отъ пререканія языковъ, и есть, отъ всѣхъ свѣтовыхъ мнѣній, противныхъ Божіей премудрости, называемой отъ него благолѣпіемъ дома Господня, каменемъ прибѣжища для преустрашенныхъ грѣшниковъ, о коихъ пишется: бѣгаетъ нечестивый, ни единому же гонящу.

Ант. Безъ сумнѣніяжъ въ сія каменныя возводитъ онъ очи свои горы, надѣясь отъ нихъ помощи.

Квадр. Извѣстно, что грѣшникъ, какъ только почувствовалъ опасность своего пути, бѣжитъ, какъ гонимый заецъ, къ симъ горамъ,

находясь въ замѣшательствѣ бѣдныхъ своихъ разсужденій, которыя ему прежде весьма казалися правильными. Но когда изъ Божіихъ горъ блеснувшій свѣтъ на лицо ему покажетъ его прельщеніе, въ то время весь свой путь самъ уничтожаетъ такъ, какъ случилось Павлу, идущему въ Дамаскъ. И въ сей-то силѣ говоритъ Давидъ: Просвѣщаеши дивно отъ горъ вѣчныхъ: — смятошася вси неразумнія сердцемъ. Кому жъ сей свѣтъ не былъ бы любезенъ, если бы мы хоть мало его вкусили? О, кивоте свѣта святыя славы Отца Небеснаго! Конечно, твое блистаніе, несносное очамъ нашимъ, ко тьмѣ заобыкшимъ. А то бы мы непремѣнно сна очамъ нашимъ не дали, дондеже бы дверь открылась, дабы можно увидѣть, гдѣ селеніе свое имѣетъ Богъ Іаковль, гдѣ царствіе и правда его, гдѣ начало, глава и счастіе наше, дабы можно было и о насъ сказать: о нема же отверзостеся очи, и познаста его, — и той не видимъ бысть има. Или сіе: пріидоста же и видѣста, гдѣ живяше, и у него пребыста день той.

Ант. Какъ же ты говорилъ прежде, что священное писаніе возводитъ на гору познанія Божія? А нынѣ оное называешь горою.

Квадр. Оно у Давида называется гора Божія. Такъ развѣ тебѣ удивительно то, что горою восходимъ на гору? Если путь ведетъ

изъ рова на гору, то, конечно, первая его часть есть низка, а послѣдняя высока столько, сколько гора, на которую конецъ дороги поднимается. То же видѣть можно и на лѣствицѣ, къ высокому мѣсту приставленной. Она дольнею своею частію дольнихъ, или долинныхъ жителей принимаетъ, а горнею возноситъ на высоту. По сей же причинѣ и крылами называется, и дверьми, и предѣломъ, или границею, и пристанью, и пескомъ, или брегомъ, море ограничившимъ, и стѣною.

Ант. Для чего стѣною и предѣломъ называется?

Квадр. Развѣ мало сего водится, что стѣна грань дѣлаетъ, раздѣляя наше собственное отъ чуждаго? А сія Богозданная стѣна какъ не можетъ назваться предѣломъ, когда она граничитъ между свѣтомъ и между чужестранною тьмою? сія стѣна имѣетъ темную сторону ту, которая смотритъ ко тьмѣ. Но страна ея, къ востоку обращенная, есть внутренняя, и вся свѣтомъ вышняго Бога позлащенная; такъ что, если темный житель приходитъ къ ея дверямъ, изъ наружи темнымъ, — не видитъ ни коея красы и отходитъ назадъ, бродя во мракѣ. Когда же увѣрится, и паче чаянія отверзутся двери, въ то время, свѣтомъ воскресенія облиставшися, воззоветъ съ Давидомъ: испо-

вѣмся тебѣ, яко страшно удиви мя еси. Нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.

Ант. Посему она подобна лунѣ, когда луна межъ солнцемъ и землею. Въ то время одинъ полукругъ ея темный; а тотъ, что къ солнцу, свѣтлый.

Квадр. Сія посредственница похожа и на мостъ, дѣлающій сообщеніе между Богомъ и смертными.

Ант. Если сей чудный мостъ переводитъ смертныхъ въ животъ, то достойно и праведно назватись можетъ воскресеніемъ.

Квадр. Ахъ! сія-то голубица точное есть воскресеніе мертвыхъ человѣковъ. Она насъ, спадшихъ отъ горы долу, поставляетъ паки на той же горѣ.

Л. И я сему согласенъ! Сіе слово воскресеніе въ греческихъ и римскихъ языкахъ значитъ, кажется, то: если падшаго паки поставить на ноги. Кромѣ того я слыхалъ, что голубица по еврейскому — *Іона*. Да и Богъ явно говоритъ Іереміи, что поставитъ его опять на ноги, если будетъ Ему послушенъ. И какъ въ священномъ писаніи весьма бѣдственное состояніе значитъ сіе слово *сидѣть*, такъ напротивъ того *стоять* значитъ быть въ точномъ благополучіи. А какъ несчастное дѣло есть сидѣть и быть колодникомъ въ темницѣ, такъ еще хуже—быть въ компаніи тѣхъ, коихъ св.

Павелъ пробуживаетъ: востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ... Разбій сонъ глазамъ твоимъ, о несчастный мертвецъ! поднимись на ноги! авось-либо уразумѣешь, что такое есть: Христосъ, свѣтъ міра?

Др. Не могу больше молчать, услышавъ блаженнѣйшее и сладчайшее имя свѣтлаго воскресенія. Я, правда, между прочіими, и самъ сижу въ холодномъ смертномъ мракѣ; но чувствую во мнѣ тайную лучу, тайно согрѣвающую сердце мое... Ахъ, Памво! сохранимъ сію Божественную искру въ сердцѣ нашемъ! побережемъ ея, дабы прахъ и пепелъ гробовъ нашихъ не затушилъ ее. Въ то время что-ли мы останемся такое, развѣ единъ прахъ и смерть..? Огня истребить не можемъ—не спорю: но что самимъ намъ дѣлать безъ огня? кая польза намъ въ томъ, что имѣемъ въ себѣ плоть и кровь? Вѣдай, что ей должно опуститься во истлѣніе. Въ то время, погибать ли намъ безъ конца? и мы не иное что есмы, развѣ мечта, сонъ, смерть, и суета? О, премного бѣдственное жъ наше состояніе, если все-на-все одно только есть тлѣнное, безъ вѣчности, — если, кромѣ явнаго, ничего не имѣется въ немъ тайнаго, въ чемъ бы существо наше, какъ на твердомъ основаніи, задержалось,—если всяческая суета и всякъ человѣкъ живущій! Подлинно жь теперь (если

такъ), сильно твое царство, о, горькая смерте! непобѣдима твоя побѣда. О, аде! Кто, или что можетъ противиться тлѣннымъ вашимъ законамъ, все въ прахъ, безъ остатка, обращающимъ? Ахъ бѣда, погибель, болѣзнь, горесть, мятежъ!.. Слышите ли? Понимаете ли, кій сей есть языкъ?..

Пам. Господи! избави душу мою отъ устенъ неправедныхъ.... отъ языка непреподобна, отъ человѣка неправедна... Языкъ ихъ сей есть мечь остръ... гробъ отверстъ...,

Др. Вотъ точный ядъ аспидовъ, жало грѣховное, языкъ зміинъ, низводящій Адама въ трудъ и болѣзнь! Что ли ты намъ нашепталъ, древняя злобо и прелесть? Для чего ты весьма высоко возносишь умирающую мертвость, и старѣющуюся старость, и тлѣющую тлѣнь? Одна ли смерть царствуетъ? и нѣсть живота? лесть одна безъ правды, и злоба безъ благости, и старость безъ юности, и тьма безъ свѣта, и потопъ безъ суши? Да запретитъ же тебѣ Господь, о, потопный языче, рѣку водъ живыхъ изблевающій, потопляющій матери Сіона младенцевъ, покрывающій мракомъ и облакомъ чернымъ, низводящій во адъ отъ Господа, котораго клевещешь съ гордостію, уничижая Его царство и правду, юность и вѣчность, новую землю и живый родъ!.. Слушай же, бѣсе глухій, языче нѣмый и пустый,

понеже не признаешь пребыванія Господня, исповѣдуя, что одна только смерть вездѣ владѣетъ, низведя все-на-все во адъ истлѣнія! Того ради знай, что новый и нетлѣнный человѣкъ не точію поперетъ тлѣнные твои законы, но совсѣмъ вооруженъ местью; до конца тебе разрушитъ, низвергнетъ отъ престола твоего, сдѣлавъ тебе изъ головы ничтожнымъ ошибомъ. Памво! Слушай, Памво! Зачѣмъ ты молчишь? Вѣдай, что ты уже позналь путь твой. Не шепчетъ въ твоемъ сердцѣ онѣмѣвъ злый языкъ. Развѣ опять ожилъ? Развѣ опять болѣзнь грѣшнаго языка во утробѣ твоей обновилась? Паки бодетъ мечь душу твою? Видно, что для того молчишь, онѣмѣвъ и смирився, не говоришь добраго, не вопрошаешь о мирѣ Іерусалима.

Пам. Я давно уже тайно сей языкъ проклинаю въ сердцѣ моемъ.

Др. Но для чего явно не поешь? Если дѣйствительно научился псалму Давидову, — для чего со Исаіею возлюбленному твоему пѣсни чрезъ весь день не простираешь? Если далъ тебѣ Господь новыя уста, — зачѣмъ съ Іереміею не говоришь: и отверзтая уста моя ктому не затворятся. Если согрѣлося сердце твое въ тебѣ, — долженъ ты въ поученіи твоемъ раздувать вѣчнующую воскресенія искру, дондеже возгорится огнь блаженнаго сего пламе-

ни и поястъ всю себѣ сопротивную тлѣнь, дондеже наполнится огненная рѣка Божія, потопляющая нечестивыя. Согрѣтое сердце есть огненный духа святаго языкъ, новое на небеси и на землѣ поющій чудо воскресенія. Не видишь ли, что во всѣхъ ветхое сердце, земляный языкъ, всѣ боязливы, печальны, несыты, отчаянны, лишены небеснаго параклитова утѣшенія? Коль же напротивъ того мало тѣхъ, о коихъ сказано: на стѣнахъ твоихъ, Іерусалиме, приставихъ стражи день и нощь, иже не престанутъ поминающе Господа! Мало сыновъ Амосовыхъ для утѣшенія людей Божіихъ; не много Аввакумовъ, стоящихъ на Божественной стражѣ. О всѣхъ можно сказать: мертвъ еси, съ мертвымъ твоимъ сердцемъ; желѣзо пройде душу твою; сидишь во тьмѣ; лежишь во гробѣ... О божественная искро! зерно горчично и пшенично! Сѣмя Авраамле! Сыне Давидовъ! Христе Іисусе! Небесный и новый человѣче! Главо и сердце и свѣте всея твари! десница Божія! воскресеніе наше! Когда тебе уразумѣемъ?.. Ты истинный человѣкъ еси во истинной плоти. Но мы не знаемъ такого человѣка; а которыхъ знаемъ, тѣ всѣ умираютъ. Ахъ! истинный человѣкъ никогда же умираетъ. Такъ видно, что мы никогда истиннаго не видывали человѣка; а которыхъ знаемъ, у тѣхъ руки и ноги,

и все тѣло въ прахъ обращается. Но что свидѣтельствуетъ камень священнаго писанія? Не отемнѣста (говоритъ) очи его, и не истлѣста устнѣ его. Но гдѣ такій человѣкъ? мы его никогда не видали и не знаемъ. Не разумѣемъ ни очей, ни ушей, ни языка. Все то, что только знаемъ, на сіе не похоже. Тутъ говорится о безсмертномъ человѣкѣ и нетлѣнномъ тѣлѣ; а мы одну грязь носили, и ничего такого не видимъ, чтобы не было порченое. И такъ сидя въ грязи и на нея надѣясь, подобными ей и сами сдѣлались. Очи имѣемъ тѣ, которыми ничего не видимъ, и ноги, ходить немогущія, и таковыя жъ руки, лишенны осязанія; языкъ и уши такого жъ сложенія. Вотъ какъ хорошо разумѣемъ, что мы тѣнь мертвая, что мы прахъ, вѣтромъ колеблемый! Можетъ ли нечувственная земля признать невидимаго?..

Пам. Скажи лучше по Давидовому: еда исповѣстся тебѣ персть? Бреніе и вода мимо текущая есть естествомъ своимъ всяка плоть, изъ стихій составленная, — ровъ страданій и глубина тьмы. Спаси мя, вопіетъ Давидъ, отъ бренія, да не углѣбну, и отъ водъ многихъ и глубокихъ. Не мертвыя восхвалятъ тя...

Др. Отъ сегожъ-то бренія изводитъ насъ помянутая царская дочерь, Давидова чистѣйшая голубица, и прекраснѣйшая дѣва, одѣвъ

насъ не бренными, но позлащенными въ междераміи и посребренными духомъ Божіимъ крылами. Сими окрылатѣвъ, возлетимъ съ Давидомъ и почіемъ. Бросивъ земнаго человѣка Адама съ его хлѣбомъ болѣзни, перелетимъ сердцемъ къ человѣку Павлову, къ невидимому, небесному нашему міру—не за моря и лѣса, не выше облаковъ, не въ другія мѣста и вѣка: Единъ Онъ есть во вѣки. Но проникнемъ въ самый центръ сердца нашего и души нашея, —и минувъ всѣ бренныя и потопныя мысли, со всею крайнею внѣшностію плоти нашея, оставивъ всю бурю и мракъ подъ ногами его, взойдемъ чрезъ помянутыя лѣствицы: высокій восходъ и исходъ къ животу и главѣ нашей, —къ истинному человѣку, въ нерукотворенную Скинію, и къ его нетлѣнной и пречистой плоти, которыя земная наша храмина слабою тѣнью и видомъ есть. Сей-то есть истинный человѣкъ, предвѣчному своему Отцу существомъ и силою равенъ, единъ во всѣхъ насъ и во всякомъ цѣлый, его же царствію нѣсть конца... Сего-то человѣка если кто уразумѣлъ, тотъ и возлюбилъ, и самъ взаимно любезнымъ сдѣлался, и одно съ нимъ есть. Кто прилѣпился бренію, тотъ и самъ есть землею, и въ землю возвращается; а познавшій нетлѣннаго и истиннаго человѣка не умираетъ, и смерть надъ нимъ не обладаетъ, но съ сво-

имъ господиномъ, вѣрный слуга, вѣчно царствуетъ, раздѣвшись, какъ изъ обветшалыя ризы, изъ земной плоти, и надѣвъ новую, сообразну его плоти плоть. И не уснетъ, но измѣнится, принявъ, вмѣсто земныхъ рукъ, нетлѣнныя, вмѣсто земныхъ ушей, очей, языка и прочихъ всѣхъ членовъ—духовныя, истинныя, сокровенныя въ Богѣ, какъ Исаія говоритъ: се Спаситель твой грядетъ, имѣяй съ собою мзду, или награжденіе; воздаяй, вмѣсто желѣза, сребро, вмѣсто мѣди, злато; полагаяй въ основаніе твое камень сапфиръ, то есть, небесну, нерукотворенну храмину. Да будетъ Богъ всяческая во всемъ твоемъ, а не мертвая земля и бреніе. Кто-ли охотникъ къ сему истинному животу, къ симъ блаженнымъ днямъ? Сейчасъ вдругъ, какъ молнія, дается тебѣ. Удержи только языкъ твой отъ зла и устнѣ твои... О, злый языче! О, главо зміина! начало горестныхъ дней! Ты всѣхъ изъ рая выводишь, всѣхъ въ бездну потопляешь. Кто дастъ на сердце наше раны, и на помышленія наша—наказаніе премудрости? А иначе нельзя намъ долой не пасть. Къ тебѣ прибѣгаемъ, о горо Божія, купино неопалимая, свѣщниче златый, святая святыхъ, ковчеже завѣта, Дѣво чистая и по рождествѣ твоемъ! Ты едина и раждаеши и дѣвствуеши. Твое единыя святѣйшее Сѣмя; единъ Сынъ

твой, умершій плотію, воскресшій и воцарившійся, единъ Онъ можетъ стерти главу зміеву, — языкъ, поношающій Господеви.

Ант. Если священное писаніе есть сладкая гусль Божія, то не худо, еслибъ, кто нашу компанію повеселилъ, и воспѣлъ на семъ инструментѣ хоть немножко.

Л. Я въ семъ согласенъ съ Антономъ, и сего-жъ прошу.

Квадр. Не поврежу и я вашего добраго согласія, и о томъ же прошу.

Др. Слышишь ли, Памво? принимайся за гусли. Ты долго учился Давидовой пѣсни. За 10-ть лѣтъ можно пріучиться хоть мало.

Пам. Ахъ! что ли мнѣ въ жизни пріятнѣе, какъ пѣть возлюбленному моему человѣку? Но боюся, чтобъ не поразнить голосовъ. Страшитъ мене сынъ Сираховъ сими словами: глаголи, старѣйшино, и не возбрани мусикій.

Др. Пой и воспой, не бойся! Будь увѣренъ, что сладка ему будетъ бесѣда наша.

Пам. Но что ли ее присладитъ, если я неискусенъ?

Др. Что присладитъ? Тое, что дѣлаетъ пріятнымъ отцу младолѣтнаго сыночка, неправильное лепетаніе въ рѣчи, или худое играніе на арфѣ. Развѣ ты позабылъ, что искусство во всѣхъ священныхъ инструментовъ тайнахъ не стоитъ полушки безъ любви? Не слышишь ли

Давида? возлюбите Господа; а потомъ что? и исповѣдайтеся: хвалите и превозносите. Любленіе Господа есть преславная глава премудрости. Кая-жъ нужда въ прочемъ? Пой дерзновенно! Но какъ въ свѣтской музыкѣ, — одинъ тонъ безъ другаго согласнаго не можетъ показать фундамента; а пріобщеніе третьяго голоса совершенную дѣлаетъ музыку, которая состоитъ вся въ троихъ голосахъ, между собою согласныхъ: такъ точно и въ Давидовыхъ гусляхъ,—одна струна сумнительна, если ее съ другимъ стихомъ не согласить; а при троихъ уже свидѣтеляхъ совершенно всякій глаголъ утверждается. Воскликнемъ Господеви въ гусляхъ! вооружимся согласіемъ противу проклятаго языка, врага Божественному нашему человѣку. Авось либо по крайней мѣрѣ изъ нашей компаніи выженемъ сего нечистаго духа.

—

Сvмфонія.

Сирѣчь, согласіе, священныхъ словъ со слѣдующимъ стихомъ:

Рѣхъ, сохраню пути моя: еже не согрѣшати языкомъ моимъ.

РАЗГОВОРЪ.

Памва, Антонъ, Лука и прочіе.

Лука. Продолжай же притчу твою, Памво.

Памва. Наконецъ тѣ два путники пришли къ великимъ горамъ. Они о своемъ освобожденіи благодарили Бога. Но голодъ и скука по отечеству мучила ихъ. Какъ утишился вѣтеръ, услышали они шумъ водъ и подошли къ источнику. Старѣйшій изъ нихъ, отдохнувъ нѣсколько, осмотрѣлъ мѣста около богатаго сего источника, истекающаго изъ ужасныхъ азіатскихъ горъ. Конечно, говоритъ, не далече тутъ люди гдѣ-то живутъ. Не знаю, кто бы могъ поселиться въ сихъ страшныхъ пустыняхъ, сказалъ молодой. По крайней мѣрѣ виденъ бы былъ слѣдъ какій либо ко источнику. Да, въ близости его по камнямъ не видать, сказалъ старикъ, но въ дальней околичности примѣтилъ я слѣдъ, весьма похожій на человѣческій. Мало помедливъ, поднялися они узенькою тропою по кручамъ. Она ихъ привела до каменныя пещеры съ надписью сею: сокровище свѣта, источникъ жизни, дверь блаженства. Не знаю, кій духъ влечетъ мене въ темный сей вертепъ, говоритъ старикъ. Или умру, или живъ буду. Ступай за мною! Последуя предводительству духа, пошли оба

внутрь. Молодый не терпя больше глубокія тьмы, вскричалъ: ахъ! куда мы идемъ..? Потерпи; кажется, слышу человѣческій голосъ. И дѣйствительно, сталъ слышенъ шумъ веселящихся людей. Приблизившись къ дверямъ, начали они стучать. За шумомъ не скоро имъ отперли. Вошли въ пространную залу, лампадами освѣщенную. Тутъ приняли ихъ, какъ родственниковъ, сдѣлавъ участниками пира. А живутъ здѣ нѣсколько земледѣловъ съ фамиліями. Отдохнувъ нѣсколько дней, у сихъ человѣколюбивыхъ простолюдиновъ, праздновавшихъ шесть дней рожденіе своего господина, спросили путники у Конона, кой былъ межъ ними головою: какъ далече живетъ ихъ господинъ? Онъ насъ всѣмъ тѣмъ, что къ веселости принадлежитъ, снабдѣваетъ, сказалъ Кононъ: однакъ мы къ нему въ домъ никогда не ходимъ, и не видимъ никого, кромѣ нашихъ пастуховъ, которые ему вѣрнѣе прочихъ. Они отъ насъ носятъ ему поклоны. Если желаете, можете къ нему идти. Онъ не смотритъ на лице, но на сердце. Вамъ назадъ воротиться нельзя. Вотъ двери: вамъ не страшенъ темнаго вертепа путь при факелѣ. Господь съ вами! ступайте! Седьмаго дня, по входѣ своемъ въ пещеру, 1771 года съ полночи вступили чужестранцы въ путь господскій. На разсвѣтѣ слышали хоръ поющій: Смертію смерть по-

правъ.... Послѣ пѣнія, вдругъ отворилися двери. Вошли въ чертогъ, утренним свѣтомъ озаренный...

Л. Полно! зачинай: Воскликните Богу Іаковлю, и веди хоръ, Памво! а мы за тобою, сколько можно.

Пам. Рѣхъ: сохраню пути моя... Хоръ повторяетъ.

Л. Кажется, со стихомъ симъ согласенъ тотъ: Рѣхъ: сохранити законъ твой. Отсюду видно, что Давидовы пути, которые онъ намѣренъ сохранять, и законъ Божій — все то одно. И такъ, вторый стихъ есть истолкователемъ прваго.

Ан. Немножко есть сумнѣнія въ томъ, что Давидъ назвалъ своимъ то, что Божіе есть, а не его.

Квад. Для чего-жъ Давиду закона Божія не назвать своимъ путемъ? Онъ путь нечестивыхъ оставилъ и усвоилъ себѣ путь Божій.

Ант. Не спорю. Однакъ лучше, когда бы третій стихъ развязалъ сумнѣніе, дабы твердое было въ троихъ тронахъ согласіе.

Л. Что-жъ сумнѣваться? вѣдь Давидъ и Бога своимъ называетъ: Ты мой и законъ Твой есть мои же. Часть моя еси Господи. Рѣхъ: сохраню пути моя — то-же, что Рѣхъ: сохранити законъ Твой. Но для твоего удо-

вольствія, вотъ тебѣ третій: *Пути моя исповѣдахъ, и услышалъ мя еси.*

Ан. Я и симъ не доволенъ. Сей стихъ изъясняется слѣдующимъ: *Рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви.* И такъ нѣсколько разнятъ два стихи сіи: *пути моя исповѣдахъ*, то есть, беззаконіе мое, а не законъ Божій. *Сохраню пути моя, и услышалъ мя еси*, то есть *сохранити законъ твой.* Если бы сказалъ: сохраню пути твоя, въ то время совершенная была бы симфонія съ симъ: и ты отпустилъ еси нечестіе сердца моего. Сіи два во всемъ съ собою сходны. И какъ начало началомъ, такъ и конецъ концемъ втораго открывается: сохранити законъ твой.

Квадр. Какъ же теперь быть? слушай, Памво! завелъ ты насъ въ непроходимую; ты-жъ самъ и выведи.

Пам. Знаю. Вамъ сумнительно то, что Давидъ, какъ законъ Божій называетъ путемъ своимъ, такъ и беззаконіе называетъ своимъ. Не удивляйтеся. Единъ нашъ, для всѣхъ насъ, есть путь, ведущій во вѣчность; но двѣ въ себѣ части и двѣ стороны, будто два пути, десный и шуій, имѣетъ. Часть Господня ведетъ насъ къ себѣ, а лѣвая сторона, во тлѣніе. Сею стороною Давидъ прежде шествовалъ и, усмотрѣвъ обманъ, говоритъ: Пути моя исповѣдахъ, — и ты и проч. Потому, избравъ

благую часть, сказуетъ: сохраню пути моя, сирѣчь, стану беречь сію благую часть, дабы мене мой языкъ не отвелъ отъ нея во истлѣніе. Искуси мя, Боже, и увѣждь сердце мое, и аще есть путь беззаконія во мнѣ, тогда настави мя на путь вѣченъ.

Др. Любезные други! вы не худо на Давидову арфу забренчали, и по моему мнѣнію не нарушили мусикіи, но опустили самое нужное, а именно: рѣхъ.

Ант. Сіе, кажется, всякъ разумѣетъ.

Др. А мнѣ мнится, будто нѣтъ труднѣе.

Ан. Конечно, ты шутишь.

Др. Никакъ! Священное писаніе подобно рѣкѣ, или морю. Часто въ томъ мѣстѣ глубина, и самымъ ангельскимъ очамъ неудобозримая закрывается, гдѣ по наружности показывается просто. Примѣчайте, что Давидъ на многихъ мѣстахъ говоритъ: рѣхъ, и послѣ сего весьма важное слѣдуетъ; напр. рѣхъ: нынѣ начахъ, и прочая. Рѣхъ: потомъ раждается сохраненіе закона. Рече безуменъ —и въ то время слѣдуетъ растлѣніе всѣхъ начинаній. Рѣхъ: ты еси Богъ мой. Видите, что рѣчь, сѣменемъ и источникомъ есть всему добру и злу, а вы сію голову опустили. Сея-то добрыя рѣчи проситъ у Бога онъ-же. Рцы души моей: спасеніе твое есмь азъ. Господи! устнѣ мои отверзеши... А какъ послалъ слово свое г

исцѣлилъ, въ то время Давидъ всему строенію своему положилъ основаніе... Какъ же ты, Антонъ, говоришь, что всякъ разумѣетъ? Разумѣешь ли, что такое есть рѣчь?

Ан. По крайней мѣрѣ вижу человѣческія уста.

Др. Богъ знаетъ!.. Приступитъ человѣкъ — и сердце глубоко. Какъ же можешь видѣть?

Ан. Сердца видѣть не могу.

Др. Такъ не видишь же ни устъ его. Позабылъ ты уже оное? Глубоко сердце человѣку и, человѣкъ есть. Слушайте, любезные други, запойте на Давидовыхъ гусляхъ, обличите его невѣжество, иждените бѣса. Памво, зачинай. Симфонія.

Памво. Согрѣяся сердце мое.. Глаголахъ языкомъ моимъ.

Л. Далъ еси веселіе въ сердце мое.

Квадр. Отрыгну сердце мое слово благо. Языкъ мой трость.

Пам. Возрадуется языкъ мой правдѣ твоей.

Квадр. Слово Господне разже его.

Л. Возвеселитися въ веселіи языка твоего.

Пам. Разжеся сердце мое и утробы моя.

Л. Возрадуются устнѣ мои, и душа моя.

Квадр. Тебѣ рече сердце мое: Господа взыщу.

Др. Полно! слышишь ли, Антонъ, симфонію? Понялъ ли ты, что языкъ съ устами радуется,

а сердце говоритъ? Признайся жъ съ Сираховымъ сыномъ: уста мудрыхъ въ сердцѣ ихъ. Но какъ сердца ихъ не видишь, то ни устъ ихъ, ни языка, ни слова устъ ихъ, ни рѣчи. Видишь, коль трудное слово: Рѣхъ.

Ант. А внѣшнія уста и языкъ, что такое есть?

Др. О нѣмѣй, и молчи! Не слыхалъ ли ты, что на сихъ гусляхъ не должно пѣть для твоей земли, плоти и крови, но единому Господу и Его языку, о коемъ пишется: земля убояся и умолча, внегда востати на судъ Богу.

Ант. Новый подлинно языкъ.

Др. Новый человѣкъ имѣетъ и языкъ новый. Слушай, Памво. Запойте сему, возлюбленному нашему человѣку, сладости и желанію нашему. Но такъ пойте, чтобъ сладка была Ему ваша хвала. Воспойте умомъ, не однимъ воздухъ поражающимъ гласомъ. Новому нова пѣснь.

Пам. Пою тебѣ въ гуслѣхъ, святый Израилевъ.

Л. Красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ.

Квадр. Возлюбленный, яко сынъ единорожъ.

Пам. Сего ради помаза тя, Боже, Богъ твой.

Л. Честно имя Его предъ нами, и живъ будетъ.

Квадр. Обновится, яко Орля, юность твоя.

Пам. Жезлъ силы послетъ ти Господь отъ Сіона.

Л. Что есть человѣкъ, яко помниши его?

Квадр. Мати Сіонъ речетъ: человѣкъ, и человѣкъ родися въ немъ.

Пам. Престолъ Его, яко солнце.

Л. Востани! вскую спиши, Господи?

Квадр. Десница твоя воспріятъ мя.

Пам. Не даси преподобному твоему видѣти истлѣнія.

Л. Еще же и плоть моя вселится на упованіи.

Квадр. И лѣта твоя не оскудѣютъ.

Др. Знаешь ли, Антонъ, сего блаженнаго мужа? Онъ не умираетъ, и плоть его не истлѣваетъ.

Ант. Признаюсь, не знаю; а кого знаю, тѣ всѣ умираютъ и тлѣютъ.

Др. Такъ слушай же. Тѣ всѣ у Бога не початные... Не соберу соборовъ ихъ отъ кровей. Кая польза въ крови ихъ, когда они тлѣютъ? Ищи, что то за человѣкъ, который воспомяновенъ у Бога. Если сыщешь, въ то время и самъ записанъ будешь на небесахъ. Вѣдь ты читалъ, что единою глагола Богъ: а тамъ разумѣется двое: человѣкъ и человѣкъ, языкъ и языкъ, рѣхъ и рѣхъ, старое и новое, истинное и пустое, Слово Божіе и смерт-

ное, глава и пята, путь и грѣхъ, то есть заблужденіе... Рѣхъ; а потомъ что? сохраню пути моя. Рѣхъ беззаконнующимъ. А что такое: не беззаконнуйте? Рѣхъ: что же то за рѣчь? услышу, что речетъ о мнѣ Господь? Миръ! яко рече миръ на люди своя. Рѣхъ: вотъ же и рѣчь. Господи, устнѣ мои отверзеши. Рѣхъ: Господь дастъ глаголъ Благовѣствующимъ. Рѣхъ: посла слово свое, и исцѣли ихъ. Рѣхъ: Въ началѣ бѣ Слово. Рѣхъ: Богъ рекій изъ тьмы свѣту возсіяти. Рѣхъ: Той сотретъ твою главу. Рѣхъ: рече Богъ, да будетъ свѣтъ! Рѣхъ: просвѣщаеши тьму мою. Рѣхъ: сердце чисто созижди. Рѣхъ: вся-ка плоть трава. Рѣхъ: кляхся и поставихъ судьбы... Рѣхъ: живо бо есть слово Божіе. Рѣхъ: доколѣ сѣчеши, о мечу Божій? глаголяй истину въ сердцѣ моемъ? Боже сердца моего! доколѣ сѣчеши? Я уже скрыхъ словеса твоя въ сердцѣ моемъ.

Ант. А я думалъ, что Давидъ обыкновенно сказалъ нашимъ языкомъ: Рѣхъ.

Др. Ни, но тайнымъ, новымъ, нетлѣннымъ. Онъ не любитъ инако говорить. Слышь, что сказуетъ? О Господѣ похвалю слово.

Ант. О, дабы Богъ далъ и мнѣ новый сей языкъ!

Др. Если узнаешь старый, познаешь и новый.

Ант. Тфу! что за бѣда? будто я уже и стараго не знаю? ты мене чучеломъ сдѣлалъ.

Др. Еслибъ тебѣ трактирщикъ поставилъ одинъ стаканъ вина стараго, другій новаго, а ты не знатокъ; то какъ можно сказать, будто знаешь? ошибкою можешь почесть старое вмѣсто новаго.

Ант. Что же пользы видѣть, не имѣя вкуса?

Др. Самая правда. Я тебѣ говорю, что ты и о самомъ старомъ языкѣ не знаешь, гдѣ онъ, хотя бы вкуса и не былъ лишенъ.

Ант. Что ты поешь? Вѣдь старый нашъ языкъ во рту.

Др. А ротъ гдѣ?

Ант. Развѣ не видишь моего рта?

Др. Полно же! Послушай лучше Давидовыхъ гуслей, и прожени духа лжи. Воспой старикъ!

Пам. Нѣсть во устѣхъ ихъ истины, сердце ихъ суетно.

Л. Устнѣ льстивыя въ сердцѣ.

Квадр. Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ.

Пам. Трудъ и болѣзнь подъ языкомъ ихъ.

Л. Доколѣ положу совѣты въ душѣ моей?

Квадр. Болѣзни въ сердцѣ моемъ...

Др. Вотъ видишь, что и самый старый твой языкъ, въ ветхомъ твоемъ сердцѣ, а не въ наружности.

Ант. Какъ же наружный мой языкъ не го-

ворить, когда онъ говоритъ? Вѣдь голосъ его слышенъ.

Др. Мысль движетъ грязь твоего языка, и она-то (мысль) говоритъ, какъ часы на башнѣ идутъ. Выходитъ изъ нутра часовыя машины побудительная сила, коею нечувственный движется молотокъ. И по сему то Давидъ поетъ: помыслиша (такъ вотъ уже) и глаголаша. Старый, новый ли языкъ: оба закрылися въ безднѣ сердецъ своихъ. Помыслихъ, говоритъ, пути твоя, то есть, рѣхъ: сохраню пути моя. А опять о зломъ языкѣ вотъ что! Неправду умысли языкъ твой, то есть сердце его собра беззаконіе себѣ. А какъ въ мертвость твоего наружнаго языка, такъ во всѣ твоея тлѣнности члены выходитъ побудительная сила изъ сердечныя же машины. Посему видно, что всѣ они въ той же безднѣ, какъ яблоня въ своемъ сѣмени, утаеваются. А наружная грязь о нихъ только свидѣтельствуетъ. Пѣвчіи! Воспойте и сію пѣсенку!

Пам. Нога моя ста на правотѣ.

Л. Тіи же присно заблуждаютъ сердцемъ.

Квадр. Неправду руки ваша сплетаютъ.

Пам. Въ сердцѣ беззаконіе дѣлаете.

Квадр. Языкъ его соплеташе льщеніе.

Пам. Возведохъ очи мои.

Л. Къ тебѣ взяхъ душу мою.

Квадр. Вижд и приклони ухо твое. Приклонихъ сердце мое во свѣдѣнія твоя.

Др. Уразумѣй силу сихъ словъ, и усмотришь, что нога гордыни, и рука, и роги грѣшныхъ, и зубы и уши, и око простое и лукавое, и все до послѣдняго волоса, спряталось въ сердечной глубинѣ. Отсюду-то исходятъ помышленія, всю нашу крайнюю плоть и грязь движущія. Помышленія, владѣющія наружнымъ твоимъ окомъ, есть главное твое око; а плотское такъ, какъ бы одежда, послѣдующая своей внутренности. То же разумѣй и о прочихъ частяхъ.

Ант. Да ты-жъ говорилъ, что уста только однихъ мудрыхъ въ сердцѣ ихъ; а теперь говоришь то о всякихъ устахъ.

Др. Весьма ты примѣтливъ на мои ошибки. Въ Сираховомъ стихѣ сердце безумныхъ во устахъ ихъ; уста же мудрыхъ въ сердцѣ ихъ. Пускай же и безумнаго уста будутъ въ сердцѣ. Но если ты сего не уразумѣешь, то мысль твоя будетъ въ грязи наружныхъ твоихъ устъ. А о чемъ размышляешь, тамъ твое пустое и сердце. Оно думаетъ, что плотское бреніе сильно и важно. Въ семъ ложномъ мнѣніи оно пребывая, дѣлается и само пустошью, такъ какъ и языкъ его есть суетный. Таковый помыслъ есть устами твоими бренными; а въ нихъ твое сердце потоль будетъ, поколь

не скажешь: рѣхъ: сохраню пути моя. Спаси мя отъ бренія, да не углѣбну. Затѣмъ-то языкъ и головою называется, что за симъ вождемъ все человѣческое сердце идетъ. Желалъ бы я, дабы тебѣ Господь и всѣмъ намъ далъ новое и чистое сердце. Стеръ главу языка зміина и заговорилъ въ сердцѣ нашемъ тѣмъ языкомъ, о коемъ сказано: языка, его же не вѣдяше, услыша. Посла слово свое, избави ихъ отъ растлѣнія ихъ.

Ант. Теперь, кажется, я разумѣю и сіи слова: возрадуются кости смиренныя.

Др. Когда все-на-все, то и самая кость въ душѣ и сердцѣ заключается. Какъ только (говоритъ) умолчахъ, обетшаша кости моя.

Пам. Онѣмѣхъ и умолча отъ благъ въ то время, внегда востати грѣшному (языку) предо мною.

Др. Подлинно. А какъ сей злый вождь и глава зміина приводитъ все сердечное сокровище въ смущеніе, такъ напротивъ того веселый Божій миръ благовѣствующій языкъ приноситъ всему сердцу, всей безднѣ нашей, радость и свѣтъ. Слуху (говоритъ) моему даси радость и веселіе. Для того, что какъ все мое, такъ и кости мои, прежде сего смирившіяся во истлѣніе, теперь возрадуются. Сему мирному языку вѣровахъ тѣмже и глаголахъ. А что глаголахъ? вотъ что: всякъ человѣкъ ложъ.

Всяка плать сѣно, ничтоже. Рѣхъ: имя Господне призову. Рѣхъ: сохраню пути моя, пойду въ слѣдъ за новымъ моимъ языкомъ, за нетлѣннымъ человѣкомъ; не пойду во истлѣніе за грѣшнымъ языкомъ. Воскликну со Исаіею: Божій есмь.

Пам. Вошли мы нѣсколько во внутренность плоти нашея, будто въ нѣдро земное. Нашли чего не видали. У людей мы нашли новыя руки, ноги, и все новое имѣющихъ. Но еще не конецъ. Продолжай путь къ совершенному миру нашему. О, душа моя! приближайся ко Господу. Вѣрою входи, а не видѣніемъ. Вѣра роетъ и движетъ горы.

Вотъ свѣтильникъ стязямъ твоимъ.

Языкъ новый!

Аминь.

—

УБОГІЙ ЖАЙВОРОНОКЪ!

ПРИТЧА.

Посвященіе.

ЛЮБЕЗНОМУ ДРУГУ, ѲЕОДОРУ ИВАНОВИЧУ ДИСКОМУ, ЖЕЛАЕТЪ ИСТИННАГО МИРА.

Жизнь наша, есть вѣдь Путь непрерывный. Міръ сей, есть великое Море: всѣмъ намъ пловущимъ. Онъ то есть Океанъ. О! вельми не многими Щастливцами, безбѣдно преплавляемый. На Пути семъ, встрѣчаютъ Каменныя Скалы и Скалки. На Островахъ Сирены. В глубинахъ Киты. По Воздуху Вѣтры. Волненія повсюду. Отъ Каменей Претыканіе. Отъ Сиренъ Прельщеніе. Отъ Китовъ Поглощеніе. Отъ вѣтровъ Противленіе. Отъ Волнъ Погруженіе. Каменныя вѣдь Соблазны, суть то Неудачи. Сирены, суть то Льстивые Други. Киты, суть то Запазушніи Страстей нашихъ Зміи. Вѣтры, разумѣй Напасти. Волненіе, Мода и Суета Житейска.... Непремѣнно поглотила бы Рыба младаго Товію: если бы въ Пути его не былъ Наставникомъ Рафаилъ.—*Рафа* (Еврей-

ски) значитъ Медицину. *Илъ*, или *Элъ*, значитъ Бога. — Сего Путеводника промыслилъ ему Отецъ его. А Сынъ нашелъ въ немъ, Божію Медицину: врачующую, не Тѣло: но Сердце. По Сердцу же, и Тѣло: яко отъ Сердца зависящее. Іоаннъ, Отецъ твой: въ седьмомъ Десяткѣ Вѣка сего (въ 62-мъ году) въ Городѣ Купянкѣ: первый разъ взглянувъ на мене: возлюбилъ мене. Онъ никогда не видѣлъ мене. Услышавъ же Имя: выскочилъ: и достигши на Улицѣ: молча, въ лице смотрѣлъ на мене: и приникалъ, будто познавая мене: толь милымъ Взоромъ: яко до днесь: въ зерцалѣ моея памяти: живо мнѣ онъ зрится. Воистину прозрѣлъ Духъ его: прежде Рождества твоего: что я тебѣ, Друже, буду полезнымъ. Видишь: коль Далече прозираетъ Симпатія! Се нынѣ Пророчество Его исполняется! Пріими, Друже, отъ мене, маленькое сіе Наставленіе. Дарую тебѣ, *Убогаго* моего *Жайворонка*. Онъ тебѣ Заспѣваетъ и Зимою: не въ Клѣткѣ: но въ Сердцѣ твоемъ; и нѣсколько поможетъ спасатися: отъ Ловца и Хитреца: отъ Лукаваго Міра сего. О Боже! Коликое Число сей Волкъ, День и Нощь, незлобныхъ жретъ Агнцовъ! Ахъ! Блюди, Друже: да Опасно ходиши. Не спитъ Ловецъ. Бодрствуй и ты. Оплошность, есть Мати Нещастія. Впрочемъ: да не соблазнитъ тебѣ, Друже То: что Тетервакъ названъ Фридрикомъ.

Если же досадно: вспомни, что мы всѣ таковы. Всю вѣдь Малороссію Велероссія нарицаетъ Тетерваками. Чего же стыдиться! Тетервакъ вѣдь, есть Птица Глупа: но не злобива. Не тотъ есть Глупъ: кто не знаетъ (еще Все Перезнавшій не родился): но тотъ: Кто знать не хочетъ. Возненавидь Глупость: тогда, хотя Глупъ: Обаче будеши въ Числѣ, Блаженныхъ оныхъ Тетерваковъ: *Обличай премудраго: и возлюбитъ тя*. Обличай, де, его: яко глупъ есть. Какъ же онъ есть Премудръ? яко не любитъ Глупости. Почему? Потому что: пріемлетъ и любитъ Обличеніе отъ Друговъ своихъ. О! да сохранитъ юность твою Христосъ: отъ умащающихъ Елеемъ Главу твою. Отъ домашнихъ сихъ тигровъ и сиренъ.

Аминь.

1787-го лѣта: въ полнолуніе послѣднія луны осенія.

ПРИТЧА, НАРЕЧЕННА:

УБОГІЙ ЖАЙВОРОНОКЪ.

Съ нимъ разглагольствуетъ тетервакъ о спокойствіи.

ОСНОВАНІЕ ПРИТЧИ.

Той избавитъ тя отъ сѣти ловчія... Псаломъ 90 ст. 9.

Бдите и молитеся: да не внидите въ напасть.

Горе вамъ богатолюбцы!, яко отстоите отъ утѣшенія вашего.

Блажени нищіи духомъ...

Обрящете покой душамъ вашимъ...

—

Тетервакъ (1), налетѣвъ на ловчую сѣть: началъ во весь опоръ, жрать тучную ядь. Нажрався по уши: похаживалъ надуваясь: вельми доволенъ самъ собою: аки буйный юноша: по модѣ одѣтый. Имя ему Фридрикъ. Родовое же, или фамильное прозваніе: или какъ обычно въ народѣ говорятъ, фамилія: Салаконъ (2). Во время оно пролѣталъ Сабашъ: (имя жайворонку) прозваніемъ: Сколарь. «Куда ты несешься Сабашъ?» воскликнулъ надувшися Тетервакъ.

Сабашъ. О возлюбленный Фридрикъ! миръ да будетъ тебѣ! радуйся во Господѣ!

Салаконъ. Фе! запахла школа.

Сабашъ. Сей духъ для мене милъ.

---

(1) Тетеревъ, птица. Правописаніе сохранено самаго Автора.

(2) Салаконъ есть Еллинское слово. Значитъ нищаго видомъ; но лицемѣрствующаго богатствомъ Фастуна. Сихъ лицемѣровъ преисполненъ міръ. Всякъ до единаго изъ насъ больше на лице кажетъ: нежели имѣетъ: даже до сего, сатанинское богатство, нищету Христову преодолѣло: осквернивъ симъ лицемѣріемъ, и самые Храмы Божіи: и отсюду выгнавъ нищету Христову, и отвсюду. И нѣсть человѣка: хвалящагося съ Павломъ нищетою Христовою.

САЛАКОНЪ. По губамъ салата: какъ поютъ притчу.

САБАШЪ. Радуюся, яко обоняніе ваше исцѣлилося. Прежде вы жаловалися на насморкъ.

САЛАКОНЪ. Протершись, братъ, межъ людьми: нынѣ всячину разумѣю. Не уйдетъ отъ насъ ничто.

САБАШЪ. Тетервачій вѣдь умъ остръ: а обоняніе и того вострѣе.

САЛАКОНЪ: Потише, другъ ты мой. Вѣдь я нынѣ не безъ чинишка:

САБАШЪ. Извините, ваше благородіе, ей! не зналъ. Посему то вѣдь и хвостъ и хохолъ вашъ нынѣ, новомодными пуклями, и кудрявыми раздуты завертасами.

САЛАКОНЪ. Конечно. Благородный духъ отъ моды не отстаетъ. Прошу, голубчикъ, у мене откушать. Богъ мнѣ далъ изобиліе. Видишь, что я брожу по хлѣбѣ? Не милость ли Божія?

САБАШЪ. (3). Хлѣбъ да соль! Изволите на здравіе кушать. А мнѣ неколи.

САЛАКОНЪ. Какъ неколи? что ты? взбѣсился?

САБАШЪ. Я посланъ за дѣломъ отъ Отца.

---

(3) Сабашъ, значитъ праздный, спокойный: отъ Сирскаго слова: Саба, или Сава: сирѣчъ, миръ, покой, тишина. Отсюду и у Евреевъ суббота, Сабашъ. Отсюду и сіе имя, Варсава. То есть сынъ міра. Баръ, Еврейскій сынъ.

САЛАКОНЪ. Плюнь! нажившися справишся.

САБАШЪ. Не отвлечетъ мя чрево отъ Отчія воли. А сверхъ того: боюся чуждаго добра. Отецъ мой отъ младыхъ ногтей спѣваетъ мнѣ сія:

Чего не положилъ: не рушь.

САЛАКОНЪ. О труслива тварь!

САБАШЪ. Есть пословица: боязливаго сына Мати не плачетъ.

САЛАКОНЪ. Вѣдь оно теперь мое. У насъ поютъ такъ: ну! что Богъ далъ, таскай ты все тое въ кошель.

САБАШЪ. И у насъ поютъ: но наша разнитъ пѣсенка съ вами. Вотъ она!

Все лишне отсѣкай, то не будетъ кашель.

Сверхъ же всего: влюбленъ есмь въ нищету святую.

САЛАКОНЪ. Ха! ха! ха! хе! въ нищету святую... Ну ее! со святынею ея. Ступай же, братъ! влечи за собою на веревкѣ и возлюбленную твою невѣсту. Дуракови желаемъ добра: а онъ все прочь. Гордыя нищеты ненавидитъ душа моя, пуще вратъ адскихъ.

САБАШЪ. Прощайте, Ваше Благородіе! Се отлѣтаю! А вамъ желаю: да будетъ конецъ благъ!

САЛАКОНЪ. Вотъ полетѣлъ! Не могу довольно надивиться разумамъ симъ школярскимъ. Бла-

женны (де) нищіи... Изрядное блаженство: когда нечево кусать! Правда, что и много жрать: можетъ быть дурно. Однакоже спокойнѣе: нежели терпѣть гладъ. Въ селѣ Ровенкахъ (4),. прекрасную слыхалъ я пословицу сію:

Не ѣвши, легче: поѣвши, лучше.

Но что же то есть лучше: если не то, что спокойнѣе? Не тронь (де) чуждаго... Какъ не тронуть: когда само въ глаза плыветъ? По пословицѣ: «На ловца звѣрь бѣжитъ.» Я вѣдь не въ дуракахъ. Черепокъ нашолъ? Миную. Хлѣбъ попался? Никакъ не пропущу. Вотъ это лучше для спокойствія. Такъ думаю я. Да и не ошибаюсь. Не вчера я рожденъ: да и протерся межъ людьми, слава Богу. Мода и свѣтъ, есть наилучшій учитель: и лучшая школа всякія школы. Правда, что было время: когда и нищихъ, но добродѣтельныхъ почитали. Но нынѣ свѣтъ, совсѣмъ не тотъ. Нынѣ, когда нищъ: тогда и бѣднякъ и дуракъ, хотя бы то былъ воистину Израильтянинъ: въ немъ же льсти нѣсть. Потерять же въ свѣтѣ доброе о себѣ мнѣніе: дурно. Куда ты тогда годишся? Будь ты, каковъ хочешь въ нутрѣ. Хотя десятка шибеницъ достоинъ. Что въ томъ нужды? тайная Богъ вѣсть. Только бы ты имѣлъ

(4) Ровеньки, есть тоже, что Ровенники: сирѣчь по Ровамъ живущіе воры. Да не сведетъ во мнѣ ровенникъ устъ своихъ. Псаломъ.

добрую славу въ свѣтѣ: и былъ почтнымъ въ числѣ знаменитыхъ людей: не бойся! дерзай! не подвижишся во вѣкъ. Не тотъ правъ: кто въ существѣ правъ: но тотъ, кто вѣдь не правъ по истѣ: но казаться правымъ умѣетъ: и одинъ токмо видъ правоты имѣетъ: хитро лицемѣрствуя: и шествуя стезею, спасительныя оныя притчи: «*концы въ воду*» (5). Вотъ нынѣшняго свѣта, самая модная и спасительная премудрость! Кратко скажу: тотъ единъ есть счастливъ: кто не правъ вѣдь по совѣсти: но правъ есть по бумажкѣ: какъ мудро глаголютъ наши Юристы (6). Сколько я видалъ дураковъ, всѣ глупы. За богатствомъ (де) слѣдуетъ безпокойство. Ха! ха! ха! А что же есть безпокойство: если не трудъ? Трудъ же, не всякому ли благу Отецъ? Премудро вѣдь воспѣваютъ Русскіе люди, премудрую пословицу сію:

Покой воду пьетъ:
А не покой медъ.

Что же ли дастъ тебѣ пить, виновница всѣхъ золъ, праздность?

---

(5) Коль прельщаются нечестивыи, притчею сею беззаконною своею: Концы въ воду. *Нѣсть бо тайна:* яже не открывается.

(6) Христосъ же вопреки говоритъ: Славы отъ человѣкъ не хощу. Есть прославляяй Мя Отецъ Мой. На пути свидѣній твоихъ насладихся. Ахъ! убойтеся, нечестивыи, свидѣній Божіихъ! Не убойтеся, отъ убивающихъ тѣло. Скажите съ Давидомъ: «Прокленутъ тіи, и ты благословиши.» Бумажка, о лицемѣри, человѣческая оправдитъ тебе у человѣкъ: но не у Бога. Се тебѣ колесница безъ колесъ! таково безъ Бога, всякое дѣло.

Развѣ поднесетъ тебѣ на здравіе воду: не мутящую ума?

Кому меньше въ жизни треба?
Тотъ ближае всѣхъ до неба.

А кто же сіе спѣваетъ? Архидуракъ нѣкій древній: нарицаемый Сократъ. А подпѣваетъ ему весь хоръ дурацкій. О! о! весьма они разнятъ въ нашемъ хорѣ. (*) Мы вотъ какъ поемъ!

Жри все то, что предъ очима.
А счастіе за плечима.
Кто не смѣлый: тотъ страдаетъ:
Хоть добылъ: хоть пропадаетъ.
Такъ премудрый Фридрикъ судитъ.
А умъ его не заблудитъ.

Между тѣмъ, какъ Фридрикъ мудрствуетъ: прилетѣла седмица Тетерваковъ: и три братанича его.- Сіе капральство, составило богатый и шумный пиръ. Онъ совершался не далече отъ байрака: въ коемъ дятелъ, выстукивалъ себѣ носикомъ пищу: по древней Малороссійской притчѣ:

Всякая птичка, своимъ носкомъ жива.

Подвижный Сабашикъ, пролѣталъ не малое время. Пробавилъ путь свой чрезъ три часа. Онъ посыланъ былъ къ родному дядѣ: пригласить его на дружескую бесѣду: и на убогій обѣдъ къ Отцу. Возвращаясь въ домъ: за-

(*) Говорится въ тонѣ ироніи.

Славлялся пѣсенкою: на ученъ отъ отца своего измлада: сею:

Не то орелъ: что лѣтаетъ.
Но то: что легко сѣдаетъ.
Не то скуденъ: что убогой.
Но то: что желаетъ много.
Сласть ловитъ рыбы и звѣри:
И птицъ, вышедшихъ изъ мѣры.
Лучше мнѣ сухарь съ водою:
Нежели сахаръ съ бѣдою.

Летѣлъ Сабашъ мимо байрака. «Помогай Богъ, Дубе!» сіе онъ сказалъ на вѣтеръ. Но нечаянно изъ за дуба, отдался гласъ таковъ:

Гдѣ не чаешъ и не мыслишъ: тамъ тебѣ
Другъ буде...

Ба! ба! ба! О любезный Немесъ! воскликнулъ отъ радости Сабашъ: узрѣвъ дятла: именуемаго, Немесъ. Радуйся! и паки реку, радуйся!

НЕМЕСЪ. Миръ тебѣ, друже мой! миръ намъ всѣмъ! Благословенъ Господь Богъ Израилевъ! сохраняяй тя до селѣ отъ сѣтованія.

САБАШЪ. Я сѣть разумѣю. А что значитъ сѣтованіе? не знаю.

НЕМЕСЪ. Нашъ братъ птахъ: когда впадетъ въ сѣть: тогда сѣтуетъ: сирѣчь, печется, мечется и бьется о избавленіи. Вотъ сѣтованіе!

САБАШЪ. Избави, Боже, Израиля отъ сихъ скорбей его.

НЕМЕСЪ. А и давича: изъ того крайняго дуба: взиралъ на жалостное сіе позорище. Взглянь! видишь ли сѣть пашмленну? Не прошолъ часъ: когда въ ней и вкругъ ея, странная совершалася. Будто Бендерска осада (7). Гуляла въ ней дюжина Тетерваковъ. Но въ самомъ шумѣ, и плясаніи, и козлогласованіи, и прожорствѣ: какъ молнія, пала на ихъ сѣть. Боже мой! коликая молва, лопотъ, хлопотъ, стукъ, шумъ, страхъ и мятежъ! нечаянно выскочилъ ловецъ: и всѣмъ имъ переломалъ шеи.

САБАШЪ. Спасеся ли кто отъ нихъ?

НЕМЕСЪ. Два. А прочіе всѣ погибли. Знаешь ли Фридрика?

САБАШЪ. Знаю. Онъ добрая птица.

НЕМЕСЪ. Воистину Тетервакъ добрый. Онъ-то пролетѣлъ мимо мене изъ пира: теряя по воздуху перья. На силу я могъ узнать его. Трепетенъ, разтрепанъ, распушенъ, замятъ... Какъ мышь: играема котомъ. А за нимъ издалеча братаничь.

САБАШЪ. Куда же онъ полетѣлъ?

НЕМЕСЪ. Во внутренній байракъ: оплакивать грѣхи.

---

(7) Одинъ изъ достопамятныхъ воинскихъ подвиговъ въ царствованіе Екатерины Великой.

САБАШЪ. Миръ же тебѣ, возлюбленный мой Немесъ! Пора мнѣ домой.

НЕМЕСЪ. А гдѣ ты былъ?

САБАШЪ. Звалъ Дядю въ гости.

НЕМЕСЪ. Я вчера съ нимъ видѣлся: и долго бесѣдовалъ. Летижь, друже мой (8), да будетъ Господь на всѣхъ путехъ твоихъ! сохраняяй вхожденія твоя, и исхожденія твоя. Возвѣсти Отцу и Дядѣ миръ мой.

Сія вѣсть неизрѣченно Сабаша устрашила. Сего ради онъ не признался Немесу: что бесѣдовалъ съ Фридрикомъ: предъ самымъ его нещастіемъ. Ну! говорилъ самъ себѣ: научайся, Сабашъ, чуждою бѣдою. Для того то бьютъ песика передъ львомъ (какъ притча есть): чтобъ левъ былъ кротокъ. О Боже! Въ очахъ моихъ бьешь и ранишь другихъ: достойнѣйшихъ отъ мене: да устрашуся и трепещу беззаконныя жизни, и сластей міра сего. О сласть! О удица, и сѣть ты діавольска! Коль ты сладка! яко всѣ тобою плѣненны! Коль же погибельна! яко мало спасаемыхъ. Первое, всѣ видятъ, второе, избранныи.

Таковымъ образомъ жестоко себѣ наказывала: и сама себѣ налагала раны сія благочестивая Врода: и взирая на чужую бѣдность: больше пользовалася: нежели собственными

---

(8) И спасайся да будетъ и проч.

своими язвами, біемыи отъ Бога, жестокосердыи беззаконники: и живѣе научалася изъ черныя сея: мірскія бѣды содержащія (черная бо книга бѣды содержащая: есть то самъ міръ) книги: нежели нечестивая природа: тысячу книгъ перечетшая, разноязычныхъ. О таковыхъ вѣдь написано: «Вѣсть Господь неповинныя избавляти отъ напасти... Праведникъ отъ лова убѣгнетъ: вмѣсто же его предается нечестивый.»

Въ сихъ благочестивыхъ мысляхъ, прилетѣлъ Сабашъ домой. А за нимъ вскорѣ, съ двома своими сынами приспѣлъ Дядя. Созваны были и сосѣды, на сей убогій: но цѣломудренный пиръ и безпечный. Въ сей маленькой сторонкѣ, водворялася простота: и царствовала дружба: творящая малое великимъ: дешевое дорогимъ: а простое пріятнымъ. Сія землица, была часточка тоя земельки: гдѣ, странствовавшая между человѣки Истина: и убѣгающая, во злѣ лежащаго міра сего: послѣдніе дни: пребыванія своего на землѣ: провождала: и остатній роздохъ имѣла: дондеже возлетѣла изъ долнихъ въ горнія страны.

Сабашъ, отдавъ Отцу и дядѣ радость и миръ отъ Немеса: тутъ же при гостяхъ, возвѣстилъ все приключившееся. — Гостей былъ сонмъ не малъ: со чады своими: отроками и

юношами, и женами. Алауда (9), такъ нарицался Отецъ Сабашовъ: былъ неученъ наукамъ мірскимъ: но сердце его, была столица здраваго разума. Всякое дѣло и слово, моглъ совершенно раскусить, обрѣсти въ немъ корку и зерно: ядъ и ядь сладкую: и обратить во спасеніе.

Алауда, во слухъ многихъ мужей, юношъ, и отроковъ: научалъ сына такъ: сыне мой единородный! Приклони ухо твое. Услыши гласъ Отца Твоего: и спасешися отъ сѣти: якоже серна отъ ловцовъ. Сыне! аще премудръ будеши: чуждая бѣда научитъ тебе: дерзкій же и безсердый сынъ, уцѣломудряется собственнымъ искушеніемъ. И сіе есть бѣдственное. Сыне! да болитъ тебѣ ближняго бѣда! Любляй же свою бѣду: и не боляй о чуждой: сей есть достоинъ ея. Не забуди притчи: кую часто слышалъ еси отъ мене: сея:

Песика бьютъ: а левикъ боится.

Кая польза: читать многія книги: и быть беззаконникомъ? Едину читай книгу: и довлѣетъ. Воззри на міръ сей. Взглянь на родъ человѣческій. Онъ вѣдь есть книга: книга же черная: содержащая бѣды всякаго рода: аки волны: востающія непрестанно на морѣ. Читай ее всегда: и поучайся: купно же, будто изъ высокія гавани на бѣснующійся Океанъ

---

(9) Алауда, Римски значитъ, жайворонокъ. (A Lauda) Хвалю, Римски laudo. Лаудо, лаудонъ, хвалящій.

взирай и удивляйся. Не всѣ ли читаютъ сію книгу? всѣ. Всѣ читаютъ: но несмысленно. Пяту его блюдутъ: какъ написано. На ноги взираютъ. Не на самый міръ: сирѣчь, не на главу, и не на сердце его смотрятъ. Сего ради никогда его узнать не могутъ. Изъ подошвы человѣка: изъ хвоста птицы: такъ и міра сего, изъ ногъ его, не узнаешь его: развѣ изъ главы его: разумѣй, изъ сердца его. Кую тайну затворяетъ въ себѣ гаданіе сіе? Сыне! всѣ силы моя напрягу: чтобъ развязать тебѣ узелъ сей. Ты же вонми крѣпко. Тетервакъ видитъ сѣть: и въ сѣти ядь, или снѣдь. Онъ видитъ что ли? Онъ видитъ хвостъ, ноги и пяту сего дѣла; главы же и сердца сея твари: будто самыя птицы: не видитъ. Гдѣ же сего дѣла глава? И есть она что-то такое? Ловцово сердце въ тѣлѣ его: утаенномъ за купиною. Итакъ Тетервакъ: видя едину пяту въ дѣлѣ семъ: но не видя въ немъ главы его: видя не видитъ: очитъ по тѣлу; а слѣпъ по сердцу. Тѣло тѣломъ; а сердце зрится сердцемъ. Се видь оная Евангельская слѣпота: мати всякія злости! Симъ образомъ, всѣ безумные, читаютъ книгу міра сего. И не пользуются; но увязаютъ въ сѣти его. Источникъ, рѣкамъ и морямъ, есть главою. Бездна же сердечная, есть глава и источникъ всѣмъ дѣламъ, и всему міру. Ничто-

же бо есть міръ: точію связь, или составъ дѣлъ или тварей. И ничто же есть вѣка сего Богъ: развѣ мірское сердце, источникъ и глава міра. Ты же, сыне мой, читая книгу, видимаго и злаго сего міра: возводь сердечное твое око: во всякомъ дѣлѣ: на самую главу дѣла: на самое сердце его: на самый источникъ его: тогда, узнавъ начало и сѣмя его: будеши правъ судія всякому дѣлу: видя главу дѣла: и самую исту: истина же избавитъ тя отъ всякія напасти. Аще бо два рода тварей и дѣлъ суть: тогда и два сердца. Аще же два сердца: тогда и два духи: благій и злый, истинный, и лестчій. По сихъ двоихъ источникахъ, суди всякое дѣло. Аще сѣмя и корень благъ: тогда и вѣтви и плоды. Нынѣ, сыне мой, буди судія: и суди учинокъ Тетерваковъ. Аще право осудиши: тогда по сему образу, правый судія будеши всему міру. Суди же тако. Напалъ Тетервакъ на снѣдь. Видиши ли сіе? Какъ не видѣть? Сіе и свинія видитъ. Но сіе есть едина точію тѣнь, пята и хвостъ. Тѣнь себе ни оправдаетъ, ни осуждаетъ. Она зависитъ отъ своея главы и исты. Воззри на источникъ ея! На сердце: источившее и родившее ее. Отъ избытка бо сердца: сирѣчь, отъ бездны его, глаголютъ уста: ходятъ ноги: смотрятъ очи: творятъ руки. Зри! Аще сердце Тетерваково благо: откуду роди-

лося сіе его дѣло: тогда и дѣло благо, и благословенно. Но не видишь ли: яко зміина глава есть у сего дѣла? Сіе дѣло родилося отъ сердца неблагодарнаго: своею долею недовольнаго: алчущаго и похищающаго чуждое... Сія то есть истинная Авраамская Богословія: прозрѣть во всякомъ дѣлѣ гнѣздящагося духа: благъ ли онъ? или золъ? не судить по лицу, якоже лицемѣры. Часто подъ злобнымъ лицемъ: и подъ худою маскою: Божественное сіяніе, и блаженное таится сердце: въ лицѣ же свѣтломъ Ангельскомъ: Сатана. Сего ради, видя неволю и плѣнъ Тетервакову, жертвующую себе въ пользу чуждую: не лѣнися работати для собственныя твоея пользы: и промышляти нужное: да будеши свободенъ. Аще же не будеши для себе самаго рабомъ: принужденъ будеши работати для другихъ: и убѣгая легкихъ трудовъ: попадешь въ тяжкія и сторичныя. Видиши ли чью либо сіяющую одѣжду: или славный чинъ: или красный домъ: но внутрь исполненный неусыпаемаго червія? Воспомни самъ себѣ слова Христовы: «*Горе вамъ: лицемѣры! Горе вамъ смѣющимся нынѣ*» разумѣй, снаружи. Видиши ли нищаго: или престарѣлаго: или больнаго: но Божественныя надежды полнаго? Воспой себѣ пѣсенку сію Соломоновскую: «*блага ярость паче смѣха: яко въ злобномъ лицѣ ублажается сердце.*»

Видиши ли разслабленнаго паралишемъ? Бѣгай печальнаго, ревностнаго и яростнаго сердца. Убѣжиши, аще небудеши завистливъ. Сотреши главу завистному зміеви: аще будеши за малое благодаренъ: и уповающій на Бога живаго. Видиши ли ни драгую, ни сластную: но здравую пищу, воспой: «*блага ярость паче смѣха.*» Видиши ли книжку: не имущую опрятныхъ словъ: но духа Святаго исполненну: воспой: «*блага ярость паче смѣха.*» Слышиши совѣтъ, словеснымъ медомъ умащенный, но со утаеннымъ внутрь ядомъ? Воспой: «*блага ярость паче смѣха. Елей грѣшнаго, да не намаститъ главы моея.*» Видиши ли убогій домикъ: но невинный и спокойный и безпечный? Воспой: «*блага ярость паче смѣха...*» Симъ образомъ читай, сыне, мірскую книгу: и имѣти будеши купно утѣшеніе и спасеніе. Блаженъ, разумѣваяй вину всякаго дѣла! Сердце человѣческое, измѣняетъ лице его на добро, или на зло. О милыи мои гости! Наскучилъ я вамъ моимъ многорѣчіемъ. Простите мнѣ. Се столъ уже готовъ: прошу садиться безразборно. Прошу паки простить мнѣ: что и трапеза моя нища: и созвалъ васъ на убогій пиръ мой въ день безпраздничный.» — Гости всѣ, воспѣли притчу оную: «что у друга вода, есть слаже вражескаго меда.»—«Какъ же въ день безпраздничный?» сказалъ Алаудинъ братъ

Адоній (10). Ахъ! доброму человѣкови всякій день праздникъ: беззаконнику же, нивеликъ день... Аще всему міру главою и источникомъ, есть сердце: не корень ли и празднику? Празднику матерь есть не время: но чистое сердце. Оно господинъ есть и субботѣ. О чистое сердце! Ты воистину не боишся ни молніи, ни грому. Ты еси Божіе: а Богъ, есть тебѣ твой. Ты ему: а онъ тебѣ есть другъ. Оно Тебѣ, Боже мой: жертвою, Ты же ему. Вы двое есте: и есте Едино. О сердце чисто! Ты новый вѣкъ, вѣчная весна, благовидное небо, обѣтованная земля, рай умный, веселіе, тишина, покой Божій, суббота и великій день Пасхи. Ты насъ посѣтило, съ высокихъ обителей, свѣтлаго востока: изшедъ отъ солнца: яко женихъ отъ чертога своего. Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ твой! Сей день Господень, возрадуемся и возвеселимся, братіе!» «О возлюбленный брате мой! воскликнулъ Алауда. Медомъ каплютъ уста твоя. Воистину ничто же благо, токмо сердце чисто. Зерно, прорастившее небеса и землю. Зерцало! вмѣщающее въ себѣ и живопишущее всю тварь вѣчными красками. Твердь! утвердившая мудростію своею чудная небеса. Рука! содержащая горстію кругъ земный, и прахъ нашея плоти. Что бо есть див-

(10) Адоній Елин. значитъ пѣвца. Ода, пѣсня.

нѣе памяти, вѣчно весь міръ образующія? Сѣмена всѣхъ тварей, въ нѣдрахъ своихъ, хранящія вѣчно? Зрящія единымъ окомъ, прошедшая и будущая дѣла: аки настоящая. Скажите мнѣ, гости мои: что ли есть память? Молчите? Яжъ вамъ скажу. Не я же: но благодать Божія во мнѣ. Память есть не дремлющее сердечное око: призирающее всю тварь. Незаходимое солнце: просвѣщающее вселенную. О память! Утренняя, яко нетлѣнная крила! Тобою сердце возлѣтаетъ, во высоту, во глубину, въ широту, безконечно: быстрѣе молніи сторично. «*Возьму крилѣ мои рано, съ Давидомъ...*» Что ли есть память? Есть, беззабвеніе. Забвеніе, Еллинами глаголется, лиѳа. Беззабвеніе же, алиѳіа. Алиѳія же есть истина. Кая истина? Се сія истина Господня? Азъ есмь путь, истина и животъ. Христосъ Господь Богъ нашъ: Ему же слава во вѣки. Аминь!»

По семъ Алауда, благодарственною молитвою благословилъ трапезу: и всѣ возсѣли. При трапезѣ не была критика: осуждающая чуждую жизнь: и приницающая въ тайныя закаулки людскихъ беззаконій. Бесѣда была о дружбѣ: о чистотѣ и спокойствіи сердечномъ: о истинномъ блаженствѣ: о твердой надеждѣ: услаждающей всѣ житейскія горести. Въ срединѣ трапезы, объяснялъ Адоній сіе слово: *Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царство не-*

бесное. Не на лицы: говорилъ онъ, ядущи со сладостію бобы: зритъ Богъ. Человѣкъ зритъ на лице: а Богъ зритъ на сердце... Не тотъ нищъ есть: кто не имѣетъ: но тотъ, кто по уши въ богатствѣ ходитъ: но не прилагаетъ къ нему сердца: сирѣчь, на оное не надѣется; готовъ всегда, аще Господеви угодно, лишитися съ равнодушіемъ. И сіе то значитъ: *нищіи духомъ*. Сердце чистое, и духъ вѣры есть тожде. Кая польза тебѣ, въ полныхъ твоихъ закромахъ, аще душа твоя алчетъ и жаждетъ? наполни бездну: насыти прежде душу твою. Аще же она алчетъ: нѣси блаженный оный Евангельскій нищій: хотя и богатъ еси у человѣкъ: но не у Бога: хотя и нищій еси у человѣкъ: но не у Бога. Безъ Бога же, и нищета и богатство, есть окаянное. Нѣсть же бѣдственнѣе: какъ нищета, средь богатства: и нѣсть блаженнѣе: какъ средь нищеты богатство. Аще міръ весь пріобрѣлъ еси: и еще алчеши: О! средѣ богатства страждеши нищету, во пламенѣ твоихъ похотѣній. Аще ничто же имаши въ мірѣ семъ: кромѣ самонужныхъ твоихъ: и благодаренъ еси Господеви твоему: уповая на него: не на сокровища твоя: воспѣвая съ Аввакумомъ:

Праведникъ отъ вѣры живъ будетъ:

О воистину нищета твоя, есть богатѣйшая Царей. Нищета, обрѣтшая нужное: презрѣвшая

лишнее: есть истинное богатство: и блаженная оная среда: аки мостъ, между блатомъ и блатомъ: между скудостію и лишностію. Что бо есть система міра сего: аще не храмъ Божій, и домъ Его? Въ немъ нищета живетъ и священствуетъ. Приноситъ милость мира, жертву хваленія. Довольствуется аки чадо, подаваемымъ себѣ отъ Отца Небеснаго: завися отъ промысла его, и вселенскія экономіи. И сіе то значитъ: *яко тѣхъ есть царство небесное.* Сіе есть, они знаютъ промыслъ Божій, и на оный надѣются. Сего ради нищета нарицается убожествомъ. Или, яко аки чадо, живетъ въ домѣ у Бога: или того ради, яко все свое имѣетъ: не во своихъ рукахъ: но у Бога. Не тако нечестивый: не тако, но яко прахъ отъ вихра: тако зависятъ отъ самихъ себе. Обожаютъ сокровища своя. Уповаютъ на собранія своя. Дондеже постыдятся о идолѣхъ своихъ. Сего ради нарицаются богатыи: яко сами себѣ суть, лживыи боги. «Возлюбленный друже и брате мой: сказалъ тогда Алауда: вкусно ты вкушалъ у насъ бобы. Но не безъ вкуса разжевалъ ты намъ и слово Христово. Насыщая тѣло, еще лучше мы насытили сердце. Аще же оно гладно: суетна есть, самая сладкая пища. Прошу же еще покушать рѣпы, послѣ капусты и послѣ бобовъ. Увѣнчаетъ же трапезу нашу, ячменная съ масломъ кутія.» Въ концѣ

трапезы, началъ пироначальникъ пришучивать: а гости смѣяться. Адоній, пособляя брату: забавно повѣствовалъ: коимъ образомъ древле, Божія дѣва Истина, первый разъ пришла къ нимъ во Украину. Такъ называется страна ихъ. Первый, де, стрѣтилъ ее, близь дому своего, старикъ Маной: и жена его Каска. Маной узрѣвъ: вопросилъ суровымъ лицемъ: кое имя твое: о жено? Имя мое есть, Астрая (11), отвѣчала дѣва. Кто ты еси? откуду? И почто здѣ пришла еси? Возненавидѣвъ злобу мірскую: пришла въ вамъ водворитися: услышавъ, что во странѣ вашей царствуетъ благочестіе и дружба. Дѣва же была во убогомъ одѣяніи: препоясанна: волосы въ пучкѣ: а въ рукахъ жезлъ. А! а! не имаши здѣ пребывальнаго града: воскликнулъ со гнѣвомъ старецъ. Сія страна, нѣсть прибѣжище блудностямъ. Видъ твой и одѣяніе обличаетъ: тебе быти блудницу. Дѣва сему смѣялася: а старикъ возгорѣлся. Увидѣвъ же, что Каска вынесла на стрѣчу чистый хлѣбъ на древяномъ блюдѣ: во знаменіе страннопріимства: совсѣмъ возбѣсился. Что ты дѣлаешъ, безумная въ женахъ? Не вѣдая, коего духа есть странница сія? спѣшишъ страннопріятствовать. Воззри на видъ и на одѣяніе ея. И проснися. Каска возсмѣялася, и молчала. Дѣва же сказала: такъ не похвали человѣка въ красотѣ

(11) Астраіа, слово Еллинское. Значитъ звѣздная. Сіе есть горняя, лучезарная.

его: и не буди тебѣ мерзокъ человѣкъ видѣніемъ своимъ (12). Послѣ сихъ Божіихъ словъ: старикъ нѣсколько усомнился. Нечаянно же узрѣвъ на главѣ ея вѣнецъ лучезарный: и Божества свѣтомъ возсіявшіе очи: вельми удивился. Паче же ужаснулся тогда: когда дивный духъ: превосходящій ѳиміами, крины (13) и розы: изшедшій изъ устъ дѣвичихъ: коснулся обоняніе его, и усладилъ неизрѣченно. Тогда Маной: отскочилъ воспять: поклонился до землѣ: и лежащи ницъ сказалъ: «Госпоже! Аще обрѣтохъ благодать предъ тобою: не мини мене раба твоего...» Старица оставивъ лежащаго старца: повела дѣву въ горницу. Омыла сей по обычаю ноги: и масломъ главу помазала. Тогда вся горница, Божественнаго исполнилася благоуханія. Маной, вскочивъ въ горницу: лобызалъ сей руки. Хотѣлъ лобызать и ноги: но дѣва не допустила. «Едину имѣю гуску: закричалъ старикъ: и тую для тебе на обѣдъ зарѣжу». Дѣва, смотря въ окно: усмѣхалася: видя, что старина: господарь и господарка: новою формою ловлятъ гуску. Они бѣгали, шаталися, падали и сварилися. Дѣвѣ

---

(12) Сіе слово есть Сираховское. Оно тотъ же имѣетъ вкусъ: со Христовымъ онымъ: *не на лица зряще судите.* И съ онымъ Самуила Пророка: пришедшаго помазать на Царство: *всѣхъ братій своихъ меньшаго Давида.* Человѣкъ зритъ на лице, а Богъ зритъ на сердце.

(13) Кринъ слово Еллинское. Римски Лиліа, Крина. Крины сельныя, то есть: дикіи, полевыя.

смѣшнымъ показалось: что старикъ: преткнулся о старуху и покатился. Что ты? ты выстарѣлъ умъ, что ли? А у тебе его и небывало: сказалъ вставая старикъ. Гостья, выскочивъ изъ горницы, сказала, что я прочь иду, если не оставите гуски съ покоемъ. На семъ договорѣ вошли всѣ въ горницу. Вмѣсто обѣтованныя гуски: въ саду: въ простой бесѣдкѣ: приняли и учествовали Небесную гостью, и Божественную странницу яичницею: и ячменною съ масломъ кутіею. Отъ того времени: даже доселѣ, ячменная кутія: нашей сторонѣ, есть во обычаѣ».—Въ семъ мѣстѣ встали изъ за стола всѣ гости. Алауда же благодарилъ Богу такъ: *Очи всѣхъ на Тя уповаютъ: и Ты даеши имъ пищу во благо время. Богатая десница Твоя, въ сытость и насъ убогихъ Твоихъ исполняетъ Твоего благоволенія, Христе Боже. Буди благословенъ со Отцемъ Твоимъ и Святымъ Духомъ во вѣки!* Гости всѣ возшумѣли: *Аминь!* Адоній продолжалъ повѣсть: что Астрая, во странѣ ихъ, жила уединенно.. Маноя и Каску, паче прочихъ любила, посѣщала и шутила: дондеже преселилася въ небесныя обители. Алауда пить и пѣть побуждалъ. Онъ наполнилъ стаканище крѣпкаго меда. Да царствуетъ Астрая! да процвѣтаетъ дружба! да увядаетъ вражда! Сіе возгласивъ: изпразднилъ стаканъ. Прочіи послѣдовали. Они пили

крѣпкій медъ: хмѣльное пиво: и питіе, или сикеру (14): называемую въ Малороссіи, головичникъ. Дѣти же воду и квасъ. Изъ гостей большая часть, была сродна къ пѣнію. Адоній раздѣлилъ пѣвцовъ на два крила, или хоры. На хоръ вопросный: и на хоръ отвѣтный: придавъ къ обоимъ, по нѣсколько свирѣльщиковъ. Они первѣе раздѣльно: потомъ спѣвали ликъ совокупивши. Пѣснь была такова:

—

ПѢСНЬ
РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ,
О
НИЩЕТѢ ЕГО.

Изъ Соломонова Зерна:

Благо ярость паче смѣха. Яко въ злобѣ лица, ублажится сердце (15).

Изъ Христова: *Горе вамъ смѣющимся нынѣ* То есть снаружи.

Изъ Іереміина: *Въ тайнѣ восплачется душа ваша.*

(14) Сікера есть слово Еллинское. Значитъ всякое питье упоевающее, пьяное, или хмѣльное: кромѣ единаго гроздного вина. Хлѣбное же (называемое) вино: въ томъ же всеродномъ имени заключается. Сего ради пишется: вина и сікеры не имать пити. Еллин. Сікера.

(15) Экклесіастъ.

В. Пастыри мили!
Гдѣ вы днесь были?
Гдѣ вы бывали?
Что вы видали?

От. Грядемъ днесь изъ Виѳлеема.
Изъ Града уничиженна.
Но днесь блаженна.

В. Кое жъ оттуду несете Чудо?
И намъ прорцыте.
Благовѣстите.

От. Видѣли мы вновь рожденно:
Отроча Свято, Блаженно.
Владыку всѣмъ намъ.

В. Кія Палаты имѣетъ Тое:
Ахъ! Всеблаженно Чадо Царское?

От. Вертепъ выбитъ подъ Скалою.
И то простою рукою.
Се Чертогъ Его!

В. Мягка Постель ли?
Въ красномъ ли Ложи,
Сей почиваетъ Чудный Сынъ Божій?

От. Въ Ясляхъ Мати кладетъ Траву.
Тужъ Перину и подъ Главу.
Се Царска Кравать!

В. Кія тамъ Слуги отъ Домочадцовъ,
Имѣетъ тое Милое Чадцо?

От. Овцы и Мулы съ Ослами.
Волы и кони съ Козлами.
Се Домочадцы!

*

В. Кую же той Домъ вкушаетъ Пищу?
Развѣ имѣетъ Трапезу нищу?

От. Пища въ Зеллѣ, (*)въ Млекѣ, въ Зернѣ.
Се Столъ Ранній и Вечерній!
Въ томъ чудномъ Домѣ.

В. Музыка тамъ ли Модна и Лестна:
Увеселяетъ Царя Небесна?

От. Пастырскій Сонмъ на Свирѣлкахъ:
Хвалитъ Его на Сопѣлкахъ:
Препростымъ Хоромъ.

В. Кія же Ризы? Мню Златотканны:
У сего Сына Маріи Панны.

От. Баволна (16), и Ленъ, и Волна.
Симъ Нищета предовольна:
Въ Наготѣ своей.

Лики поютъ совокупно:

О Нището! Блаженна, Святая!
Дверь (17) намъ отверзи, твоего Рая.
Кій Бѣсъ Сердце укралъ наше?
Кій насъ Мракъ ослѣпилъ?
Даже чуждатись Тебе!
О Нището! О Даре Небесный!
Любитъ тебе всякъ Мужъ Святъ и Честный.

(*) т. е. растен.

(16) Баволна, значитъ, отъ древа рожденная, волна. Это есть слово нѣмецкое. Баумъ-волле. Баумъ, дерево: Волле, волна.

(17) Отверзи на дверь.

Кто съ тобою раздружился:
Тотъ въ Ночи токмо родился.
Нѣсть Сугубый Мужъ.
Міръ сей являетъ, Видъ Благолѣпный.
Но въ немъ таится, Червь неусыпный.
Се Пещера Убога!
Таитъ Блаженнаго Бога:
Въ Блаженномъ Сердцѣ.
Ахъ! Блага Ярость есть паче Смѣха.
Яко въ Лицѣ зломъ, тайна утѣха.
Се бо Нищета святая!
Извнѣ яра: внутръ Златая:
Во Мирной Душѣ.
Горе ти Міре! Смѣхъ внѣ являешъ.
Внутръ же Душею, тайно рыдаешъ.
Украсился ты Углами.
Но облился ты Слезами:
Въ нутрѣ День и Нощь.
Зависть, Печаль, Страхъ, несыта Жажда,
Ревность, Мятежъ, Скорбь, Тяжба и Вражда:
День и Нощь тя Опаляютъ.
Какъ Сіонскій Градъ плѣняютъ:
Душевный твой Домъ.
Возвеселимся! а не смутимся!
Днесь непрестанне, всѣ Христіане.
Тамъ, Гдѣ Богъ нашъ намъ родися:
И Пеленами повися.
Хвала День и Нощь.

—

БОРЬБА и ПРЯ о томъ:

Претрудно быть злымъ,
Легко быть благимъ.

*
* *

Возлетѣвъ нетопырскими крилами сатана, изъ преисподнихъ въ горняя: остановился на предѣлахъ атмосферы. Узрѣвъ же ночнымъ окомъ, лучезарный оный домъ:

* Премудрость созда себѣ домъ:
И утверди столповъ седмъ:

Адскимъ рыкомъ, аки громомъ, возревѣлъ такъ:

Къ чему сей домъ сотворенъ?

На сей трусъ буренъ: сребровидными, со златымъ междорамiемъ, крилами аки орелъ на ловъ: ниспущаясь Михаилъ, возопилъ: О враже Божiй! Почто ты здѣ? И что тебѣ здѣ? Древле отрыгнулъ еси предо мною хулу, на Моисеево тѣло. Нынѣ той же ядъ изблеваешь на домъ Божiй. Кто, яко Богъ. И что добро, и толь красно, яко домъ его? Да запретитъ тебѣ Господь мой; ему же предстою днесь!..

Сатана. Не подобаетъ, небесныхъ воинствъ

Архистратигу, быть сварливу: но тиху, кротку и...

Михаилъ. О змій умягчилъ если словеса твоя, паче елея: и та суть стрѣлы: нѣсть твое разумѣти: что благовременный гнѣвъ есть то любовь Божія: а что безвременная милость: есть то твое сердце.

Сат. Се странную пѣснь воспѣлъ еси.

Мих. Странная убо, новая и преславная воспѣваютъ небесныя силы, во градѣ Божіемъ. Сія есть истина.

Сат. Силы же преисподнія что ли поютъ?

Мих. Силы твоя поютъ мірское и мерзское. Просто сказать: грязь рыночную: и обвившую, Іезекіилевскій оный опрѣснокъ, мотылу.

Сат. Странное поютъ силы небесныя!...

Мих. О ругатель! къ чему сей псій смѣхъ твой? Не таится же предо мною лукавство твое. Нарицая нашу пѣснь странною: тайно клевещешъ небесную славу, и догматы ея.

Сат. Нынѣ убо не обинуяся провѣщалъ еси вину: чего ради преисподнее жительство, вътысящу кратъ многолюднѣе паче вашего небеснаго.

Мих. И лжешь и темнорѣчишь. Открый, аще можеши, откровеннѣе, сердца твоего бездну.

Сат. О апокалипта (а)! странность въ догма-

(а) Апокалипта есть Еллинское имя; значитъ славенски: откровитель. Симъ словомъ тайно ругается Михаилу: яко откровителю таинъ Божіихъ. Сатана же любитъ помрачать, дабы никто не видѣлъ безвѣстныя и тайныя премудрости Божія.

тахъ: строптность въ пути: трудность въ дѣлѣ: сей есть троеродный источникъ пустыни вашея небесныя.

Мих. Не можно ли хоть мало откровеннѣе?

Сат. Претрудно быть жителемъ небеснымъ. Внялъ ли еси? Се, вина, опустошившая небеса ваша!

Мих. Откуду сей камень? и кто его положилъ во основаніе?

Сат. Се азъ глаголю! претрудно, и бысть тако.

Мих. Ты ли еси творецъ догмата сего.

Сат. Сей догматъ есть несокрушимый адамантъ.

Мих. Вонми небо! и внуши земле!.. Услышиже и преисподняя! Кая есть большая на Господа Вседержителя, хула и клевета: паче сея? Се удица, всѣхъ уловляющая! Се ключъ всѣмъ врата адова отверзающій! Се соблазнъ, всѣмъ путь на небеса оскорбляющая! О украшенная гробнице, полна мертвыхъ костей и праха!

Прельщаешь старыхъ: младыя и дѣти.

Вяжешь въ прелести, аки птенцы въ сѣти.

Весь міръ дышетъ его духомъ. Се Богомерзкое скопище: сатана, плоть, міръ. Кто дастъ мнѣ мечь Божій? Да прободу сего Мадганита. И подъявъ Михаилъ молніевидное копіе: поразилъ адамантовымъ востріемъ сатану

въ самое сердце его, и поверже его во облакъ вечерній. Онъ же изъ среди облака возревѣлъ: О! о! Апокалипта!

Мих. О нетопыръ! Горе тебѣ! творящему свѣтъ тьмою: тьму же свѣтомъ. Нарицающему сладкое горькимъ; легкое же бременемъ.

Сат. Нѣсть ли писано: Нуждное есть царствіе Божіе?..

Мих. Онѣмѣй псе лживый!

Сат. И не нужницы ли восхищаютъ оное?..

Мих. Лай! Лай! нынѣ, псе, издалеча на солнце. Господи Боже мой. Правда твоя, яко полудень. Кто, яко же Ты. Ты самъ дракону сему, челюсти его, всѣхъ пожирающія, загради, на единъ токмо день твой,—иже есть яко тысяща лѣтъ. Аминь!

На сей шумъ: аки Еродіевы птенцы слетаютъ со гнѣзда, къ матери своей, поправшей змія: онъ же подъ ногами ея вьется, развивается: такъ низлетѣли къ Михаилу Гавріилъ, Рафаилъ, Уріилъ и Варахіилъ. Михаилъ же, аки Боголюбивый Еродій, терзаетъ и попираетъ врага, воздая благодать дому владыкѣ, дозволившему, на седми башняхъ, — надзирающихъ премудрый домъ Его возгнѣздитися птицамъ, по писанію:

Коль возлюбленна селенія Твоя!..

Птица обрѣте себѣ храмину.

Тамо птицы возгнѣздятся:—
Еродово жилище предводительст. ...
Блажени живущіи въ дому твоемъ...

—

БЕСѢДА АНГЕЛЬСКАЯ:

О клеветѣ діавольской.

Небесніи Архивоины (*) возсѣли на радугѣ: Михаилъ же, такъ повелъ слово: Сердце человѣку, есть неограниченная бездна. Она есть то, что воздухъ, плавающія планеты носящій. Богъ рекій изъ тьмы свѣту возсіяти: иже и возсія въ сердцахъ нашихъ... тогда эта мрачная бездна бываетъ адомъ, сирѣчь темницею, и исполняется, аки нощныхъ птицъ, мрачныхъ мечтъ, и привидѣній. И сіе то написано.

Брань наша противу духовъ, державу имущихъ надъ непросвѣщеннымъ міромъ, и надъ всею смѣсью беззаконниковъ. Что же далѣе? Началомъ вертоградныхъ плодовъ, суть сѣмена. Сѣменами же злыхъ дѣлъ суть злыя мысли, порождаемыя отъ злыхъ духовъ. Сіе же то и написано:

Къ началомъ и ко властемъ....
Къ духовомъ злобы поднебеснымъ.

(*) Архистратиги.

Поднебесные духи злобы, суть первообразы плотскаго, скотскаго, и звѣрскаго сердца: коему очи бодетъ острый сей правды Божія мечъ: Сатано! не мыслиши, яже суть Божія, но яже человѣческая. Любезная моя братія! Видите: коль по всей вселеннѣй, разсѣялъ сатана сѣмена своя! отъ его рода сѣменъ, суть и сіи зловредныя пѣсенки.

Жестокъ и горокъ трудъ:
Быть жителемъ небесъ.
Веселъ и гладокъ путь:
Жить, какъ живетъ міръ весь.
И паки
Святыня страждетъ безъ утѣхъ.
А злость вездѣ свой зритъ успѣхъ.
Кто дастъ мнѣ крилѣ?.. и полещу
и почію. Крѣпка яко смерть любовь.—
Крила ея, крила огня....
Кто ны разлучитъ отъ любве Божія?.
Согрѣяся сердце мое: и въ поученіи
моемъ разгорится огнь.

Василисковымъ убо ядомъ надхненъ міръ: глухъ, аки аспидъ: и студенъ аки ледъ сотворился, къ матерѣ нашей, ко премудрости Божіей, согрѣвающей насъ въ нѣдрѣ своемъ, и утѣшающей.

Сыне! Аще поспиши: сладостно поспиши. Аще пойдеши: безбоязненъ будеши: и радость будетъ на всѣхъ путехъ твоихъ.

Сего ради нѣсть дивно, яко всѣ уклонишася вкусѣ. Не сладокъ Богъ, и нѣсть Богъ: есть тожде. Растлѣша и омерзишася въ самѣхъ началѣхъ и сѣменахъ своихъ: въ самомъ корени сердца своего. Кто можетъ поднять на пути злато, или бысеръ, мнящій быть нѣчтось безполезное? Кій тетервакъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть, почитая рогомъ изобилія. Кій агнецъ не устрашится матери, творящейся волкомъ, и не прильпнетъ къ волку, представляя его матерью? Не вините міра. Не виненъ сей мертвецъ. Отнятъ сему плѣннику куражъ. Избодено око. Прегражденъ путь. Связала вѣчными узами туга сердце его. Кая туга? Когда что любятъ и желаютъ, и желаютъ мысли: тогда и плотяное сердце, внутрь насъ распространяется, раздувается, радуется: во время же огнушенія стѣсняется, жмется, тужитъ: аки недужный отвращается отъ пищы: и уста сжимаетъ. Сатана, погасивъ божественный огнь въ мірскомъ сердцѣ, связалъ его тугою туго, дабы оно гнушалося царствіемъ Божіимъ, и не разрѣшилось ко обрѣтенію его, — дабы не воспѣло побѣдныя оныя пѣсни: Сѣть сокрушилася.... Путь заповѣдей твоихъ текохъ: егда разширилъ еси сердце мое.

Желаетъ и скончавается душа моя:
во дворы Господни.
Сердце мое и плоть моя возрадовастася

о Бозѣ живѣ. См. псаломъ 83, 1. 2.

И когда пишется: да возвеселится сердце мое.... сіе значитъ: да укрѣпляется мужествомъ. Отвержеся утѣшитися душа моя, это значитъ: нѣтъ у ней мужества, крѣпости и желанія. Отнять мужество и навесть ужасъ: есть-то: стѣснить, затворить и связать душу, дабы она не веселилася, но тужила въ благомъ дѣлѣ. Сія есть престрашная обида, плѣнъ и убійство: растлить человѣка въ самыхъ мысляхъ, и въ сердцѣ его: аки въ сѣменахъ и въ коренѣ его, какъ написано: Растлѣша и омерзишася въ начинаніяхъ своихъ: сирѣчь въ главностяхъ: подобно колесничному, или корабельцому, бѣсноватому управителю. Не виненъ убо мертвецъ: виненъ человѣкоубійца. Міръ есть орѣхъ червомъ растлѣнъ: слѣпецъ, безъ очей и вожда: плѣнникъ діаволу: львина ограда. Кая ограда? послушаемъ притчи.

—

ЛЬВИНА

Ограда.

*

Левъ, дремающую дубраву, со дебрями ея, ограждаетъ: давъ ей одни врата: гдѣ и самъ близь обитаетъ въ тайнѣ. Ограждаетъ же, не стѣною и ревомъ: но своимъ слѣдомъ. Какъ

только гладенъ: такъ возревелъ. Звери вострепетавъ: ищутъ спасенія: и притекъ къ спасительнымъ стезямъ: отскакиваютъ вспять, отъ львинаго следа, дышущаго въ чувства ихъ нестерпимымъ ужасомъ: и преградившаго путь. Убоявшеся убо тамо, идеже не бе страхъ, ищутъ безопасныя стези потоль, поколь приближатся ко вратамъ, где есть подлинно следа, и нечувствителенъ правдивый ужасъ. Зде уловляются. Вотъ врата адова! Зде всему міру исходъ, и кончина. Сатана, ловитъ, яко левъ во ограде своей, и яко львинъ щенокъ, обитаяй въ тайныхъ, ловитъ всехъ техъ, о коихъ написано:

Убояшася страха, идеже не бе страхъ.

Въ семъ страшномъ месте, умолчалъ Михаилъ. Горніи же военачальники, сидяще на благокругломъ луке облаковъ, отдалися въ размышленія: призирая на кругъ земный, и скорбя, аки раззоряемый Содомъ, или Вавилонъ предъ собою видяще. Въ самое сіе задумчивое время: вместо скорби утешеніе, вместо же страха, радость последующимъ словомъ нечаянно такъ возблаговестилъ.

—

ГАВРІИЛЪ

Путь Спасительный.

*

Онъ прежде воспѣлъ пѣснь, а за нимъ всѣ архангелы сію:

Снійде архангелъ въ Назаретъ ко Дѣвѣ,
Приноситъ радость, праматерѣ Евѣ
Радуйся Ево! Радуйся Дѣво
Обрадованна!
Господь съ тобою! Радость Тобою
Всѣмъ будетъ дана...

Потомъ отверзъ цвѣтущая уста, благовѣствуя день отъ дне, спасеніе Бога нашего: посланникомъ есмъ, не ко единой Дѣвѣ Маріи: но ко всей вселеннѣй.

Посѣщаю, ублажаю и цѣлую симъ цѣлованіемъ: Радуйся благодатная! Господь съ тобою! Благословенна ты въ женахъ.

Сія есть истинная Матерь Божія. Рожденное отъ плоти, плоть есть. Рожденное же отъ Духа, есть Духъ, освятившій сердца и утробы наши. Господи! Сей Духъ есть законъ Твой посредѣ чрева нашего. Путь, истина, и животъ. Миръ многъ любящимъ его и нѣсть имъ соблазна. Миръ на Израиля! На всѣхъ, елицы правиломъ симъ жительствуютъ:

Миръ на нихъ и милость! Вонми небо и

возглаголю.... Жизнь безопасна есть то путь сладкій, путь Господень. Любезная моя братія! Отвергните отъ Содомлянъ ангельскія очи ваши, и призрите на грядущаго предъ вами, странника сего на землѣ. Онъ шествуетъ со жезломъ веселыми ногами и мѣстами, и спокойно воспѣваетъ:

Пришлецъ азъ есмь на землѣ:
Не скрый отъ мене заповѣдей твоихъ.

Воспѣвая обращаетъ очи, то на десно, то на лѣво, то на весь горизонтъ. Почиваетъ то на холмѣ, то при источникѣ, то на травѣ зеленѣй. Вкушаетъ пищу, но самъ онъ ей, какъ искусный пѣвецъ простой пѣснѣ, придаетъ вкусъ. Онъ спитъ сладостно, и тѣми же Божіими видѣніями во снѣ и внѣ сна, наслаждается. Востаетъ за утра свѣжъ, и исполненъ надежды воспѣвая Исаіевскую пѣснь: взалчутъ юнѣйшіи, и утрудятся юноши и избранныи не крѣпцы будутъ.

Терпящіи же Господа, обновлятъ крѣпость.
Окрилатѣютъ, яко орлы. Потекутъ
и не утрудятся. Поидутъ и не взалчутъ.

День его вѣкъ ему: и есть, яко тысяща лѣтъ: и за тысящу лѣтъ нечестивыхъ не продастъ его. Онъ по міру паче всѣхъ нищій: но по Богу всѣхъ богатѣе. И что лучше, какъ веселіе сердца, животъ человѣку? Досталъ онъ сей міръ: не яко же міръ доставлять

обыче. Онъ возлюбилъ путь, и славу Божію: сей есть истинный миръ и животъ вѣчный: а вѣсть его благовѣстіе.

Да слышитъ земля глаголъ устъ моихъ!

Сей странникъ бродитъ ногами по землѣ: сердце же его, съ нами обращается на небесѣхъ, и наслаждается. Праведныхъ души въ руцѣ Божіей. У безумныхъ почитаются онѣ погибшими, и заблуждшими, а живутъ въ мирѣ. Хотя тѣлесныя наличности досаждая безпокоятъ, но сей уронъ, со излишкомъ награждаетъ; упованіе ихъ безсмертія исполненно: и воцарившійся Господь въ нихъ во вѣки. Не слышите ли, что сей пѣшеходъ поетъ? Какъ не слышать? воскликнули Архангели: онъ поетъ пѣснь сію: На пути свидѣній твоихъ насладихся, яко во всякомъ богатствѣ.

Онъ единъ намъ есть, милѣйшій позоръ: мы же его познали. Сей есть другъ нашъ. Потомъ же Гавріилъ простеръ смарагдинныя крила: и прелетѣвъ, сѣде при боку Рафаилову, обоняя въ рукахъ своихъ сладковонный шыпокъ, и кринъ сельный. Рафаилъ, смотря на Варсаву, помянулъ духовнаго своего сына, любезнаго путника Товію, сына Товитына. Онъ долгую повѣсть соткалъ: коимъ образомъ поручилъ ему старикъ сына своего? Кія напасти и припадки встрѣчалися на пути? Когда онъ боялся воды или рыбы, повѣствовалъ Рафаилъ,

тогда я его научалъ: Сыне мой! Товія, сыне мой! не бойся, вода не потопитъ тебе, но воды блевотинъ зміиныхъ, но потопныя рѣчи совѣтовъ мірскихъ, но волненія плотскихъ устремленій: се есть всемірный оный потопъ, всѣхъ пожирающій. Ей! глаголю тебѣ: сего убойся. И рыба, сыне, не поглотитъ тебе, но чрево и чресла твоя: се есть адъ и китъ, поглощающій всѣхъ: имже Богъ, чрево: и слава въ студѣ ихъ! Ей! глаголю тебѣ: сего убойся: да не удавитъ души твоея смрадъ бѣсовскій и мірскихъ вожделѣній зловоніе. Сожечь утробы, по Мойсееву повелѣнію, и умертвить грѣховные уды (страсти) есть тоже. Сіе все бываетъ вѣрою. Сирѣчь, помышлять себе мертвымъ убо быти грѣху (по плоти), живымъ же по Богу. Сожечь и убить страсти души твоей: разумѣй, отнять отъ нея власть и силу совершить ихъ на дѣлѣ. Тогда останется въ тебѣ единъ ѳиміамъ Божій, спасительное благоуханіе, мѵро мира, и помазавшій Духъ Господень, и собудется: Направити ноги наша на путь миренъ.

—

ПУТЬ МИРА

Наречен пуст.

Симъ благовѣстіемъ ражженъ: продолжалъ Рафаилъ: пошелъ мой Товія на десно, во путь мира, коимъ нынѣ шествуетъ нашъ Вар-сава. Сей есть путь царскій, путь верховный, путь горній. Симъ путемъ Енохъ, Иліа, Аввакумъ и Филиппъ восхищенъ не обрѣтошася въ мірѣ. Симъ путемъ восшелъ на гору Авраамъ вознести на жертву Исаака, и пріялъ отъ Бога печать вѣры. Симъ путемъ восшелъ на гору Моисей, и упокоился. Симъ путемъ шествуетъ весь Израиль во обѣтованную землю. Симъ путемъ восшелъ въ Сіонъ Давидъ, насытился священныхъ хлѣбовъ. Симъ путемъ восходитъ въ Горняя Маріамъ и цѣлуетъ Елисавету: и ублажается. Симъ путемъ шелъ Христосъ во пустыню побѣдить сатану. Симъ путемъ восходятъ на гору Галилейскую Апостолы, и видятъ свѣтъ воскресенія. Сей есть путь суботный, разумѣй: мирный. Симъ путемъ шествовали Лука и Клеопа, когда сошелся съ ними третій блаженный оный собесѣдникъ. преломившій имъ хлѣбъ небесный, и открывшій имъ очи: видѣти невидимое его благоуханіе.

Напослѣдокъ симъ путемъ ѣхалъ въ колесницѣ

евнухъ царицы Кандакіи, и познался съ Филиппомъ. Филиппъ открылъ ему благоуханіе Христово, и новымъ благовѣстіемъ, аки чуднымъ ѳиміамомъ, накадилъ ему сердце, омылъ его нетлѣнною отъ стихійныя воды водою, и отпустилъ его въ домъ свой. Онъ же отыде въ путь свой радуяся. Сей путь есть радостенъ: но пустъ; пустъ, но радостенъ, и внѣ его, нѣсть спасенія. Пустъ же, яко людемъ избраннымъ точію отверстъ. Міръ мнитъ его быти пустымъ, сирѣчь суетнымъ. Сія есть клевета. Мнитъ же паки его быти горнимъ, сирѣчь горскимъ. И сіе клевета. Гора значитъ превосходство, не трудъ, и горесть. Горе глаголющимъ сладкое горькое, и вопреки. Путь Господень есть судъ: разсудиши злое: избрати благое. Любезный путь! Не зайдетъ солнце тебѣ, и луна не оскудѣетъ тебѣ. Есть Господь тебѣ свѣтъ твой, и исчезли дни рыданія твоего. Сія возгласивъ Рафаилъ умолкнулъ. Уріилъ же воззвалъ: раскройте вдаль взоръ вашъ, и увидите нѣсколько путниковъ: предварившихъ Вар-саву. Но Рафаилъ началъ понуждать: любезная братія! Призрите хоть мало на путь шуій: и на козлища: на нещастныхъ путниковъ его... Ахъ! отвращаешь насъ, друже, воззвали архангелы, отъ прекраснаго позорища, къ страшному. Обращаяся же воспѣли пѣснь такую:

* О міре! міре! міре украшенный!
Весь притворный, весь гробе повапленный!
Прельщаешъ старыхъ, младыя и дѣти.
Въ прелести вяжешъ, аки птенцы въ сѣти.
Свѣтъ кажется украшенный.
Но онъ, какъ гробъ повапленный.
Внутрь же его выну, зрю мерзость едину.

—

ПУТЬ ШУІЙ.

Нареченъ вентеръ.

*

Сей путь, сказалъ Рафаилъ, нарицается вентеръ. Есть же вентеръ, сѣть рыболовна, а сотворенна по образу чрева; широка во входѣ, тѣсна же во исходѣ. Сей путь, уклоняясь отъ Востока, сокрываетъ конецъ свой не во свѣтлой южной странѣ, но во мракѣ полунощномъ. Вотъ путь, говорилъ Товіинъ вождь. Вотъ и нещастный его путникъ грядетъ передъ вами! Судите его! Небесныя силы, призирая на путника съ скорбію и милосердствуя о немъ, возгласили: О бѣдный страдалецъ! Сей есть среболюбецъ. Боже мой! Весь обремененъ мѣшками, сумами, кошелями, кошельками. Едва движется: будто навьюченный вельблюдъ. Каждый ступень, ему мукою. Горе вамъ богатыи! яко отстоите утѣшенія вашего. Но

онъ сего не чувствуетъ, продолжалъ Рафаилъ: но паче еще блажитъ себе: и почитаетъ путь свой благословеннымъ во вѣки. Онъ благодушествуетъ: шествуетъ и поетъ. Возможно ли, вскричали духи? Пожалуйте, просилъ Рафаилъ, внемлите пѣснѣ его.

—

БОГАЧЬ

Путешествуя поетъ пѣснь.

*

Пусть я во свѣтѣ скверенъ! только бы былъ богатъ.

Днесь не въ люду совѣсть: но злато идетъ въ ладъ.

Какъ нажилъ? не спросятъ: только бъ былъ грошъ.

Сколь богатъ: столь всѣмъ братъ: честенъ и пригожъ.

Что у насъ безчестно въ мірѣ?

Кошель пустой. Нищимъ ли жить? Лучше пущуся въ смертной гной.

Ангельскія силы ужаснулися, видяще, что сатана, толь хитро умѣлъ растлить бѣсноватую сію душу, обожающую мертвое, и уповающую на кумира. О сатана! воззвали они соболѣзнуя: о сатана. Онъ имъ вмѣсто слова: Горе вамъ богатыи.... Блажены нищіи...

Положилъ на сердцѣ во основаніе сей смрадъ: блажени богатыи. Такова душа есть аспидъ, отнюдь не слышащій призывающія милости. Пріидите ко мнѣ вси труждающіися, и обремененныи: и азъ упокою вы.... Боже мой! возгласилъ Уріилъ: сей безпокойный путь, толпами людей: какъ торгами, весь засоренъ. Слышь, Рафаилъ! Кая есть ближайшая сія́ толпа? Трусъ колесницъ, отвѣщалъ онъ, шумъ бичей, конскій топотъ, и свистъ обли̂чаетъ, что сія громада, есть полкъ честолюбцевъ. Сію же предварившая толпа есть торжество сластолюбцевъ. Сіе обличается пищаніемъ и ржаніемъ мусикійскихъ органовъ, восклицаніемъ торжествующихъ, и козлогласованіемъ, поваренными запахами, гаромъ и куреніемъ. Протчее въ далнихъ оныхъ стеченіяхъ: тамъ тяжбы, брани, татьбы, грабительства, лести, купли, продажи, лихоимства... Братіе, призрите къ правой сторонѣ. Вотъ они! Нѣсколько путниковъ: ускользнувши отъ шуіяго пути, пробираются черезъ стороння мѣста къ пути мирному. Какое странное сіе вижу позорище? возопилъ, какъ молнія, нечаянно Варахіилъ. Сіи суть лицемѣры, сказалъ Рафаилъ. По лицу они святы: по сердцу всѣхъ беззаконнѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, немилосерды, не примирительны, радующіеся зломъ сосѣдскимъ, полагаю-

щіи въ прибыляхъ благочестіе. Домашніи звѣри и внутренніи зміи: лютѣйшіи тигровъ, крокодиловъ и василисковъ. Между деснымъ и шуіимъ путемъ суть ни мужескаго, ни женскаго рода. Обоимъ враги. Хромы на обѣ ноги. Ни теплы, ни студены, ни звѣрь, ни птица. Шуій путь ихъ чуждается, яко имущихъ образъ благочестія: десный же отвергаетъ, яко силы его отвергшихся. Вся ихъ молитва въ томъ, чтобъ просить тлѣнностей.

О смердящія гробы со своею молитвою возопилъ Варахіилъ. Нѣтъ сего лицемѣрія злѣе во всемъ адѣ. Оно опустошеніе царствамъ, церкви поколебаніе, — избранныхъ божіихъ прельщеніе. Отвратимъ очи наши отъ богомерскихъ сихъ ропотниковъ: льстецовъ и лицемѣровъ. Не слышите ли, что шумъ, трескъ, ревъ, вопль, вой, свистъ, дымъ, жупелъ и смрадъ содомскій, восходитъ отъ сего пути? Архангелы обратили свѣтлыя лица своя отъ сѣвера къ ясному югу: и воспѣли пѣснь сію:

—

АНГЕЛЬСКАЯ ПѢСНЬ,

ВЪ СИЛУ СЕГО:

Бездна бездну призываетъ.

Нельзя бездны Океана, горстью персти забросать.

Нельзя огненнаго стана скуднѣй каплѣ прохлаждать.

Возможетъ ли въ темной яснинѣ гулять орелъ.

Какъ на небесный край вылетѣвъ онъ отсель.

Бездна духъ есть въ человѣкѣ,—водъ всѣхъ ширшій и небесъ.

Не насытишся тѣмъ во вѣки, чѣмъ плѣняетъ міръ сей весь.

Отсюду то скука, внутрь скрежетъ: тоска, печаль.

Отсюду несытость, что съ капли жаръ горшій всталъ.

О роде плотскій! невѣдущій, доколѣ ты тяжкосердъ?

Возведи седечны вѣжды! взглянь выспрь на небесну твердь.

Чему ты не ищешъ знать, что то зовется Богъ?

Чему не толчешь, чтобъ увидѣть ты Его могъ?

—

КЛЕВЕТА.

Елински, діаволъ.

Римски, Traductio.

Воспѣвше же, вопросили: что есть клевета? Изреки намъ, молніе Божія, Варахіиле... Онъ

же отвѣщалъ тако: клевета есть творить сладкое горькимъ, и вопреки. Она есть тожде, что татьба. Татьба крадетъ вещи, а клевета мысли. Мысль есть руководительница человѣку и путь.

Діаволъ, укравъ у человѣка добрую мысль, перекидаетъ будто сѣть, и препону черезъ добрый путь: а симъ самымъ сводитъ и переводитъ его на путь золъ. Вотъ почему Еллински Діаволосъ, сирѣчь, переметчикъ; римски же Traductor, сирѣчь, сводникъ, или переводникъ, дано имя клеветнику! Славянски же, клеветать значитъ то же, колотить, мѣшать горькое со сладкимъ и вопреки: сіе бываетъ тогда, когда на мѣсто сладкаго, поставляется горькое, и вопреки: Сей есть единъ источникъ всѣхъ адскихъ мукъ.

—

КОЗНЬ.

Ты же, о свѣте Божій, Уріиле! Изъясни намъ: что значитъ то кознь? Отвѣщалъ Уріилъ: Кознь есть образъ клеветы, по коему она растетъ и сѣется. Она есть то же, что машина. Машина хитрствуетъ въ вещахъ: а діавольска кознь въ мысляхъ: птицеловъ и рыболовъ ловитъ сѣтьми, а онъ козньми. Кознь есть ловная машина, напримѣръ, ковъ, пругло, капканъ, западня, сѣть, вентеръ, верша, e.:ин::

строфа: сирѣчь увертка, вертушка, и протчая. У Архитектоновъ и нынѣ нѣкая машина именуется capeг, сирѣчь козелъ. Нынѣ ясно видно, что хитрость въ татьбѣ, а кознь въ клеветѣ, есть тожде. О, коль прелестная удица! Ею точно взбѣсившися человѣча воля, ужасается преподобія, стремится за нелѣпостьми, аки елень устрѣленъ въ ятра, не видя, яко въ погибель свою течетъ. Сія то души услаждаются пѣсенками сими:

Въ молоды лѣта, не зажить свѣта?
Чтожъ за корысть свѣтъ молодому?

И паки.

Въ старомъ вѣкѣ нѣсть покою.
Только болѣзнь со бѣдою.
Тогда щастья хоть бы й было:
Но въ старости не такъ мило.

Кое же то мнѣ щастіе: если оно мнѣ измѣняетъ во время старости; если нѣсть вѣрный или вѣчный другъ оный?

Слыши Израилю! Господь Богъ твой посредѣ тебе.

Се видна зла удица, бѣсноватыми душами пожираема! Какъ волкъ овцы на пажитѣ и при водопоѣ похищаетъ: а тайный ласкатель, въ самомъ чертогѣ, и при трапезѣ, аки червь орѣхи, внутрь ихъ обрѣтаясь, растливаетъ: такъ діаволъ, на самыхъ злачныхъ мѣстахъ, во едемѣ священныя библіи людей хитро улов-

*

ляетъ: какъ змій, въ матернее для чадъ млеко примѣшиваетъ ядъ свой, такъ онъ вкусъ и духъ свой, въ благоуханныя плоды, Божіего рая.

Нуждное есть царствіе Божіе: и нуждницы восхищаютъ оное. Діаволъ въ немъ осквернилъ Христово благоуханіе; вложилъ въ него свой душеубійственный вкусъ, онъ прековалъ нужное на трудное. Христосъ говоритъ: нужное есть царствіе Божіе. Діаволъ говоритъ: трудное есть царствіе Божіе. О, коварный! тѣмъ же мостомъ грядетъ — а въ разный городъ. Тѣмъ же звономъ поетъ: да чего то какъ нѣтъ. Ангельскій тонъ: адская думка. Гласъ Іаковль: сердце Исавля. Лобзаетъ какъ другъ: продаетъ какъ Іуда. Вонми небо! и возглаголю. Се клевета на Господа Вседержителя! Нуждность со трудностью, такъ не вмѣщается: какъ свѣтъ со тьмою. Нужно солнце: трудно же ли? Нуженъ огонь: а труденъ ли? Нужна земля и вода: и кто безъ нея? Видите нуждность? Гдѣ же при бокѣ ея трудность? Ахъ! исчезла: нѣтъ ей мѣста въ чертогахъ непорочныя нуждности. Домъ ея есть домъ мира, домъ любви и сладости. Покажите же мнѣ: гдѣ водворяется трудность? Во адѣ ли? Вѣрую Господи.

Тамъ то обитаетъ трудъ и болѣзнь, печаль и воздыханіе. Но тамъ ли нуждность? Ахъ, не бывала она тамъ. Ея присутствіемъ адъ во

мгновеніе преображается въ рай. Во адѣ все дѣлается то, что не нужное: что лишнее: что не надобное, неприличное, противное, вредное, пакостное, гнусное, дурное, непригожее, скверное, мучительное, нечестивое, богомерзское, проклятое, мірское, плотское, тлѣнное, вѣтренное, дорогое, рѣдкое, модное, заботное, разорительное, погибельное, адское... и протчій неусыпающій червь. Сія бѣсноватая и буйная дѣва трудность, именуется еллински 'А'та: сирѣчь, пагуба, еврейски же ада: Ламехова жена, сирѣчь, заботная, противная женѣ, именуемой Селега: Мирна.

Коль же разнится чистая наша дѣва, святая нужность; она нѣсть 'А'та, но Літа: нѣсть Ада, но Селега. Нѣсть фуріа, но Анна, но Харіа, но Гратіа: разумѣй: возлюбленная, милостивая, даровита. Съ небесныхъ круговъ, и отъ горнихъ предѣловъ возлюбленныя сея царицы, исчезла всякая горесть со трудомъ, а печаль со воздыханіемъ. Оттуду сатана со всѣми своими тьмами низверженъ во адъ. Кая сила низвергла? Та, что тамъ жизнь не зависитъ отъ заботныхъ суетъ, и суетныхъ заботъ. Тамъ живетъ едино точію нужное оное: едино есть на потребу. Оно есть и угодное, и легкое, и благолѣпное, и преподобное, и веселое, и благолѣпное; безъ сребра и безъ горестей стяжаемое, какъ написано:

Туне пріясте, туне дадите.

Внуши Земле! Услыши роде человѣчъ! Напиши на ногтѣ адамантовомъ; на вѣчныхъ сердца своего скрыжалѣхъ Господню славу сію:

Благословенъ еси!

Творяй

Нужное не труднымъ:трудное не нужнымъ.

Какъ только Уріилъ отрыгнулъ господствующую сію славу вышняго: поднялся отъ преисподнихъ хульный шумъ: рыкъ, вой, свистъ, стонъ... каковъ бываетъ отъ дубравныхъ звѣрей: отъ нощныхъ птицъ: во время землетрясенія. Замялся, свиваясь и развиваясь въ безчисленныя свертки адскій змій: пронзенъ изощренною сильнаго стрѣлою: и варомъ палящихъ углій осыпанъ: по оному. Иже отъ устенъ произноситъ премудрость: жезломъ біетъ мужа безсердечна. На крылахъ Уріиловыхъ видѣнъ былъ видъ многоцѣннаго сапфира, превосходящій голубый сводъ благовиднаго неба. Сей божественный умъ, пустившій изъ устъ своихъ мечъ обоюду остръ, поразилъ сатану. Варахіилъ же пронзилъ дракона (въ самое око его): око ругающееся отцу, и досаждающее матери своей, да избодутъ оное вранове отъ дебрія: прежде же всѣхъ умертвилъ копіемъ Архангелъ Михаилъ, любодѣйственное сердце вражіе. Отъ того часа царство его и козни разорены.

—

АДСКОЕ ЦАРСТВО,

На чемъ основано?

Простеръ же Рафаилъ іасписо-шарныя крила своя, со Гавріиломъ и прелетѣвъ, сѣде при боку Варахіилову. Потомъ весело видно изрече. Возрадовася духъ мой, яко Уріилъ, аки Финеесъ, ты же, аки Сасарѣ, въ самое око его, пробилъ врагу главу его. Видъ же Варахіиловыхъ крилъ, аки видъ углей разженныхъ отъ онаго углія: Стрѣлы сильнаго изощрены, со угльми поядающими. Разжено слово твое зѣло: и рабъ твой возлюби е.

Тогда сей пламенѣющій орелъ, служитель вышнему, божественный Варахіилъ возгласилъ: сія есть побѣда, побѣдившая міръ, плоть и діавола: любовь наша! крѣпка, яко смерть любовъ: жестока яко адъ, ревность Божія. Крила ея, крила огненныя. Угліе огненное воспламеняетъ ее. О угль! О возлюбленный нашъ анѳраксъ оный! Злато земли оныя доброе: и тамо анѳраксъ. Сей дражайшій анѳраксъ, насъ серафимовъ воспламеняетъ: творяй ангелы своя духами, и слуги своя пламенемъ огненнымъ. Нынѣ желаніе наше исполнилось. Нынѣ услышана тричастная оная молитва сираховская:

Господи, отче и Боже живота моего!
Да не пожретъ мя бездна мірская:
Да не поглотитъ мя пропасть чрева:

И да не свяжетъ мя студодѣйство ищуща сладости въ мертвомъ блатѣ.

На сей тричастности стоитъ все адское царство. Нынѣ мудрость одолѣла злобѣ. И всѣ воспѣли такъ:

О Сыне рожденный отъ Дѣвы!
Тричастную злобу души,
Потопи, молюся.
Да якоже во тимпанѣ:
Во умерщвленномъ тѣлеси:
Воспою побѣдную пѣснь.

ПЛАЧУЩАЯ

Неплоды.

Во оно время слышанъ бысть жалостный гласъ на небеси. Вдова, бродящая по землѣ, оболченна въ темныя ризы, и имущая родити сына, ищетъ мѣста, но не обрѣтаетъ, гонима зміемъ, пожрети плодъ чрева ея хотящимъ и во слѣдъ ея изблевающимъ потопъ блевотинъ; сего ради скитается рыдающая и вопіющая пѣснь сію.

Кто дастъ мнѣ крилѣ нынѣ? кто дастъ посре-
бренны?
Кто дастъ мнѣ расла нынѣ? кто дастъ воспе-
ренны?
Да лещу сквозѣ, присно о Бозѣ:
Отъ земна края даже до края, и почію.
Се схиднъ лютый бѣжитъ! се мя достизаетъ!
Се челюсть адску на мя лютѣ разверзаетъ!
Поглотить хощетъ, ядомъ клокощетъ.
Василискъ дивый, Аспидъ пытливый.
Ахъ, увы мнѣ!

Водъ горнихъ хляби, студно изблеваетъ черный.
Се мракъ! Се облакъ покры'мя нынѣ вечерній!
Увы, мнѣ нынѣ! увы единѣй!
Гонитъ всѣмъ адомъ мене со чадомъ.
Нѣсть мнѣ мира.

Увы мнѣ! горе! увы! Что имамъ творити?
Кого на помощь дерзаю бѣдна молити?
Увы мнѣ нынѣ. Увы единѣй!
Гонитъ всѣмъ адомъ мене со чадомъ.
Нѣсть мнѣ мира.

Боже! ты призри на мя, съ высоты святыя.
И приклонися странной, на слезы ми сія.
Даждь крѣпость силъ, бы не сдолѣли:
Твоей рабынѣ, уста зміины
Ахъ, о Боже!

Кто дастъ мнѣ крила нынѣ? Кто дастъ голубины
Да выспрь парю отъ сея адскія глубины...

Архангелы возлюбили прекрасную сію невѣсту Божію, скитающуюся по земли, и не имущую, гдѣ главы преклонити, милосердствуя о ней. Михаилъ же, ражженъ ревностію, разширилъ посребренныя крила своя, и устремився, аки ко страждущему своему птенцу орелъ, восхитилъ жену, и посадилъ ее на радугѣ. Тогда цѣломудренная сія Сусанна, не обрѣтеся между смертными на землѣ, да не злоба измѣнитъ разумъ ея, или лесть прелеститъ душу ея. Не праздная мати возсѣла со сыномъ своимъ, на благокругломъ лукѣ облаковъ. Зѣло прекрасна сіяніемъ своимъ: досадители же ея осталисъ посрамлены.

Премудрость, и наказаніе уничтожаяй есть окаяненъ: и праздно упоеніе ихъ и труды безплодны: и неключима дѣла ихъ. Жены ихъ безумны и лукава чада ихъ: проклято рожденіе ихъ. Яко блаженна есть, неплоды неоскверненная!

Тогда изъ облака возгремѣлъ Михаилъ, къ живущимъ на землѣ, симъ гласомъ:

Не испытавше, ни истины разумѣвше, осудисте дщерь израилеву? о, обветшалые злыми днями вашими! Почто судите суды неправедны? и не слышите глаголюща Бога:

Неповинна и праведна не убивай. Имѣяй уши слышати да слышитъ! Послѣ сего грома, слышанна бысть издалеча, въ горнемъ воинствѣ ангельскомъ, пѣснь воспѣваема сія:

—

ПѢСНЬ:

Въ конецъ сего:

Испусти змій за женою изъ устъ своихъ воду, яко рѣку: да ю въ рѣцѣ потопитъ.

Вонми небо, и земля нынѣ ужаснися!
Море безднами своими согласно двигнися.

И ты быстротекущій возвратися Іордане!
Прійди скоро крестити Христа Іоанне!

Краснозрачная лѣса, стези оттворите!
Предотечу Іоанна ко Христу пустите.
Земныя же языцы купно съ нами всѣ ликуйте.
Ангельскіи лицы вси, въ небѣ торжествуйте.
Сніиде Спасъ, во Іорданъ, ста въ его глубинѣ.
Се сніиде нань и Духъ святъ въ видѣ голубинѣ.
Сей есть Сынъ мой возлюбленный, отецъ изъ облакъ вѣщаше.
Сей Мессія обновитъ естество все ваше.

Освяти струи и намъ, змію сотри главу.
Духа твоего, Христе, росуараждь и славу.
Да не потопитъ насъ змій, и мы вси отъ зе-
мна края,
Да почити потечемъ до твоего рая.

—

ОБНОВЛЕНІЕ.

Седмь главъ суть змію древнему — сатанѣ: едина же глава, аки заходящее солнце, мглою мраченное. Вскорѣ потомъ лице земли покрылъ мракъ вечерній. Тогда явися ангельское воинство, аки звѣзды небесныя, молися тако:

Господи Боже нашъ! правда твоя во свѣтѣ твоемъ. Свѣтъ же во правдѣ твоей. Се врата адова одолѣваютъ людемъ твоимъ. Возстани Господи! Возстани славо наша! Возстани рано!... коснися горамъ твоимъ, и воздымятся. Блесни молнію: и разжени супостаты, да во свѣтѣ твоемъ узримъ новый свѣтъ. И обнови лице земли. Ты вчера и днесь: той же во вѣки. Абіе проникнуло, радостное утро. Возсіяло солнушко, озарило небеса, проповѣдающія славу Божію; обновилось лице земли, и явился лучезарный свѣтъ.

Покайтеся и вы! яко да пріидутъ времена прохладна отъ лица Господня. Пріидетъ же день Господень, аки тать въ нощи: въ онь же несеса убо съ шумомъ мимо пойдутъ... Новаго же небесе и новыя земли чаемъ: въ нихъ же правда живетъ. Дѣти! послѣдняя година есть и міръ преходитъ и похоть его. Творяй же волю Божію пребываетъ во вѣки. Не взалчутъ ктому ниже вжаждутъ, неимать же пасти на нихъ солнце: ниже всякъ зной. Яко агнецъ, ихъ посредѣ престола: упасетъ ихъ. И наставитъ ихъ, на животныя источники водъ.

И отыйметъ Богъ всяку слезу отъ очію ихъ... А какъ только прейдетъ ветхій міръ: возсіяетъ купно и новое время и лѣто: тогда во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ: всякій трудъ, и болѣзнь, и всѣ злыхъ духовъ легіоны: вихремъ возмятутся отъ лица земли.

Приницающе въ тайну сію, воспѣвающе воспѣли Архангелы, и все ангельское воинство во псалмѣхъ и пѣніихъ, и пѣснехъ духовныхъ побѣдную:

—

ПѢСНЬ:

Пой, и воспой! Коль благъ Богъ твой!
Скоръ рукою за тобою,
Въ день брани твоея стати:
Враги твоя супостаты,
Погоняяй, побораяй.
День и вечеръ пой, нощь и утро пой.
Коль десница прославися!
Коль Мессія возвысися!
Во побѣдѣ дивныхъ, на хребтѣ против-
ныхъ.

—

АНТИФОНЪ.

Я, Боже, тебѣ пѣснь нову:
Пѣснь Мойсейску, пѣснь Христову:
Воспою въ духовной лирѣ.
Въ десятострунной псалтырѣ.
Всякъ царь въ бою цѣлъ Тобою.
Цѣлъ твой и Давидъ, мечемъ не убитъ.
Ты изволилъ мя изъяти.
Злоплеменнымъ не далъ яти.

Изъ устъ ихъ, нежъ смерти готовъ мя пожрети.
И зла ихъ десница, правды не держится.
Воспоимъ Господеви! О, Боже всесильный!
Еще нашъ пріялъ еси, вопль и плачь умильный.
Еще насъ несудима въ конецъ отринути.
Побѣдихомъ! Падеся супостатъ нашъ лютый.
И антихристъ пріялъ казнь, домашній врагъ велій.
Ко намъ же возвративея, грядетъ миръ веселый.
Онъ безбѣдно здравіе ведетъ за собою.
Нынѣ и день лучшею красенъ добротою.
И солнце сильнѣйшіи лучи испущаетъ.
И лице краснѣйшее, цвѣтъ молніи являетъ.

Зима прейде. Солнце ясно:
Міру откры, лице красно.
Изъ подземной клѣти, явишася цвѣты.
Мразомъ прежде побіенны.

Уже всѣ райскія птицы
Испущены изъ темницы:
И всюду летаютъ, сладко воспѣваютъ.
Веселія исполненны.

Зеленыи поля въ травы
Шумящіи въ листъ дубравы

Встаютъ одѣваясь, смотря возсмѣваясь.
Ахъ, коль сладко тамъ взирати!

Отднесь, открылися въ жаждущихъ поляхъ и пустыняхъ живыя воды источники. Явилися грады, и жилища оная: Коль красны домы твои, Іакове! Стропотныи горы отворили стези свои: одѣваясь цвѣтами оными.

—

БЕСѢДА,

НАРЕЧЕННАЯ

ДВОЕ.

О томъ что,

БЛАЖЕННЫМЪ БЫТЬ ЛЕГКО.

ПЕРСОНЫ: (*)

Михаилъ, Даніилъ, Израиль, Ѳарра, Нееманъ.

Ѳарра. О Нееманъ! Нееманъ! Утѣшь мене, другъ мой!...

Неем. Кто тебе перепугалъ, брате Ѳарра? Дерзай! Миръ тебѣ! Не бойся!
Конечно ты сидѣлъ въ сонмищѣ *оныхъ:*
Гробъ отверстъ, гортань ихъ...

Ѳар. Тѣ-то сирены наполнили мой слухъ и сердце жалостнымъ и смущеннымъ пѣніемъ.

Мих. Для чего жъ ты себѣ ушей не закупорилъ воскомъ такъ, какъ древній Уликсъ?

Ѳар. Тайна сія неизвѣстна. А знаю, что они напѣли много чудесъ: обезкуражившихъ сердце мое. Не чудо ли сіе? Есть де въ Европѣ нѣ-

---

(*) Правописаніе и строчные звуки сохранены въ томъ видѣ, какъ были у автора.

кій пророкъ, святый Іеремій. Онъ нашелъ отъ травъ сокъ: обновляющій ему и друзьямъ его младость, яко Орлюю юность. Выслушайте второе чудо! Нѣкій докторъ медицины, питался хлѣбомъ точію, и водою: и жилъ, безъ всякихъ болѣзней, лѣтъ 300. На вотъ и третіе: нѣкій Калмыкъ, имѣетъ столь быстрыя очи, что яснѣе и далѣе видитъ, нежели кая либо зрительна трубка. Вотъ чѣмъ мене плѣнили, сладкогласны Сирены! А мои очи, день отъ дня слабѣютъ. Не чаю прожить ни 20 лѣтъ. Кто же мнѣ, и кая страна обновитъ юность? Вѣкъ мой скончавается...

Мих. О Ѳарра! Не тужи, другъ мой. Мы замажемъ уши твои воскомъ, медомъ и сотомъ: вѣчностью. Съ нами Богъ: разумѣйте, о невѣжи! И совѣтъ вашъ, и слово разорится: яко съ нами Богъ! Услышите! Господа силъ, Того освятите. Той будетъ тебѣ во освященіе: аще будеши уповая на него? А иначе вся ваша крѣпость—о языцы осязающіе, языцы невѣрующіе! — будетъ вамъ камень претыканія, и камень паденія, и падежъ сокрушенія! «И сокрушатся и приближатся, и яты будутъ человѣцы, въ твердынѣ своей суще!» О другъ мой, Израилю! Блаженны есмы: яко Богу угодная, намъ разумна суть.

Изр. Взглянь на мене Ѳарра. Почто ты плѣнился лестнымъ, твоихъ Сиреновъ пѣніемъ?

Вотъ влекутъ тебе, на камень претыканія и паденія. Почто забывъ Господа, святишъ тое, что нѣсть святое?

Той будетъ тебѣ во освященіе.

Аще будеши уповая на Него.

Друзіе Іереміины, состарѣютъ паки: безболѣзніе докторово прервется: а очи Калмыковы потемнѣютъ «терпящіи же Господа» обновлятъ крѣпость: окрылатѣютъ, аки орлы; потекутъ, и не утрудятся; пойдутъ, и не взалчутъ.»

Дан. Слушай Ѳарра! Разумѣешъ ли: что значитъ освятить?

Ѳар.. Ей ей не разумѣю! Научи мене.

Дан. Освятить, значитъ основать, и утвердить. Святое же, значитъ незыблемое, неподвижное.

Когда Ісаіа вопіетъ:

«Господа силъ, Того освятите», тогда значитъ, что онъ Единъ есть святъ: сирѣчь, камень твердъ: чтобъ безопасно основать намъ нашего щастія храмину; а не дерзали бы мы святить ни одной твари: яко соръ и песокъ,

«Всяка плоть, сѣно. Глаголъ же Божій, сирѣчь Основаніе, Сила и Духъ: пребываетъ во вѣки.» Адамантъ самъ собою твердъ есть: а мы только почитая его таковымъ: дѣлаемъ твердымъ. И сіе то есть: «Будетъ тебѣ во освященіе: аще будеши уповая на Него.» Сирѣчь: Освятитъ тебе, и утвердитъ щастія твой до-

микъ вѣчно, и не подвижно: Если минувъ дрянь: весь песокъ и сѣно почтешъ Единаго Его святымъ и твердымъ.

Өар. Ай! другъ мой, Даніилъ! Не худо ты судилъ!

Дан. Плюнь же, голубчикъ мой, на Еремѣеву юность: на докторово триста-лѣтіе: и на калмыцкіе глаза. Истинная дружба: правдивое щастіе и прямая юность, никогда не обветшаетъ. Ахъ! все то не наше, что насъ оставляетъ. Пускай будетъ при насъ: поколь оставитъ насъ. Но да знаемъ: что все сіе, невѣрный намъ другъ. Одинъ умираетъ въ 30: а другой въ 300 лѣтъ. Если умирать, есть нещастіе: такъ оба бѣдны. Не велика въ томъ отрада тюремнику: что иныхъ въ три часа: а его въ 30-й день вытащатъ на эшафотъ. Кое же то мнѣ и здравіе: коему концемъ слабость? Кая то мнѣ младость: раждающая мнѣ старость? Ахъ! не называй сладостью: если раждаетъ горесть. Не дѣлай долготою ничего: что прекращается. Не именуй щастіемъ ничего: что опровергается. Отъ плодовъ, и отъ конца его, суди всякое дѣло. Не люблю жизни, печатлѣемыя смертью: и сама она есть смерть. Конецъ дѣламъ будь Судія!

Не то Орелъ: что лѣтаетъ;
Но то: что легко сѣдаетъ.
Не то око: что яснѣетъ;
Но то: что не отемнѣетъ.

Прямое Око! какъ написано о другѣ Божіемъ:

«Не отемнѣста очи Его:
Ни истлѣста устнѣ Его.»

Θар. О Нееманъ! Нееманъ! утѣшь мене, другъ мой.

Не. О любезная душа! Околдунилъ тебе гласъ сладкій Сиренскій: гласъ влекущій лодку твою на камни. Ей! о сихъ-то камняхъ гласъ сей Исаіи:

«Приближатся, и сокрушатся и падутъ.»

Наполнятся домове шума: и почіютъ ту Сирины. Но не бойся! Господь избавитъ тебе. Положитъ тебѣ во основаніе, камень многоцѣненъ, краеуголенъ.

«Тогда спасешися: и уразумѣеши, гдѣ еси былъ.»

Θар. Недивись сему, что я околдуненъ; а скажи мнѣ гдѣ не слышится гласъ, пустынныхъ сихъ птицъ?

Сиренъ лестныхъ Океана!
Гласомъ его обаянна,
Бѣдная душа на пути
Всегда желаетъ уснути:
Не доплывши брега.

Се исполнилось на мнѣ, что я мальчикомъ пѣвалъ.

Не. А я тебѣ взаимно, отъ той же пѣсни, воспою:

Распространи бодръ вѣтрила;
И ума твоего крила;

Пловущи на бурномъ морѣ,
Возвели очеса горѣ:
Да потечетъ путь правъ.

Ѳар. Протолкуй мнѣ, Нееманъ: что сначитъ Сиринъ? Я слышалъ, что Сиринъ значитъ пустынную птицу.

Не. Когда не разумѣешъ, что есть Сиринъ? ниже уразумѣешъ, что ли есть пустынная птица? Иное разумѣть имя: и иное дѣло: разумѣть то, что именемъ означается. Разумѣешъ имя сіе, или скажу: званъ Сей: Христосъ; но дай Богъ, чтобъ ты зналъ, что Сіе Имя значитъ?

Ѳар. Такъ протолкуй же мнѣ, не имя; но дѣло.

Не. Сиринъ есть сладкорѣчивый дуракъ: влекущій тебе къ тому: чтобъ ты основалъ щастіе твое на камни томъ, который не утверждаетъ, но разбиваетъ.

Ѳар. Ражжуй, какъ можно простѣе и вкуснѣе.

Не. Сколько у васъ славныхъ и почтенныхъ Любомудрцевъ? Всѣ сіи суть Сирины. Они-то соблазняютъ въ жизни сей пловущихъ стариковъ и молодцовъ. Взглянь сердечнымъ окомъ, на житейское Море. Взглянь на претыканіе, и паденіе пловущихъ и на вопль ихъ. Одинъ возгнѣздиться хотѣлъ на капиталѣ: какъ Ноева голубица на холмѣ: и подъ старость сокрушился. Другой, на плотоугодіи, думалъ

создать домъ свой, и въ кончину лѣтъ постыдился. Иной, основался на камнѣ Милости Исполинскія: и былъ ему претыканіемъ. Ты думаешъ; но и ревнуешъ сѣсть на камень плотскія юности, плотскаго безболѣзнія, и плотскихъ очей твоихъ; и се ожидаетъ тебе претыканіе, паденіе и сокрушеніе!

Ѳар. Брось людскія бѣшенства: а скажи, только, что значитъ пребываніе Сириновъ на морѣ? Зачѣмъ на водѣ?

Нв. Затѣмъ, что въ суетѣ. Не хотятъ они въ гавань, и въ лоно Авраамле: на матерую и твердую землю, со Израилемъ: но съ Фараóномъ.

Вотъ вамъ благолѣпная фигура, и Преподобный Образъ Надежды и обманчивости! Гаванью, или Лономъ, образуется Упованіе: а моремъ и водою, лживость всякія плоти. Во Евангеліи, камень, и песокъ, есть то же. На ономъ мудрый: а на семъ домикъ себѣ строитъ мужъ безпутный. Ковчегъ, и потопъ: не тоже ли? Вода и Елисеево желѣзо: не то же ли? Сороколѣтняя пустыня, и Обѣтованная Земля: не то же ли? Что только преходитъ Израиль: все то море, вода, зыбкость: основаніе, и упованіе Юродивыхъ Мужей: какъ написано:

«Рѣка текущая, основаніе ихъ.» Почіютъ ту
Сирины.

«Возволнуются, и почити не возмогутъ. —

— Нѣсть радоватися нечестнымъ».

Өар. Ты уже и много насказалъ: и завелъ въ любопытность. Такъ, скажи же мнѣ: для чего иные толкуютъ: что Исаины Сирины, суть то пустынные птицы, а возгнѣздиваются въ пустомъ Вавилонѣ градѣ.

Не. О младенецъ съ бабіими твоими баснями! Ражжуй только зубомъ мужескимъ: сей часъ по Самсонову, найдешъ въ жесткомъ нѣжное: а въ пустомъ пищу. Пустынныя птицы: развѣ то не лже-пророки пустое поющіе? Пустый Вавилонъ: развѣ то, не Сиренскій камень? Не все ли пустое: что суета? и не все ли то вода: что истинное? Послушай, вотъ птица!

«Ефремъ, яко голубь безумный, неимый сердца; учениковъ сихъ птицъ, называетъ Михей, дщерьми Сиринскими: и точно о Самаріи, кая такихъ птицъ довольно у себе имѣла, вопіетъ: «Сотворитъ плачь, аки Зміевъ: и рыданіе аки дщерей Сиринскихъ.» Къ симъ то безумнымъ птицамъ, слѣдующій Божій отзывъ:

«Приступите ко мнѣ, послушайте мене
Погубльшіи сердце: сущіи далече отъ правды.»

О сихъ же, птицахъ нечистыхъ, Осіа поетъ вотъ что:

«Яко же птицы небесныя, свергу я...
Горе имъ, яко отскочиша отъ мене.»

Учениковъ же ихъ, называетъ чадами водъ.
,,Яко Левъ возреветъ Господь: и ужаснутся чада водъ.“

Чада водъ и дщери Сиринскія: есть то же. У Исаіи называются: отъятыми парящихъ птицъ птенцами. Сіи жъ Сирины, называются зміями и гадами.

Сотворитъ плачъ, аки зміевъ...

Полижутъ персть, аки зміеве.

Послю, аки гады на землю. Зачемъ туда? Затѣмъ, чтобъ вся дни живота своего, кушали грязь! Сіи то суть Агелы лютые; псы, злые дѣлатели, облака бездождныя, водныя, земныя, духа неимуще...

Θар. Полно! полно! поговори еще мнѣ о добрыхъ птицахъ. Я уже и разумѣю: что конечно не худо постъ оная птица.

,,Гласъ горлицы слышанъ въ землѣ нашей."

Нее. Нѣсколько тебѣ благовѣствующихъ птицъ выпущу изъ Ковчега. Взглянь кіи суть: иже яко облацы летятъ? и яко голубы со птенцы ко мнѣ? Какъ темна и тонка вода во облацѣхъ воздушныхъ: такъ вода глубока, совѣтъ въ сердцѣ мужей сихъ, и ихъ птенцовъ. И какъ голубины очи выше волнованія Сиренскихъ водъ: такъ сердце ихъ, выше всея тлѣни подъялось. Взглянь еще на горній хоръ птицъ прозорливыхъ!

Подъяхъ васъ, яко на крилѣхъ Орлихъ: и
приведохъ васъ къ себѣ.

Идѣ же трупъ, тамо соберутся Орлы.

Не Орелъ ли то: «Ангелъ Господень вос-

хити Филиппа?» Не Орелъ ли то: «Не обрѣтеся Енохъ въ живыхъ?» Не Орелъ ли то: «Взятъ бысть Илія вихремъ?» Вотъ Орелъ паритъ: «Вѣмъ человѣка, прошедшаго небеса.» Вотъ Орелъ: «Ятъ Аввакума Ангелъ Господень за верхъ его.» Вотъ Орелъ: «Вознесу тя Господи, яко подъялъ ми. его.» Взглянь же на сего любезнаго Орла! «Видѣхомъ Славу Его.» Куда-то они летятъ? Ахъ! превзойшли они трупъ и тлѣнь: устремили взоръ на того: «Вземлется отъ земли животъ его, Взятое великолѣпіе Его превыше небесъ.» Ахъ! взглянь сюда... Не се ли оная благовѣстница съ масличною вѣтьвою, изъ Ноева Ковчега, миръ намъ приносящая летитъ? И летя вотъ что кажется поетъ: дерзайте! да не смущается сердце ваше потопомъ водъ Сиринскихъ! Я вижу холмъ незыблемый: верхи горъ изъ подъ потопныхъ волнъ выникающихъ: провижу весьма издалеча землю и гавань: вѣруйте въ Бога: тамъ почіемъ.

Кто дастъ мнѣ крилѣ...
Очи ваши узрятъ землю издалеча.

А мнѣ любезна и горлица сія, летитъ выспрь поющи: Воспою нынѣ возлюбленному пѣснь? О Ѳарра! Ѳарра! чувствуешъ ли вкусъ во Пророчіихъ Музахъ? А иначе бѣжи и приложися къ Галатамъ.

Ѳар. Вѣришъ ли, что для мене пріятнѣе пѣніе Сиренское.

Нее. Ей, друже, вѣрю, что больше Елея имѣетъ во умащеніи своемъ льстецъ: нежели въ наказаніи своемъ отецъ: и что ложная позолотка, есть блистательнѣе паче самаго злата: и что Иродова плясавица, гораздо красивѣе, нежели Захаріина Елисаветъ. Но помни притчу:

Не славна изба углами: Славна пирогами.
Не красна челобитна слогомъ: но Закономъ."

Въ самомъ сладчайшемъ ядѣ, внутренній вредъ уничтожаетъ сладость, предревняя есть притча сія:

Απλός ὁ μηθος τῆς ἀληθέιας.
У истины, простая рѣчъ.

Инако поютъ въ костелѣ: а инако на маскарадѣ. Слышанъ, кто ищетъ красныхъ словъ въ томъ: кого спрашиваютъ о дорогѣ: и кто лакируетъ чистое золото. На что Пророчіимъ пѣснямъ блядословіе? Пусть покрывается имъ Сиринская лжа. А то, что они поютъ въ фигурахъ: фигуры суть мѣшечки на золото: и шелуха для зерна Божія. Сіе то есть иносказаніе, и истинная оная Πόιησις, сирѣчъ: твореніе, положить въ плотскую пустошъ злато Божіе, и сдѣлать духомъ изъ плоти; авось либо кто догадливъ найдетъ въ коробочкѣ прекрасное Отроча Еврейское, взятаго выше водъ

*

Сиренскихъ человѣка. «Творяй Ангелы своя духи (духами).» Вотъ истинные піиты: сирѣчь творцы и Пророки: и сихъ то писанія, любилъ читать возлюбленный Давидъ:

Въ твореніихъ руку твоею поучихся.

Өар. Однако, мнѣ пріятны и ковчеговы птички. Мудрененько поютъ. Выпусти еще хоть одну.

Ми. Я тебѣ выпущу: обратись сюда Өарра! Возведи Очеса. «Яко ластовица» тако возопія:

И яко Голубь тако поучуся.

Өар. Кой вздоръ? Громкія ластовыцы, въ коихъ странахъ родятся? А у насъ они ниже, что сверчки. Голубь глупѣе курицы, какъ можетъ любомудрствовать? Видишъ ли, коль строптныя музы Пророческія? Вотъ какихъ птицъ насобралъ въ свой ковчегъ Ной! А мои Сирены нѣжно, сладко, ясно, громко, и самыми преславными модными словушками воспѣваютъ. Самыя морскія волны, кажется, что отъ ихъ пѣнія поднимаются и пляшутъ: будто отъ Орфеевой арөы; и нѣтъ толь глупаго скота и звѣря: даже и самаго нечувственнаго пня и холма, чтобъ ихъ не разумѣлъ: чтобъ не скакалъ, и съ воскликновеніемъ не восплескалъ въ длани: и недивно, что вселенную влекутъ за собою!

Ми. Не бойся Өарра. Израиль видитъ Двое. Асіе то есть жезлъ, и власть Ему: здѣлать

изъ яда ядь, изъ смерти жизнь, изъ обуялости вкусъ, а изъ стропотнаго гладкое. И ничесо же Его вредитъ! Онъ сеетъ камень; преходитъ море; вземлетъ змія, и пьетъ мерру въ сладость. Его желудокъ, все варитъ въ пользу: а зубы всё стираютъ: и вся поспѣшествуетъ во благое. Слушай Израиль! Раскуси ему Езекіину мысль. Испій стропотну сію рѣчь такъ: какъ написано о тебѣ:

Отъ потока на пути піетъ...

О Израилю! преходь потокъ: исходь на второе: сіе есть твое.

Из. Господь даде мнѣ языкъ... Ластовица и голубь значитъ Израиля. Взглянь Ѳарра на стѣну, и скажи: что ли видишъ? Взглянь сюда.

Ѳар. Вижу картинку гдѣ написана птичка, поднявшаясь изъ морскаго брега, и летящая на другой невидный брегъ.

Из. Сія есть Израильская картина, нареченна Символъ. Ластовица убѣгая зимы, летитъ чрезъ море отъ сѣвернаго брега на южный: и летя вопіетъ: «Нѣсть мнѣ мира здѣ.» Въ сей то Символъ ударяетъ Езекіина сердца лукъ сей: Яко ластовица тако возопію. «Израиль вездѣ видитъ Двое. Ластовицу осязаетъ; а чрезъ нея, будто чрезъ примѣту, ведущую къ мѣти, провидитъ духомъ, чистое, свѣтлое и божественное сердце: возлѣтающее выше непостоянныхъ водъ, къ матерой и теплой тверди. Сіе

то есть: стоять на стражѣ со Аввакумомъ, возводить очи и быть обсерваторомъ на Сіонѣ. Необрѣзанный же сердцемъ видитъ однѣ примѣты безъ мѣты. Взглянь Өарра и на сей Символъ! Видишъ окрылатѣвшую дѣву, простершую руки и крила и, хотящую летѣть чрезъ пучину морскую, къ выникающимъ издалеча холмамъ. А любезный ея, надъ холмами изъ облака взаимно къ ней летитъ уже: простирая къ объятію руки своя. Здѣсь видишъ и плавающій Ковчегъ. Сія есть чистая Жена, о коей написано:

Да нибыша Женѣ два крила Орла великаго.

Блаженныя сея жены, потопомъ изрыганій своихъ, не могъ потопить Змій седмиглавный. Она то вопіетъ: «Кто дастъ мнѣ крилѣ. . .» Вотъ тебѣ ластовица! Яко ластовица, тако возопію... Не въ силѣ велицѣй, ни въ крѣпости гласъ Ея; но въ дусѣ моемъ глаголетъ Господь Вседержитель:

,,Радуйся зѣло дщи Сіоня: проповѣдуй дщи Іерусалимля.“» Не ластовица ли Павелъ: проповѣдущій не въ мудрости слова, и мірскаго витыйства, и Сиренскаго льстисловія: но въ наученіи, и силѣ Духа Святаго? А когда ластовица кричитъ: что для нея Сѣверный брегъ опасенъ, и что узнала она, надежный южный брегъ: такъ не Двое ли она видитъ? и не то же ли намъ благовѣститъ: «Вѣмъ Человѣка:

о семъ похвалюся?» Не то же ли что Давидъ: «И полещу и почію?» Не то же ли что Ангелъ: «Се благовѣствую вамъ радость велію...?» Нѣсть здѣ: «Тамо Его узрите.» Нѣсть мнѣ мира здѣ, Самъ Езекіа, сказавъ: Яко ластовица и протчія: всплошъ придаетъ сіе: «Исчезостѣ очи мои,» Сирѣчь: престалъ я то видѣть: что прежде видѣлъ. Я видѣлъ одну воду: одну плоть и кровь, и одну пустошъ, и суету: и сіе есть одно, и есть ничто же: почему я и слѣпъ былъ: видѣвшій то, что ничто же, и одна точію тѣнь есть. Нынѣ же глупое око мое исчезло и преобразилося во Око Вѣры, видящія въ тѣлищкѣ моемъ обонъ-полъ непостоянныя плоти и крови, Твердь и высоту Господа моего; Духа Божія; содержащаго своею горстію прахъ мой: и сіе есть второе и надежное: вторый Человѣкъ Господь мой:

Иже избави мя, и отъ яболѣзнь души моея.

«Отселѣ всѣ воскресшіи возблагословятъ тя» и — я ожившій,

Яко ластовица, тако возопію,
И яко Павелъ, тако поучуся.

«Отъ днесь бо дѣти сотворю: яко возвѣстятъ правду твою.» Отнынѣ ни единаго вѣмы по плоти. Аще же и разумѣхомъ по плоти Христа; но нынѣ ктому не разумѣемъ.»

Посмотри же Ѳарра и на другой Символъ,

въ центръ коего ударяетъ: сіяжъ Езекіина рѣчь. Взглянь сюда!

Ѳар. Вижу. На самомъ верхѣ камня, въ срединѣ моря стоящаго , стоитъ кая-то птичка. Камень схожъ на Сиренскій.

Изр. Какъ ему быть Сиренскимъ, когда гласъ Символовъ есть таковъ:

«In constantia quiesco.

Сирѣчь:

На незыблемости почиваю?

Кая вѣрность на Сиренскомъ, волнами покрываемомъ камнѣ? Сей есть каменный Холмъ Вѣчнаго, выникшій изъ-подъ вселенскаго потопа: на коемъ упокоился Ноевъ голубь. Съ такимъ благовѣстіемъ.

Inveni portum jesum. Càro, Munde valete.
Sat me iactastis. Nunc mihi certa quies.

Сирѣчь:

Прощай Стихійной потопъ!
Я почію на холмахъ Вѣчнаго:
Обрѣтши вѣтву Блаженства.

Вотъ тебѣ Ноевъ Голубь! послушай гласа Его:

Лѣта вѣчная помянухъ, и поучихся.
Постави на камени нози мои.
На камень вознеслъ мя еси!
Господь утвержденіе мое и Камень мой.

Вотъ еще голубь! Со усердіемъ гоню: къ намѣренному теку. — Аще како достигну во-

воскресеніе мертвыхъ. «Разумѣхомъ по плоти Христа; но нынѣ ктому не разумѣемъ.» Пожалуй посмотри мнѣ и на сына Іонина; сирѣчь Голубинина. «Блаженъ еси Симоне, Сыне Іонинъ. Яко плоть и кровь не яви тебѣ (мене): но Отецъ мой, иже на небесѣхъ... Ты еси Камень (Кифа) и на семъ Каменѣ утвержу всю Церковь мою... Слыхалъ ли ты о Даніиловомъ Каменѣ? Се онъ есть. Слышалъ ли ты замокъ Апокалиптичный? Се онъ есть. Слышалъ ли Рай? Вотъ онъ тебѣ! Слыхалъ ли о землѣ дивной, что отъ воды, и посредѣ воды? Вотъ же тебѣ обѣтованная Земля! Вспомни Евангельскій Маргаритъ. Вспомни обрѣтенную драхму. Вспомни свобожденіе, исцѣленіе, воскресеніе и проч. и пр. и пр. Все сіе и всѣ пророческія музы, какъ праволучныя стрѣлы Молніины, въ сей Святый и Единъ Камень ударяя путеводствуютъ. Видишъ, Өарра: въ кую гавань доплыла рѣчь Езекіина? Не дерзай же хулить птицъ Ноевыхъ. Онѣ поютъ тихо; но гласъ тонокъ ихъ, остръ и высокъ. А сирены, какъ лебеди, возносятъ громко крикъ; но по пословицѣ:

,,Высоко полетѣла: да недалеко сѣла.

Өар. Право я влюбился въ ваши птички. Ковчегъ вашъ подобенъ Троянскому коню. Выпустите мнѣ еще хоть одну. Люблю, что поютъ Двое. Одно во уши: другое въ разумъ:

какъ написано: «Двое сія слышахъ.» Теперь вижу, что не пустая древняя оная притча: «Глупъ, кто двое нащитать не умѣетъ.» Видѣть кошелекъ; не знать, что въ кошелькѣ: сіе есть видящи невидѣть. Видно, нужно вездѣ видѣть Двое: видѣть болванъ: не знать, что въ болванѣ: есть не знать себе. Сирени поютъ воду: а ваши птицы воду и гавань. Вода есть кошелекъ: а гавань, есть Имперіалъ. Тѣло есть вода и кожа, въ которую одѣтъ истинный нашъ Адамъ.!

Дан. О Өарра! началъ ты издавать Благоуханіе.

,,Сотъ искапаютъ устнѣ твои, Невѣсто!"

Вотъ сей - то Сотъ, закупоритъ тебѣ уши противу Сиренъ.

Өар. Выпусти, Даніилъ, еще хоть одну мнѣ райскую птицу.

Дан. Изволь! Еще ты такой не видалъ. Ловиее!

,,Еродій на Небеси позна́ время Свое."

Өар. Дичину ты выпустилъ. Я и имя ее въ первое слышу. Скажи мнѣ: кой сей родъ есть птицы Еродій.

Дан. У древнихъ Славянъ, она Еродій: у Еллиновъ Пеларгосъ: у Римлянъ Киконіа: у Поляковъ, Боцянъ: у Малороссіянъ, Гайстеръ: схожа на журавля. (a) Еродій, значитъ Бого-

(a) Eςος, значитъ желаніе; Римски Купидонъ: Ζευς, Jupiter, или Дій. Отсюду слово, Еродій, то же, что Филоөей.

любный: есть слово Еллинское. Но что въ томъ нужды? Брось тѣнь: спѣши ко истинѣ. Оставь физическія сказки беззубымъ младенцамъ. Все то бабіе, и баснь и пустошъ: что не ведетъ къ гавани. Сѣки скорѣе всю плоть поизраильски. Сержусь, что медлишъ на скорлупѣ. Сокрушай и выдырай зерно силы Божія. Еродій знаменуетъ вѣру во Христа: а яснѣе сказать: Израильское Око: видящее Двое: вотъ тебѣ Гайстеръ! будь здоровъ съ нимъ! Съ небесе Крастель....

Фар. Конечножъ есть причина, для чего взятъ онъ во образъ сей.

Дан. Конечно троякая вина сему есть: 1-я, что гнѣздится на киркахъ; 2-я: что снѣдаетъ змій; 3-я: что въ старости родителей кормитъ, хранитъ и носитъ. Кирка значитъ дворъ Божій.

Коль возлюбленна селенія твоя...
Птица обрѣте себѣ храмину...

«Тамо птицы возгнѣзд. Еродіево жилище предводительствуетъ.» Еродій всегда на вышнихъ мѣстахъ, на шпицахъ и на куполахъ гнѣздится: Будто предводитель протчіимъ птицамъ.

,,Блаженни живущіи въ дому твоемъ.“

Вотъ тебѣ Еродій! Едино просихъ отъ Господа, и проч. Вотъ Еродій! Обрѣте его Іисусъ въ Церкви. А сіи тебѣ, развѣ не пред-

водительствующіе суть Еродіи? Взыдоша на горницу: идѣже бяху. —

,,Пребывающе, Петръ же и Іаковъ, и Іоаннъ, и протчіе единодушно вкупѣ.
И бысть внезапу съ небесе шумъ...
И исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки.“

Вотъ что въ сей птицѣ великое! Позна время свое. Видно, что она познала Двое: время, и время. О кто сей прекрасный Еродій есть! Послушай его: «Се зима прейде: дождь! (потопъ) отъиде себѣ: цвѣти явишася на землѣ и проч. Видишъ ли? Что значитъ? и куда летятъ Ноевы птицы? Ко Авраамлю заливу: и къ гавани оной: «Господь пасетъ мя...» На вотъ тебѣ стадо и безтолковыхъ Гайстровъ!

Лице небесе умѣете разсуждати.

Горе вамъ смѣющимся нынѣ!

Ѳлр. А почему ты ихъ назвалъ безтолковыми? Вить ихъ за прогностики Христосъ не осуждаетъ?

Дан. Они чрезъ солнце, разумѣютъ разумно непогоды; но не прозорливы узрѣть второе время: сирѣчь, царствіе Божіе. Надобно знать съ Даніиломъ время одно, и время второе. Изъ сихъ полу-временъ, все составлено:

,,И бысть вечеръ, и бысть утро: день единъ.“

Одно время есть плакать: а второе время

смѣяться. Кто одно знаетъ; а не двое: тотъ одно — бѣду знаетъ. Вотъ еще бѣдные Гайстеры:

Взалчутъ на вечеръ...

Возволнуются, и почити не возмогутъ.

Ѳ безумно возгнѣздившихся сихъ Гайстерахъ можно сказать:

Ихъ твердь одна вода:

Въ срединѣ ихъ, бѣда.

Смѣяться нынѣ и веселиться здѣ, значитъ: невидать ничево, кромѣ тьмы и стихійныя стѣны.

,,Горе вамъ смѣющимся нынѣ!"

И когда Петръ сказалъ: «Добро намъ здѣ быти», тогда вдругъ обличенъ: «Не вѣдый, еже глаголаше.» Онъ раздѣлилъ Моисея отъ Иліи, Илію отъ Христа; не познавъ еще истиннаго человѣка, кромѣ человѣчія плоти, или стѣни. А когда проснулся: тогда сдѣлался мудрымъ Еродіемъ и, познавъ двое: позналъ истиннаго, сверхъ человѣчія сѣни человѣка, который есть Единъ во всѣхъ и всегда:

Убуждшеся видѣша славу Его,

Обрѣтеся Іисусъ Единъ.

Иже есть всяческая во всемъ.

Простый Еродій на одномъ небеси, видитъ двойное время: стужу и теплоту, зиму и весну, покой и досаду; а тайный Еродій, си-

рѣчь: Израиль, сверхъ стихіи, и сверхъ самаго тонкаго воздуха, видитъ тончайшее второе естество: и тамо сей Еродій гнѣздится. «Что мнѣ есть на небеси?» И отъ тебе, что восхотѣхъ на землѣ? Сіе второе естество, аще въ стихіахъ? Или кромѣ стихій? Богъ вѣсть! Однакъ Израиль позналъ оное.

Ѳар. О Даніилъ! Ей! понравились мнѣ твои Гайстеры. Выпусти еще хоть одного.

Дан. Развѣ и тебѣ хочется быть Гайстеромъ?

Ѳар. Вельми хочется; но да не безтолковымъ же.

Дан. И мудрый часто претыкается. «Толико время съ вами есмь: и не позналъ еси мене, Филиппе:»

Не можети нынѣ по мнѣ ити.

Отвержешися мене трищи.

Дай Богъ! Чтобы ты былъ въ ликѣ сихъ Гайстеровъ: «Сей есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе, единаго, истиннаго Бога. И Его же послалъ еси Іисуса Христа.

Вотъ предводитель и цари ихъ! Послушай Его. «Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя, благовѣстити нищимъ; посла мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ. Нарещи лѣто Господне пріятно, и день воздаянія.» *Исаія*, 6. 1. 2. Вотъ и сей не послѣдній! Се нынѣ время благопріятно! Се нынѣ день спасенія.

Вотъ, коль нужно слово сіе: Γνῶθι Καιρὸν Nosce tempus: познай время!

«Еродій позна время свое: Горлица и Ластовица...» О Еродіево жилище! Блаженно еси! Не то ли оно? По землѣ ходяще, обращеніе имамы на небесѣхъ. Праведныхъ души въ руцѣ Божіей...

Боже сердца моего! Душа моя въ руку твоею.

Подъ сѣнь Его возжелахъ и сѣдохъ...

Авраамъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день мой: и видѣ и возрадовася. Іоан. 8. 56. Онѣма же отверзостѣся очи, и познаста Его: и той не видимъ бысть има. Да избавитъ же тебе Господь отъ тѣхъ юродовъ! «Еродія позна время свое: горлица и ластовица». Людіе же мои сіи непознаша судебъ Господнихъ. «Возлюбиша паче славу человѣческую, неже славу Божію.»

«Ослѣпи очи ихъ: да не видятъ, ни разумѣютъ», вопіетъ Исаіа, увидѣвъ славу Христа Господня. А они хвалятся: «Да ямы и піемъ! Утрѣ бо умремъ.» Умирайте! умирайте! яко нѣсть ваше разумѣти двое. Видите о нощные враны, одинъ только днешній вечеръ: одну только воду со Сиренами. Сія-то мрачная слава ослѣпила, вамъ очи: да невидите утреннія оныя славы:

„Востани слава моя! Востану рано.“

Для чего вы, о звѣри дубравные! въ ло-

жахъ своихъ легли: не дождавъ блаженнаго онаго второго дня.

Во утріи же видѣ Іоаннъ Іисуса, грядуща къ себѣ, и глагола: Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра! Сей есть: о немъ же азъ рѣхъ: Іоан. 1, 29, 30. Вы есте тма міру: и волки не отъ числа оныхъ: Веніаминъ волкъ хищникъ, рано ястъ еще... но въ вечеръ глотающіе все, безъ останка на утро: да останки нечестивыхъ потребятся.

Ѳар. Я вовся не разумѣю, что значитъ останокъ...

Дан. О дряхлый и косный Клеопо! Останокъ есть то же, что барышъ, ростъ, приложеніе, прилагаемое прекраснымъ Іосифомъ, въ пустое вретище Веніаминово. И сего ли не разумѣешъ? Не приложатся жъ тебѣ лѣта живота.

Ѳар. О! нынѣ разумѣю: и приложатся мнѣ, яко Езекіи.

Дан. Останокъ есть лѣто Господне пріятное (Iubilaeus Annus), день воздаянія, весна вѣчности, таящіяся подъ нашимъ сокрушеніемъ, будто злато въ сумахъ Веніаминовыхъ, и воздающія Израилеви, вмѣсто мѣди злато, вмѣсто желѣза сребро, вмѣсто дровъ мѣдь, вмѣсто каменія желѣзо, вмѣсто песочнаго фундамена адамантъ, сапфиръ и анѳраксъ... Чолъ ли ты во притчахъ:

«Исцѣленіе плотемъ и приложеніе костемъ?» Плоть бренная твоя, есть то здѣшній міръ, и днешніи вечеръ, и песочный грунтъ, и море Сиренское, и камни претыканія. Но тамъ же, за твоею плотію, до твоей же плоти, совокупилась гавань и лоно Авраамле, земля посредѣ воды, словомъ Божіимъ держима; если ты не нощный, но излетѣвшій изъ ковчега вранъ; если ты ластовица, или голубица, зунавшая себе: сирѣчь видящая, двое: миръ, и міръ: тѣло, и тѣло: человѣка и человѣка: двое въ одномъ и одно въ двоихъ не раздѣльно и не слитно же... Будьто яблонь, и тѣнь ея, древо живое, и древо мертвое: лукавое и доброе: лжа и истина; грѣхъ и разрѣшеніе, кратко сказать: все что осязаешъ въ наружности твоей: аще вѣруеши: все тое имѣешъ во славѣ и въ тайности истое, твоею жъ внѣшностію свидѣтельствуемое: душевнымъ тѣломъ духовное. Въ сей-то центръ ударяетъ лучь сердца наперсникова: «Всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа, во плоти пришедша отъ Бога есть.» Вѣмы же, яко егда явится, подобни ему будемъ: ибо узримъ его, яко же есть. И всякъ имѣяй надежду сію на Него: очищаетъ себе, яко же Онъ чистъ есть. Вотъ тебѣ останокъ! Вотъ приложеніе костемъ твоимъ! Все тебе оставитъ; а сей останокъ никогда.

Вся преходятъ: любы николи же отпадаетъ. 1. Кор. 13. 8.

Господа силъ, того освятите...

Нынѣ разумѣеши ли надежду твою, и лжу сиренскую? Вотъ тебѣ, вмѣсто тристолѣтныя, вѣчная память и юность: будь здоровъ!

Въ память вѣчную будетъ праведникъ.

Отъ шума Сиренскихъ водъ не убоится!

Сей есть животъ вѣчный!

Нынѣ обновится яко орляя юность твоя. Но не тѣхъ орловъ: что паки старѣютъ и умираютъ: но оныхъ, кои въ познаніи самаго себе, вельми высоко вознеслися: выше всѣхъ стихій: и выше самаго здѣшняго солнца (яко и оно есть суета же и ветошъ) ко оному пресвѣтлѣйшему моему солнушку.

,,Тый же тойжде еси: и лѣта твоя не оскудѣютъ. Одѣяйся свѣтомъ (солнечнымъ) яко ризою: глаголяй къ намъ сія :

«Подъяхъ васъ, яко на крилѣхъ орлихъ, и приведохъ васъ къ себѣ. И видѣхомъ въ трупѣ нашемъ славу Его: во львѣ семъ, сотъ вѣчности Его: во тьмѣ сей, свѣтъ не вечерній Его: въ водѣ сей нашей твердь гавани Его. Трупъ есть всякъ бренный человѣкъ: и книга есть человѣкъ и трупъ. Найшовъ въ нашемъ свѣтъ и сотъ: находимъ послѣ того сію-жъ пищу и въ Библіи да исполнится сіе:

„Идѣ же трупъ: тамо соберутся орлы.“

Высоку сей трупъ обѣщаетъ трапезу: высоко и мы возлетѣли! Гдѣ царствуетъ вѣчная сладость, и вѣчная юность!

БРАТА ГОСПОДНЯ

ВЪ НОВУЮ СТРАНУ, ВЪ ПРЕДѢЛЫ ВѢЧНОСТИ, ТАМЪ ИСПЫТАЕМЪ:

Легко ли быть блаженнымъ?

Ѳар. Тфу!... Оправдилась притча: на конѣ ѣздя, коня ищетъ. Я думалъ, что велми трудно, быть блаженнымъ... По землѣ, по морю, по горнихъ и преисподнихъ, шатался за счастіемъ. А оно у мене за пазухою... Дома... Древняя притча.

«Ita fugias, ut ne praeter casam».

Отъ лиха убѣгай: да хаты не минай.

Не. О Ѳарра! не только дома, но въ сердцѣ твоемъ и въ душѣ твоей царствіе Божіе, и глаголъ Его. Сей есть камень: а протчее все, тлѣнь, ложь, лужа...

„Вся преходятъ....

Но кто тебѣ насѣялъ лукавое сѣмя сіе: будто трудно быть блаженнымъ? Не враги ли Сирены?

О глаголъ потопный! И языкъ льстивый!

Өар. Ей! ей! они. Отъ ихъ-то гортани гласъ сей:

Χαλεπὰ τὰ Καλά.

Τὸ Κάλλος Χαλεπὸν ἐςι.

Трудна доброта...

Не. О да прильпнетъ языкъ ихъ, къ гортани ихъ!

,,Нѣмы да будутъ устнѣ льстивыя!"

Изблюй онаго духа лжи вонъ, а положи въ сердцѣ сей многоцѣнный во основаніе камень:

Χαλεπα τα κακα!

Трудно быть злобнымъ!

Что можетъ обезкуражить, и потопить сладко теплый огнь Параклитовъ, если не оное зміиное сиренское изверженіе? Отсюду-то въ душѣ мразъ и скрежетъ, косность и уныніе во обрѣтеніи царствія Божія: отсюду ни теплъ еси, ни хладенъ: имамъ тя изблевати.. О гряди Господи Іисусе! Ей! гряду скоро: аминь... Нынѣ не обинуяся сказую: се Господь мой пришелъ! Се солнце возсіяло! и новая весна! Да расточатся и иждепутся со изверженіемъ своимъ души нечестивыхъ, отъ предѣловъ весны вѣчныя! Не входитъ туда неправда. Намъ же даны ключи:

«Χαλεπα τα κακα.

Не тмами ли темъ тяжелѣе слова: беззаконіе? Что же ли есть легчае любви Божія?

,,Крила ея, крила огня».

Напиши красками на ногтѣ адамантовомъ слова сіи: «Сродное, нужное. Литвое есть то же. Что есть нужнѣе царствія Божія? Въ запутанныхъ думахъ, и въ затмѣнныхъ рѣчахъ, гнѣздится лжа и притворъ; а въ трудныхъ дѣлахъ, водворяется обманъ и суета. Но латвость въ нужности, а нужность въ сродности; сродность же обитаетъ въ царствіи Божіи. Что нужнѣе для душевнаго человѣка, какъ дыханіе? И се вездѣ туне воздухъ. Что потребнѣе для духовнаго какъ Богъ? И се вся, исполняетъ! Аще же что кому не удобное: напиши что ненадобное. О глубина премудрыя благости! Сотворшія нужное нетруднымъ, а трудное ненужнымъ. Тако мой Господь сказа мнѣ: духъ сладкій, духъ мирный, духъ пророческій: и не печатлѣю словесъ: да оправдится премудрость Его отъ чадъ Его!

Из. О Нееманъ! Нееманъ! Дышешъ духомъ Параклитовымъ: съ высоты силою Его облеченный. И кто имѣетъ духа Утѣшителя, если не чистое сердце, отъ мрака грѣховнаго возванное, аки въ солнцѣ солнушко, зѣница Его, во вкусъ и прозорливость сіяющее? Сей есть живый Силоамъ, и родная Софіа, видяща двое, и глаголяющая странное.

Не. Тѣмъ же, о Израилю, идуще новымъ Святаго Духа путемъ: ищите и обрящете. Се

вся полезная, суть возможна: и возможная полезна.

Фар. Мнѣ бы хотѣлось онымъ папою: и сочетать въ одной ипостаси первосвященство и царство.

Мих. О славолюбный Озія! Куда тебе духъ воскриляетъ? Но притомъ приснопамятно будь сіе:

,,Кто яко Богъ?»

Фар. Развѣ же Богъ не хощетъ, чтобъ мы были Богомъ.

Мих. О Фарра! что радостнѣе Святому Духу, какъ тое, чтобъ намъ всѣмъ стать Богомъ?

Фар. О Михаилъ! Се ты странное воспѣлъ!

Мих. Если оно Святому Духу пріятное, тогда воистинну странное и преславное. Онъ единъ есть, любопытная оселка, показующая чистое злато, нареченое римски, Index. И въ сію-то мѣть ударяетъ сіе Павлово слово: «Δοκιμαζετε παντα τὸ καλὸν κατέχετε. Вся испытайте: добрая держите 1. Сол. 5. 21. Аще же гнушается оный голубь: тогда оно бываетъ мірское, модное: и въ такомъ смыслѣ общее, въ какомъ разумѣетъ Петръ Святый, глаголя сіе:

,,Господи, николи же ядохъ скверно.“

Скверно: въ римскомъ же лежитъ, commune, еллински, κοινον: разумѣй coenum: сирѣчь блато, грязь, мерзское, мірское..

Ѳар. Вить же славы искать Духъ Святый не запрещаетъ?

Михаилъ.

Слава въ студѣ ихъ....

Видишь, что студная слава запрещается. За добрую же славу лучше желаетъ Павелъ умрѣть, нежели ее испразднить. Оная слава есть тѣнь: а сія финиксъ. Оную хватаютъ псы на водѣ Сиренской: сію же пріемлютъ чада Божія, во Авраамлей гавани. Суетна слава, тщетная прибыль, сласть ядовита: се три суть адскія горячки, и ехиднины дщери, нечестивому сердцу во опаленіе. Но сущая слава, истинная прибыль, сласть не притворна: се сіи суть Духа Святаго, невѣсты: во объятіяхъ своихъ, чистую душу услаждающія.

Ѳар. Угадалъ ли я, что по правилу Израильскому пустая слава есть труднѣе истинныя?

Мих. Тфу! какъ же не труднѣе псу схватить тѣнь, нежели истинный кусъ. Вотъ предъ тобою яблонь! Схвати мнѣ, и подай тѣнь. Но самое тѣло ея вдругъ обнять можешъ.

Ѳар. Не только, но и плодъ сорву! Се тебѣ съ нея прекрасное яблоко! Благовонное! Дарую тебѣ. Въ немъ обрящешъ столько яблочныхъ вертоградовъ, сколько во всей вселеннѣй коперниканскихъ міровъ. Вотъ тебѣ отъ мене награда. «За твое доброе слово.»

Мих. Если бы ты мнѣ всю вселенну дарилъ по

плоти, я бы отказался и малыя сторонки моея матери Малороссіи, и одной ея горы не взялъ бы. Гдѣ мнѣ ее дѣвать? Тѣлишко мое, есть маленькая кучка, но и та мнѣ скучна. Что есть плоть, если не гора? Что гора, если не горесть? «Кто яко Богъ?» Что сладчае и легчае и вмѣстнѣе, какъ Духъ? Сердце мое вкушаетъ Его безъ грусти, пьетъ безъ омерзенія, вмѣщаетъ безъ труда, носитъ безъ досады. Душа моя въ духа: а духъ въ сердце мое преобразился. Боже сердца моего! О часть моя всесладчайшая! Ты единъ мнѣ явилъ двое, сѣнь и безвѣстную тайну. Ты еси тайна моя, вся же плоть, есть сѣнь и закровъ твой. Всяка плоть есть риза твоя, сѣно и пепелъ: Ты же ѳиміамъ, стакти и касіа, пречистый, нетлѣнный, вѣчный. Все Тебѣ подобно: и Ты всему; но ничто же есть Тобою: и Ты ничемъ же кромѣ Тебе. Ничто же, яко же Ты.

„Кто яко Богъ?»

О Ѳарра! что плачеши? Чего ищешъ въ паствѣ? Духа, или плоти? Духъ сего Христа Божія, вдругъ какъ молнію, пріять можешъ. Но престолы, палаты, колесницы, сребро и злато... Все сіе есть плоть, гора, трудъ и горесть. Не прикасайся сему. Восходящее, высокое въ немъ, и божественное. — Оное да будетъ твое. Сіе-то есть истинное единство, и тождество, и легость и нужность....

Хощешъ ли быть Павломъ Ѳивейскимъ? Антоніемъ Египетскимъ? или Саввою освященнымъ?... Стяжи себѣ мужей оныхъ сердце... Въ то время, вдругъ, какъ молніа, преобразишся во всѣхъ ихъ. Бѣгай молвы: объемли уединеніе: люби нищету: цѣлуй цѣломудренность: дружись со терпѣливостію: водворися со смиреніемъ: ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вотъ тебѣ лучи божественнаго сердца ихъ! Сіе иго, велми благо, и легко есть....

Χαλεπα τα κακα.

Ѳар. А Елисей? Не проситъ ли епанчи́ отъ Иліи?

Мих. Епанча оная нѣсть мертвыхъ; но живущихъ во предѣлахъ вѣчности. Въ ней все новое вмѣсто ветоши. Чолъ ли ты у Исаіи, одежду веселія? Вотъ она:

,,Подъ сѣнію руки моея покрыю тя.''

Не Елисей ли проситъ? «Да будетъ Духъ, иже въ тебѣ, сугубъ во мнѣ.» Какъ же далъ бы онъ просящему вмѣсто хлѣба камень? Сей есть духъ вѣры: духъ сугубъ: духъ открывающій двое: духъ, раздѣляющій Іорданскія струи: духъ, богоявляющій сверхъ Сиренскихъ водъ плавающее и выникшее желѣзо. Оно-то есть изъ-подъ-потопный холмъ. Обитель вѣрныя, голубицы. Гавань, лоно и кифа Авраамля. Спасеніе отъ потопа. «Да возрадуется душа

моя во Господѣ. Облече бо мя въ ризу спасенія...»

Вотъ тебѣ одежда и надежда! Носи здоровъ! Она есть, духъ сугубъ: видящій двое....

Өар. Велми благодарю тебѣ за сію ризу. А безъ нея, чемъ бы я былъ въ буркѣ? Вотъ чемъ! Лицемѣръ: лже Илія, пророчій идолъ. Что же? Ковчегъ преисполненъ есть всякія животины. Хотѣлось бы мнѣ быть, хорошенькою въ немъ, коею-то птицею. Какъ думаешъ?

Мих. Ковчегъ, есть онъ церковь Израилская, люби ее, и молись. Аще добра просиши: пріимеши. Проси во имя Христово: все вдругъ получишъ: не забывай никогда сего.

Χαλεπα τα καλα.

Из. Слушай Өарра! не желаешъ ли быть кабаномъ?

Өар. Пропадай онъ! Я и велблюдомъ быть не хочу. Еленемъ быть я бы хотѣлъ, а лучше птицею.

Чиста птица голубица, таковъ духъ имѣетъ,
Буде мѣсто гдѣ нечисто, тамо не почіетъ.
Развѣ травы и дубравы: и сѣнь есть отъ зноя
Тамъ пріятно, и прохладно мѣсто ей покоя.
Такъ и Духъ Святый не почиваетъ: развѣ въ чистомъ сердцѣ, при водѣ тихой и про-

зрачнѣй, живой и тайнѣй. «Вода глубока совѣтъ въ сердцѣ мужа...» О мире нашъ! Мужу и лоно! Христе Іисусе! Явися людемъ твоимъ въ водахъ Сиренскихъ обуреваемымъ. Но растолкуй мнѣ, о Израилю: кое-то есть сердце и духъ, преображающій естество наше во вепровъ?

Из. Песъ, хватаетъ тѣнь: а сердце, земная мудрствующее, есть вепръ. Не мыслитъ горняя, развѣ точію о брашнѣ и чревѣ сердце хамское любомудрствуетъ. Если имѣешъ Израилское око: огляньсь на предѣлы Гергесенскія. Вотъ тебѣ великое стадо свиное! Провидишъ ли, что минуя брегъ, если не Господь мой? Сами просятъ, да, прейдетъ прочь отъ предѣлъ ихъ. Блато и воду Сиренскую возлюбили паче славы Божія. Грязь любить, есть то быть вепромъ. Гоняться за нею, есть то быть псомъ. Вкушать ея, есть то быть зміемъ. Хвалить ее, есть то воспѣвать лестныя Сиренскія пѣсеньки. Любомудрствовать о ней, есть то мучиться легіономъ бѣсовъ. Не земля ли раждаетъ и звѣры, и гады, и скоты, и мухи? Такъ-то и сердце земное, преображаетъ насъ въ разные нечистые звѣры, скоты и птицы. Созданьемъ же Божіимъ творитъ чистое сердце: вышние всей тлѣни возлетѣвшее. Сердце златожаждное, любящее мудрствовать объ однихъ копейкахъ, мѣшкахъ и чемоданахъ, есть су-

щій велблюдъ, любящій пить мутную воду, и за вьюками не могущій пролѣзти, сквозь тѣсную дверь, въ предѣлы вѣчности. Сердце есть корень, и существо. Всякъ есть тѣмъ, чіе есть сердце въ немъ. Волчее сердце, есть родный волкъ, хотя лице и не волчіе. Если перешла въ сталь магнитная сила, тогда сталь точнымъ магнитомъ стала. Но рута рутой перестала быть, какъ только съ нея спиртъ и силу вывесть. Сіе есть сердце и существо травы.... Но храмъ Божій всегда есть вмѣстилищемъ святынѣ, хотя видъ имѣетъ домовъ простыхъ. Женская плоть не мѣшаетъ быть мужемъ, мужескому сердцу. Сердце востекающее съ Давидомъ на горняя, оставляющее велблюдомъ и сиренамъ со чадами ихъ, мутныя и морскія воды; жаждущее, Давидовскія, утолившія Самарянкѣ жажду, оныя воды:

Кто мя напоитъ водою...?

Господи, даждь ми сію воду...

Таково сердце, не олень ли есть? Даромъ что роговъ не имѣетъ. Роги и кожа оленья; есть плоть и тѣнь. Надѣнь кожу его съ рогами, безъ сердца его, и будешъ чучела его. Смѣшна пустошъ: не только

Χαλεπα τα καλα.

Сердце, трудолюбствующее съ мужемъ Руѳинымъ Воозомъ на гумнѣ библейскомъ, очищающее отъ половы вѣчное зерно Святаго

духа: на хлѣбъ сердце Израилское укрѣпляющій: скажи, не волъ ли есть млатящій? Въ любезной моей Унгаріи волами молотятъ. И что-жъ воспящаетъ Лукѣ быть воломъ? Не думай, будьто до плотскихъ воловъ, сія истина касается: «волу молотящу, да не заградиши устъ». Сердце воцарившееся надъ звѣрскими бѣшенствами, и надъ волею своею, растерзающее всякую власть и славу востающую на Бога: дерзающее въ нищетѣ, въ гоненіяхъ, въ болѣзняхъ, во смерти: не сей ли есть Скименъ львовъ Іуда отъ тѣхъ? «Ярятся аки львове». Бѣгаетъ нечестивый никому же гонящу: праведникъ же дерзаетъ аки левъ. Что-жъ мѣшаетъ Марку быть львомъ? Къ такимъ-то богосердечнымъ скимнамъ, аки левъ, тако возреветъ Господь: «востани! и измлати ихъ дщи Сіоня. Яко роги твоя положу (осную) желѣзни и пазнокти твоя положу мѣдяны: и истончиши люди... Вотъ ревъ львинаго щенка, отъ тридневнаго сна воскрешающій! Какъ написано: «возлегъ почи! Кто воздвигнетъ его?» Сердце выспръ сверкающее, какъ молнія: постигающее и низвергающее, всякія пернатыя мечты и замысловатыя стихійныя думы: не соколъ ли есть? Послушай сокольяго виска. «Аще вознесешися яко же орелъ: и оттуду свергу тя», глаголетъ Господь. Сердце, парящее на пространство высоты небесныя, лю-

бящее свѣтъ, и вперяющее зѣницу очей, во блескъ полуденныхъ лучей. Въ самое солнца солнушко оное: «въ солнцѣ положи селеніе свое». Не благородный ли есть орелъ съ наперсникомъ? Ей не отъ рода онъ подлецовъ сихъ: «Не вѣмъ орла, парящаго по воздуху». Глупца высокомудрствующа по стихіямъ. «Аще вознесешися яко орелъ: и оттуду свергу тя...» А не горлица ли есть, сердце любящее Господа, по Нему единому ревнующее, святыя надежды гнѣздо въ немъ обрѣтшее? Послушай гласа ея:

Ревнуя по ревновахъ по Господѣ Бозѣ...
Живъ Господь мой: жива и душа моя.

А тотъ гласъ, не ея ли есть? «Истаяла мя ревность моя...» Видѣхъ не разумѣвающія, и стаяхъ.» На вотъ тебѣ ликъ, или хоръ горлицъ! «Се вся оставихомъ: и въ слѣдъ Тебе идохомъ». Знай, что библія, есть вдова горлица, (*) ревнующая и воздыхающая во пустынѣ, о единомъ ономъ мужѣ. «Богъ любы есть...» У сея-то вдовицы, не оскудѣваетъ чванецъ елея: сирѣчь милости, любви и сладости: если посѣтитъ ее кто, духа Пророческаго дары имущій. Кто благъ, или кто милъ, кромѣ Бога? Сей единъ есть не оскудѣвающій. «Вся преходятъ: любы же ни». Взглянь мнѣ

(*) По смыслу рѣчи, очевидно, слова сіи надобно понимать въ переносномъ значеніи.

пожалуй на Магдалину. Библіи сердце, есть сердце горлицы сея. При елейной лампадѣ, не спитъ, тужитъ, и воздыхаетъ. О чемъ? Что безсмертнаго жениха умертвили;что въ библейной его лампадѣ ничего милаго, и свѣтлаго не найшли нощныя враны сіи, кромѣ трупа сего: «возрятъ нань, его же прободоша». Что кромѣ ризъ Его, не нашли въ ризахъ его, ни смирны, ни стакты, ни касіи: сирѣчь, одѣющагося оными ризами. Плачетъ пустыннолюбная горлица сія, о буйныхъ дѣвахъ со Іереміею, воспѣвая жалостную пѣсенку оную: «очи мои изліястѣ воду: яко оскудѣша добрыя дѣвы». Блаженны мы, о Ѳарра? Яко гласъ горлицы слышенъ въ маленькой земелькѣ нашей. Ахъ! сколько тогда горлицъ было, когда говорилъ Павелъ: обручихъ васъ единому мужу чистую дѣву, и протчая. Обуялыя и бѣдныя горлицы со чванцемъ своимъ оныя!

Идите ко продающимъ и протч.

Безъ милости милаго: а безъ твоего же преподобія, нигдѣ не обрящеши, онаго преподобнаго мужа.

,,Удиви Господь преподобнаго своего.“

Напослѣдокъ, не голубь ли тебѣ есть, сердце видящее двое? Сердце, узрѣвшее сверхъ непостоянности потопныхъ водъ, Исаіевскую твердь, брегъ и гавань оную:

Царя со славою узрите: и —
Очи ваши узрятъ землю издалеча.

Сіе чистое сердце, выше всея дряни возлетѣвшее, есть голубь чистый, — есть духъ Святый, духъ вѣдѣнія, духъ благочестія, духъ премудрости, духъ совѣта, духъ нетлѣнныя славы, духъ и камень вѣры. Вотъ почему Христосъ, нерукосѣчною, и адамантовою гаванью нарицаетъ святаго Петра! по сердцу его...

Ѳар. О сердце..:! Что-жъ ты сталъ? Ступай далѣе!

Из. Израиль далѣе сей гавани не ходитъ. Се ему домъ, гнѣздо, и кущи! Водруженныя, не на пескѣ; но на Кифѣ. Конецъ потопу. Радуга и миръ, есть Кифа, на ней онъ возсѣлъ.

Inveni portum kepham: caro, munde valete!
Sat me jctastis. Nunc mihi Sancta quies.

Прощай стихійный потопъ! Вѣщаетъ Носва голубица. Я почію на холмахъ святыхъ, обрѣтши оливныя кущи.

Ѳар. О сердце голубиное! И сердечный голубь! Сей есть истинный Іона: адомъ изверженъ во третій день, на брегъ горъ Кавказскихъ. Сей голубь, есть истинный Americus, Columbus, обрѣтшій новую землю. Не хочется и мнѣ отсюду итить. О Нееманъ! Нееманъ! Дай! ну! Станемъ и мы со Израилемъ въ сей гаванѣ. Оснуемъ себѣ кущи на сей Кифѣ. А! а! любезный мой Аввакумъ! Се нынѣ разумѣю

пѣсенку твою! «На стражѣ моей стану, и взыйду на камень.» Сюда-то взирало твое пророчее око? Сію-то Кифу издали наблюдала бодрая стража твоя? Сюда-то пѣсня твоя и насъ манила? Блаженно око твое! Прозорливѣе трубъ звѣздозорныхъ. Блаженны поющія намъ уста твоя! Блаженъ и Сіонъ твой: или заро-теремъ, пирамида, и столпъ твой: изъ коего высоты простиралися лучи очей голубиныхъ. Не отемнѣютъ очи твои. Не истлѣютъ уста твоя. И не падетъ столпъ твой во вѣки вѣковъ. Прощайте на вѣки! Дурномудрыя дѣвы, сладкогласныя сирены: съ вашими тлѣнными очима: съ вашею старѣющеюся младостью: съ младенческимъ вашимъ долголѣтіемъ и съ вашею, рыданія исполненною, гаванью. Пойте ваши пѣсни людемъ вашего рода. Не прикасается Израиль Гергесеямъ. Свои ему поютъ пророки. Самъ Господь ему, яко левъ возреветъ: и яко вихрь духа, возсвищетъ въ крилѣхъ своихъ: и ужаснутся чада водъ... Радуйся Кефо моя, Петре мой, гавань моя! гавань вѣры, любви, и надежды! Вѣмъ тя: яко не плоть и кровь: но свыше рожденъ еси. Ты мнѣ отверзаеши врата, во блаженное царство свѣтлыя страны. Пятдесятое лѣто плаваю по морю сему: и се достигохъ ко пристанищу тихому: въ землю святую: юже мнѣ открылъ Господь Богъ мой. Радуйся градомати Цѣлую тя престоле любезныя страны,

не имущія на путехъ своихъ бѣдности и сокрушенія, печали и воздыханія. Се тебѣ приношу благій даръ, отъ твоихъ же вертоградовъ! Кошницу гроздія и смоквей и орѣховъ, со хлѣбомъ пасхи: во свидѣтельство, яко путемъ праотцевъ моихъ, вніидохъ въ обѣтованную землю.

—

ПРЯ

Бѣсу со Варсавою. (*)

Егда во обновленіи Міра собылося на мнѣ оное: Ὁ Στέφανος τῶν Σοφῶν, Πλοῦτος ἐστὶ αὐτῶν.

Вѣнецъ премудрыхъ богатство ихъ.

Прт. яснѣе изрещи:

In corona sapientum; Divitiae Eorum.

Тогда во пустынѣ явися мнѣ бѣсъ: отъ полчища оныхъ: Кленущу нечестивому сатану: самъ кленетъ свою душу. Имя ему Даймонъ (**).

Даймонъ. Слыши, Варсава! младенскій уме! Сердце безобразное! Душо исполнена паучины!

(*) Мысли изъ сей статьи напечатаны были въ «Исторіи философіи», Архим. Гавріила. том. VI. р. 69 Казан. 1840

(**) Даймонъ или демонъ, у Еллинъ значитъ вѣдящій, или вѣдьма: знатокъ (Δαιμων) отсюда (Δαιμονιον) остроумное: но неключимое, и непотребное видѣніе. У Еллинистовъ, симъ словомъ, именуются бѣсы.

не поучающая, но паучающая... Ты ли еси творяй странныя догматы (*) и новыя славы?

Варсава. Мы-то Божіею милостію рабы Господни есьмы, и дерзаемъ благовѣстити Божію славу сію:

Яко злость трудна и горька:
Благость же легка и сладка.

Дай. Что ли есть благость?

Вар. Тожде что нужность.

Дай. Что есть нужность?

Вар. То, что нѣсть злость.

Дай. Что ли есть злость?

Вар. То, что нѣсть благость.

Дай. Откуду родится нужность?

Вар. Она есть вѣтва благости и блаженства.

Дай. Благость же и блаженство откуду есть?

Вар. Сія вѣтва отъ древа жизни.

Дай. Гдѣ есть древо жизни?

Вар. Посредѣ плоти нашея.

Дай. Что ли есть древо жизни?

Вар. Есть законъ ума.

Дай. Что ли есть законъ ума?

Вар. Свѣтъ тихій святыя славы, безсмертнаго Отца небеснаго... Образъ Ипостаси Его: Ему же слава во вѣки. Аминь.

Бѣсъ нѣколико бывъ смущенъ, и водрузивъ очи въ землю, помышляше въ себѣ, негодуя

(*) Т. е. мнѣнія мысли.

на странности отвѣтныя. Послѣди же вопросилъ: Нынѣ ли убо узаконяеши? и подлагаеши во основаніе лживую твердь сію: Нужность не трудна?

Вар. Воистинну глаголю тебѣ:

Елико что нужнѣе
Толико удобнѣе.

Дай. Ты ли написалъ 30 притчей и подарилъ оныя Аѳанасію Панкову?

Вар. Воистинну тако есть. Сей есть другъ Варсавѣ.

Дай. Помниши ли едину отъ нихъ, въ коей бесѣдуетъ Бюффонъ со зміею, обновившею юность?

Вар. Помню. Я оную притчу увѣнчалъ толкованіемъ такимъ:

Чѣмъ больше добро,
Тѣмъ большимъ то трудомъ
Ограждено, какъ рвомъ.

Дай. А! а! Новый архитектонъ! Нынѣ то ты мнѣ впалъ въ пруглò.

Вар. Исповѣдую согрѣшеніе мое.

Дай. Видиши ли, яко брань на тебе твоя же воздвизаетъ слава.

Вар. Аще речемъ, якó грѣха не имамы, себе прельщаемъ...

Дай. Или убо заколи новую твою славу тую: Нужность не трудна.

Вар. Новое чудо Боголѣпное: заколю ли?

Дай. Или аще побораеши по ей: Преступника себе обличаеши, разоряя, созданную самымъ тобою прежнюю ограду, оградившую трудомъ домъ: (яко же великолѣпно написалъ еси) всякое благо.

Вар. Нѣсмъ азъ Богъ, и согрѣшаю: нѣсмъ паки бѣсъ, и каюся.

Дай. Охъ! словеса твоя возбѣсиша мя. Не о покаяніи глаголъ мой. Не разумѣеши ли, яко грѣхъ нарицается Еллински (Γαμαρτια): гласитъ же: преступленіе, буйство, заблужденіе, безуміе...

Вар. Вельми разумѣю. Грѣхъ есть слѣпота душевная.

Дай. Почто убо слѣпъ сый, слѣпцовъ дерзаеши наставляти, узаконяя странную и неслышанную славу?

Вар. Почто? того ради, яко каюся.

Дай. О вране нощный! Кайся, раскайся, окаевайся... но не буди творецъ догматовъ новыхъ.

Вар. Кто же можетъ каятися, и прейти на иное: не поставивъ себѣ прежде новыя судьбы, во основаніе? На чемъ станетъ? вѣдомо, что духъ покаянія стоитъ на каменномъ островѣ, поправъ прежнюю злобу, облобызавъ же новую благодать. Сія благодать есть новый адамантъ, подлагаемый во основаніе новозиждемому граду святому. Она есть вѣчное зерно, откуду

произрастаетъ древо нетлѣнныхъ плодовъ и новаго вѣка. Сего ради всуе раздѣляеши не раздѣленное. Кажешися узрѣть брегъ новыя славы, начать новую жизнь, новымъ сердцемъ, новыми плодами: всѣ сіи вѣтвы суть отъ единаго древа, и есть едино и тожде. Якоже утро, свѣтъ, солнце, луча, день есть тожде. Како убо реклъ еси мнѣ: кайся: но не буди творецъ догматовъ новыхъ?

Дай. Перестани, реку, высокобуйствовати! Остави прю: и облобызай слывущую искони въ народахъ славу сію:

Δύςκολα τα καλα.
'Ευκολα τα κακα.
Gvavissima Bonitas
Levissima Malitia.

Вар. Приложи, аще хощеши и сіе:

Dulcissima mala
Amarissima bona
Beatissima mala
Miscrissima bona.

Обаче смрада сего, отнюдь не вмѣщаетъ сердце мое. Аще ли будетъ гортань гробомъ отверстымъ? Аще ли возвратятся мнѣ ліины очи? вепрово обоняніе? уста Іудины?

Дай. Тако ли убо? На всѣ академіи, на всѣ школы, и на всѣ ихъ книги, брань воздвизаеши?

Вар. Нужда мнѣ надлежитъ на тебе ополчатися. Во крещеніи клатвою закляхся никого-

же слышати, точію развѣ единыя премудрости, во евангеліи и во всѣхъ освященныхъ библейскаго Іерусалима, обителяхъ почивающія. Открый мнѣ во священной библіи хотя едино мѣсто, благословляющее твою славу, и довлѣетъ мнѣ. Инако же не нашъ еси, но отъ супостатъ нашихъ.

Дай. Убо ли глухъ еси, не слышай, яко тѣсный есть путь, ведущій въ царствіе небесное? и яко малое стадо спасающихся? яко мнози взыщутъ внійти, и не возмогутъ? Яко возстанетъ дому владыка, и затворитъ двери..? Ту будетъ плачь, и скрежетъ зубовъ, егда узрите Авраама и Исаака и протч. во царствіи Божіи, васъ же изгонимыхъ вонъ....

Вар. О! клевета, смутившая и смѣсившая горняя со преисподними...

Дай. Внемли же и сему. Бдите, да некогда отягчаютъ сердца ваша... Возстани спяй! Что стоите праздны? Восклонитеся и воздвигните главы ваша... Труждающемуся дѣлателю прежде... И тьма иныхъ мѣстъ. Сіе же мѣсто: Удобнѣе вельблюду сквозѣ иглиныя уши пройти... Будетъ тогда скорбь велія, якова же не была непреодолѣнную трудность ко благу обличаетъ.

Вар. Доколѣ мнѣ ругался еси: терпя потерпѣхъ. Нынѣ же нечестивый и козненный! Бога моего благодать прелагаеши.

Дай. Почто, Варсаво, бѣснуешися.

Вар. Путь Божіихъ словесъ превращаеши въ лукавую твою стезю.

Дай. Како сія могутъ быти?

Вар. Како можетъ трудомъ устрашати той, иже призываетъ глаголя: пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Не клевещи убо, день Божій быти скорбь, но твои дни и мои есть скорбь: и не до скорби, но отъ скорби сея отзываетъ обремененныхъ. Твои убо дни суть мерзость запустѣнія, Даніиломъ реченная и во твоихъ днехъ горе родящимъ и доящимъ.

Дай. Не рекохъ ли, яко бѣса имаши? Вонми, о бѣсне! Не глаголю: яко не благо есть царствіе Божіе, но яко жестокимъ трудомъ ограждено, и яко къ нему путь тѣсенъ, и приступъ прискорбный.

Вар. Но не ты ли сказалъ: яко сія мѣста благословляютъ славу твою? самъ убо понудивъ мене глаголати о сихъ, нынѣ бѣснымъ мене нарицаеши. Аще бѣснуюся: ты еси вина сего: аще же добрѣ глаголахъ, почто мя злословиши.

Дай. О лисъ! метаешися, свиваясь и развиваясь въ различный свитокъ. Обаче глаголю тебѣ: яко узкій путь, и тѣсная врата во царство небесное.

Вар. Тѣсная, вѣрно, велблюду, но человѣку, вольно пространная.

Дай. Что ли есть велблюдъ?

Вар. Душа, мірскими бременами отягченна.

Дай. Что ли есть бремя?

Вар. Богатство, пиры и сласти міра сего: яже суть удица діаволская. Несутъ нечестивыи на раменахъ своихъ это неудобоносимое иго: тяготу же свою, ея же сами суть виновники, везвергаютъ на царствіе Божіе.

Дай. Уа! Нынѣ не обинуяся исповѣдалъ еси, яко труденъ путь. Побѣдихъ! Тѣсенъ, узкій, труденъ есть тожде.

Вар. Во истинну неудобенъ и труденъ злымъ мужамъ. Но они за самими собою влекутъ трудность. На пути же Божіемъ не обрящутъ и нынѣ ея во вѣки. Злоба благоту во вредъ, въ трудъ и болѣзнь сама собою себѣ же превращаетъ.

Дай. Что ли есть злость?

Вар. Почто мя искушаеши лицемѣре? рекохъ тебѣ уже: яко злость есть то что нѣсть благость. Она есть духъ губительный, все во всегубительство преображающій.

Дай. Како возмогутъ сія быти?

Вар. Не искушай мене, пытливая злобо, не смущай сердца моего. Не во благость, но во злость ревнуеши знати.

Дай. Но подобаетъ же тебе обличити: како злоба дѣлаетъ сладкое горькимъ, легкое же трудным.

Вар. О, роде развращенный! доколѣ искушаеши? Воистинну глаголю тебѣ: яко елико что благо есть, толико и творити и вѣдѣти удобно есть.

Дай. Камо идетъ слово твое, не вѣмъ.

Вар. Камо? молвиши ты о сей истинѣ, яко злоба дѣлаетъ труднымъ, испытуеши, како бываетъ сіе? Сія же истина блистаетъ паче солнца въ полудни, яко все истинное, и легкое и ясное есть.

Дай. Како же ясное, аще азъ не вижу?

Вар. Нѣсть удобнѣе, якоже удобно есть видѣти солнце. Но сіе трудъ и болѣзнь есть нетопыру. Обаче трудъ сей самъ за собою носитъ, во очахъ своихъ возлюбившихъ тьму, паче свѣта... Предложи сладкоздравую пищу болящему, но онъ со трудомъ вкушаетъ. Возведи путника на гладокъ путь, но онъ слѣпымъ и хромымъ соблазнь и претыканіе, развращенно же и превратно шествующимъ, горесть, трудъ и болѣзнь.

Дай. Кто ли развращенно ходитъ?

Вар. Той, кто въ дебри, въ пропасти, въ безпутныя и строптивыя халуги отъ пути уклоняется.

Дай. Кто же ли превратно шествуетъ?

Вар. Той, кто на рукахъ, превративъ ноги свои выспрь, или не лицемъ, но хребтомъ (задомъ)

грядетъ. Симъ образомъ весь миръ живетъ, якоже нѣкто отъ благочестивыхъ воспѣваетъ:

Кто хощетъ въ мірѣ, жизнь блаженно править:
Тотъ пусть совѣты мірски всѣ оставитъ.
Міръ есть превратный. Онъ грядетъ руками:
Падъ ницъ на землю: и горѣ ногами.
Слѣпый слѣпаго, въ слѣдъ водяй съ собою
Падутъ, ахъ! оба въ ровъ глубокъ съ бѣдою.

Видиши ли: яко злость сама себѣ трудъ содѣваетъ? Не вопрошай убо: како могутъ сія быти?

Дай. Обаче тѣсна дверь: и мало входящихъ.

Вар. Злѣ просятъ, и не пріемлютъ. Не входятъ, яко злѣ входятъ.

Дай. Како же злѣ?

Вар. Со трусомъ колесницъ, съ шумомъ бичей, коней и конниковъ, со тяжестьми мамоны, со тучными трапезами, со смрадомъ плоти и кровей: съ непокрытою главою, не препоясаны, съ руками и ногами не омовенны. Се тако злѣ!

Дай. Кія колесницы? Кія кони? Кая мнѣ вретища глаголеши? Не всякъ ли ѣздитъ на колесницахъ Фараонскихъ. Чудо!

Вар. Ей глаголю тебѣ! всякъ.

Дай. Не мучи мене, рцы кія?

Вар. Воля твоя.

Дай. Се нынѣ разумѣхъ, яко бѣса имаши. Глаголеши неистова.

Вар. Ей! Паки и паки глаголю тебѣ, яко всякъ обожившій волю свою, врагъ есть Божіей волѣ, и не можетъ внійти во царствіе Божіе. Кое причастіе животу у смерти? Тьмѣ же у свѣта? Вы отца вашего діавола похоти любите творити: сего ради и трудно вамъ и невозможно.

Дай. Како убо колесницею нарицаеши волю?

Вар. Что же ли носитъ и возбѣшаетъ васъ, аще не непостоянныя колеса воли вашея, и не буйныя крила вѣтренныхъ вашихъ похотей? Сію вы возлюбивши и возсѣвши на ней, яко на колесницѣ, ищете ея, піяны ею, во днехъ царствія Божія и Воли Его, но не обрѣтаете и глаголете, увы! трудно есть царствіе Божіе. Во время оно, явится, какъ древле Сампсону, по жестокомъ сладкое, или, какъ еще древнѣе, по потопѣ дуга, и миръ Ноевъ.

Дай. Кто убо вина? Не воля ли дадеся человѣку?

Вар. О, злобо, не клевещи премудрости. Дана намъ воля, но съ стремленіемъ иль къ добру иль къ злу. Писано бо есть: Предложихъ тебѣ огнь и воду. Сіе значитъ, что у воли сугубо естественъ путь: десный и шуій.

Но вы возлюбивше волю вашу паче воли Божіей, вѣчно сокрушаетеся на пути грѣшныхъ. Не самъ ли убо еси вина?

Дай. Почто убо предложена зла воля человѣку? лучше бы не бытй ей во вся.

Вар. Почто беззаконникамъ предлагаешъ мучительная, орудія судія. Того ради, яко да тѣми мучимы навыкнутъ покарятися правдѣ. Инако же колико бы удалялися отъ благодѣтельницы сея: аще толь мучимы едва покаряются.

Дай. Откуду убо мнѣ сіе, яко воля мнѣ моя благоугодна есть: и паче меда услаждаетъ мя? Вопреки же, Божія воля, Пелынь мнѣ, и алой есть, и раны...

Вар. О бѣдная злобо! нынѣ самъ исповѣдалъ еси окаянство свое. Не мене убо, но самъ себе о семъ вопрошай. Не я, но ты еси стражъ и хранитель тебѣ. Провижу со ужасомъ разореніе въ душѣ твоей: вину же сего обличить ужасаюся.

Дай. Прелщаешися, Варсаво, мня, яко ищу суда отъ тебе. Но твой умъ младенствуетъ. Писано же есть: Бывайте младенцы во злобѣ: но не во умѣ. Не пріидохъ пріяти, но дати совѣты.

Вар. Отъ всѣхъ вашихъ бренныхъ совѣтовъ, даже отъ юности моея, омыхся уже въ

Силлоамѣ. Господь даде мнѣ око свое, и не постыжуся.

Дай. Чудное око твое, видящее то, что нигдѣ же обрѣтается. Гдѣ бо сердце подобное твоему? Возлюбилъ еси странность. Что убо? Даже ли все общее и все бываемое въ мірѣ, все ли то есть зло? Едина ли странность блага?

Вар. Не отвлекай мене татьски, въ кривую стезю. Путь слова моего есть о трудности, гнѣздящейся во адѣ, изгнанной же изъ Едема. Хощеши ли о странности?

Дай. Сотворимъ едину борьбу и о семъ: есть со мною научаяй руцѣ мои на ополченіе. Предложи убо мнѣ хотя едино: бываемое на торжищи міра сего, общедѣемое у всѣхъ и вездѣ и всегда, нѣсть ли оно скверное, трудное и мучительное? Довлѣетъ...

Вар. Фу! предлагаю тебѣ у всѣхъ, вездѣ, всегда дѣемое: и оно вельми благо есть. Не всѣ ли наслаждаются пищи и питія: не вездѣ ли и всегда? и сіе есть благо: яко же писано.

Вар. Ты, Господи: избави мя отъ Голіафа сего, изостривщаго, аки мечь, языкъ свой... Гдѣ же больше богомерзостей, враждъ, болѣзней, аще не во общеніяхъ мірскихъ, имъ же Богъ, чрево? На всѣхъ непотребныхъ вечеряхъ и трапезахъ ихъ, яко же рука, реченная Даніиломъ, на стѣнѣ пишетъ: тако гремитъ громъ Божій сей: Нѣсть радоватися не-

честивымъ. Коль же малое стадо въ сравненіи со Содомлянами домъ Лотовъ! Тамъ витаютъ Ангелы во веселіи. Много ли въ тысящѣ обрящеши, кои ядятъ и піютъ, не во страданіе, но во здравіе, по оному:

Аще ясте, аще ли піете и протч. вся во славу Божію творите... Како убо глаголеши, яко ядятъ хлѣбъ? Не паче ли въ потѣ лица, и въ трудахъ ядятъ не благословенный хлѣбъ свой сей:

Сладокъ человѣку хлѣбъ лжы:

Послѣжде же обращается ему въ каменіе. Истинный же причастникъ вкушаетъ, со благодареніемъ хлѣбъ по Соломонову слову:

Лучше укрухъ хлѣба съ водою въ мирѣ и піетъ вино свое во благѣ сердцѣ ономъ:

Трапеза, дышущая коварствомъ, грабленіемъ, не сей ли есть хлѣбъ лжы? Господи, николиже ядохъ сквернаго...

Дай. А! а! Но обаче убо ялъ.

Вар. Ялъ убо, но уже освященное. Аще бы то не угодно было Богу: не вкусилъ бы. Не многоцѣнность, но освящающая правда, трапезу сладкую творитъ. Прійди и яжды во веселіи хлѣбъ твой и протч. Но лукава твоя кознь: показавъ хвостъ, утаилъ еси виновницу веселія, тамъ же сущую, освящающую главу сію:

Яко же угодна Богу творенія твоя.

Вѣждь же и сіе: яко нареченное Ап. Петромъ скверное: лежитъ въ Римскомъ: *Commune*, сирѣчь общее: Еллински (κοινον). Сіе же Еллинское, знаменуетъ у римлянъ блато: *Coenum*. Кій убо мнѣ предлагаеши хлѣбъ твой? Самъ вкушай! Мірская община мерзска мнѣ и тяжка. Сладка же и добра есть дивная странность, странная новость, новая дивость. Сію благочестивые возлюбше, устраняются міра: не міра, но сквернаго сердца его.

Изыдите: и нечистотѣ ихъ не прикасайтеся: изыдите отъ сердца ихъ: глаголетъ Господь.

Дай. Буди здраво, яко же глаголалъ еси! Обаче вѣра во Христа, изшедшая благовѣстіемъ въ концы вселенныя, не вселенское ли общеніе? и не благо ли есть?

Вар. Ахъ, остави, молю. Міръ, суетное точію лице носитъ подъ листвіемъ проклятыя смоковницы, имущія образъ благочестія, плодовъ же его отвергшіяся, наготу свою покрывая: лицемѣръ или лицевѣръ: суевѣръ и повапленная гробница; Духъ же вѣры, и плоды его когда онъ имѣетъ? Никогда. Мниши ли, яко обрящетъ Сынъ человѣческій на землѣ вѣру? Ни! ни! нѣсть здѣ! воста. Что ищете живаго, благоуханнаго въ смрадномъ, содомскомъ и мертвомъ блатѣ его! Тамо! тамо его узрите. Гдѣ же тамо? Тамо, гдѣ нѣсть смрадъ. Ахъ; въ Сигорѣ. Тамо Лотъ! Тамо духъ вѣры! Тамо

благоуханіе наше, не со обеттавшими Евами, но со богорожденными и чистыми дѣвами.

Не бойся малое стадо. О сладчайшая Галилея! Граде и Пире (*) малыхъ! Блаженъ, иже снѣсть обѣдъ твой! Что ли есть плоть? То, что міръ. Что есть міръ? Ядъ! ядъ! тля! Ахъ, око и свѣтъ, вѣра и Богъ, есть тожде (**). Мелкое око — свѣтильникъ тѣлу. Маленькая церковь свѣтъ міру. О! прекрасная невѣсто! Тебѣ подобаетъ единой слышати сіе: Очи твои, яко голубины. Изыди отъ среди ихъ: въ Сигоръ спасайся. Изыдите малые во воскресеніе и мало ихъ есть...

Дайм. Дѣй! дѣй! аще все общее сверно есть: како убо общее воскресеніе честно и свято увѣряемое Лазаревымъ воскресеніемъ?

Варс. Тако, яко общее вѣрнымъ, не міру во блатѣ лежащему. Инако же все ему общее безчестно. Внялъ ли еси?

Дайм. Вельми внялъ: яко ты мнѣ нынѣ, аки птица въ сѣть ятъ еси.

Варс. Ятъ! но не удержанъ.

Дайм. Не чувствуеши? И не устрашаешися.

Варс. Праведникъ дерзаетъ, аки левъ...

—

(*) Въ подлинникѣ: малыхъ малыхъ!
(**) Въ сочетаніи понятій о духовныхъ предтечахъ.

ПРЕДѢЛЪ:

ЯКО

все, еже въ мірѣ, похоть очесъ, трудъ и горесть:

Дайм. Уготови лице твое, Варсаво, на обличеніе.

Варс. Аще хощеши, готовлю и на оплеваніе.

Дайм. Вѣмъ, яко обличеніе трудъ и горесть тебѣ.

Варс. Обличи грѣхъ мой во мнѣ; между имъ и мною вѣчная вражда.

Дайм. Не ты ли сказалъ еси, яко міръ есть безчисленное сборище беззаконныхъ? и яко вопреки малолюдненькое стадо благочестивыхъ?

Варс. Во истину тако есть.

Дайм. Убо не тожде ли есть сказать и сіе беззаконіе легкое, благочестіе же трудно и тяжко? Како бо не трудно, аще сіе малымъ-малымъ: оное же всѣмъ достизаемое?

Варс. Тьфу! Putaba te cornua habere.

Дайм. Что ли? начинаешь глаголати иными языки?

Варс. Скажи мнѣ, Господи, истину твою.

Устрой сердце и языкъ мой во слово правды твоея.

Дайм. Уа! шепчеши? се тебѣ удареніе, Варсаво!

Варс. Чаяхъ, яко избодеши рогами и се ударъ младенческій. Аще благость трудна: Богъ виною есть страждущему міру. Нынѣ же вины не имутъ о грѣхѣ своемъ, возлюбивше горесть свою, паче сладости его! Дѣй! красти ли? или не красти? что ли труднѣе? обаче весь міръ полнъ татей и разбойниковъ?... Зависти, грабленія, тяжбы, татьбы, убійства, хулы, клеветы, лихомѣрія, лакомства, любодѣянія, студодѣянія, суевѣрія.... Се всеродный потопъ Ноевскій, власы и главу міру подавляющій. Обаче міръ вся сія творити радуется. По успѣху беззаконій своихъ и мудрость, и славу, и благодарность и сласть и блаженство оцѣняетъ. Не право убо судилъ еси, обаче право реклъ еси, яко трудность есть виною грѣха ему. Се бо міръ адскую дщерь сію трудность и горесть отъ всего сердца своего возлюбившій, возненавидѣлъ Божію благодать, призывающую его. Прійдите ко мнѣ! Азъ упокою вы. Колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте. Ходите во пламени огня вашего за то: его же сами себѣ разжегосте. Накажетъ тя отступленіе твое и злоба твоя. Дивися нынѣ: и подобаетъ дивитися, яко погибающему міру, не

Богъ: отверзшій двери, и объятія отча, но самъ онъ есть себѣ, и его воля виною.

Воля! о несытой адъ!

Все тебѣ ядь. Всѣмъ ты ядъ.
День—нощъ челюстьми зѣваешъ.
Всѣхъ безъ взгляда поглощаешъ.
Аще змію сію заклать?
Се! упраздненъ весь адъ.

Онѣмѣй убо и молчи! Не клевещи на Бога! и не лай на отверстыя врата блаженства! Отверстыя врата не винны суть малости спасаемыхъ. Ахъ, проклятая воля! Ей! ты едино міру, аки левъ изъ ограды своея, преграждаеши ему *путь*, во блаженный *исходъ* живота оный: Изыйдите, и взыграете, яко тельцы, отъ узъ разрѣшенны. Оправдася же намъ въ пользу древняя притча.

Turdus, ipse sibi malum creat. (*) Погибель дроздова изъ внутрь его исходитъ.

Дайм. Кто убо можетъ сотворити путь во блаженный оный исходъ?

Варс. Всякъ, аще кто восхощетъ; хощетъ же возлюбившій Бога. Сія новая любовь творитъ исчезати ветху, ветха же исчезая, помалу-малу преобразуется въ новую волю, и въ

(*) Дроздики, или Польски, косики ржащіи, какъ кони: отъ ловцовъ уловляются, увязщи во свою Дроздовку мотылу.

новое сердце взаимно: Исчезе сердце мое и плоть моя. Боже сердца моего! Сіе есть сердце мое въ Тебѣ: Ты же взаимно въ сердце мнѣ преобразился. Нынѣ что мнѣ есть на небеси? и отъ Тебе, что восхотѣхъ на земли? Ты единъ довлѣеши мнѣ.

Дайм. Како убо? тамо чрево, здѣ же злу волю нарицаеши мірскимъ Богомъ. Аще ли два міру суть Боги?

Варс. Уа! остръ еси блюститель моихъ претокновеній. Нощь, тьма, мракъ, мечты, призраки, страшилища, всѣ сіи адскія езера союзны своей безднѣ. Воля плоти, сердце міра, духъ ада, богъ чрева, и похоть его, сердце нечистое — есть тоже. Се есть нечистая сердечная бездна, раждающая во мгновеній ока безчисленные легіоны духовъ, и тьмы мысленныхъ мечтъ въ мученіе всѣмъ. Имже мракъ темный во вѣки блюдется. О міре, возлюбившій трудъ и горесть! Коль скоро снисходиши во адъ и не вовращаешися. Сатана ослѣпилъ око твое. Сія слѣпота есть мати житейскихъ похотей и плотскихъ сластей. Сіи суть червь неусыпающій, и огнь неугасающій. Сіи укрѣпиша тебѣ вереи вратъ адовыхъ, затвориша же райскія двери блюдущему пяту Божію, хранящему суетная и ложная, ядущему всѣ дни живота своего землю. Но увы мнѣ! се! пловущи на морѣ міра сего: се вижу издалеча землю свя-

тую! О сладчайшій желанный краю! Спаси мя отъ пакостника, и отъ мора міра сего.

КРАЙ РАЙСКІЙ.

Благословенно царство блаженнаго отца, положшаго потребная во удобности, неудобная же дѣла, во непотребѣ.

Дай. Отрыгаеши несличную непотребность. Во истину пьяный еси.

Вар. Ей! упихся новымъ лотовымъ виномъ. Ты же ветхимъ содомскимъ.

Дай. Но чувствуеши ли, піяная главо исходъ? Въ кую мечту улучаетъ стрѣла словъ твоихъ?

Вар. Ей, она въ самый конъ разитъ, и въ самую исконную исту, праволучно ударяетъ.

Дай. О, праволучный стрѣлецъ! стрѣляеши во главу: а ударяеши во пяту.

Вар. Истину реклъ еси нехотящій. Пята бо вамъ есть во главу угла, во всѣхъ домахъ вашихъ. Праотецъ вашъ змій, искони блюдетъ пяту. И вы, любя-любите, и блюдя-блюдете пяту. Пята есть глава и начало всѣмъ, имже врата адова одолѣли, всѣмъ, лжу мрака хранящимъ. Мы же, стрѣляя стрѣляемъ во лжеглаву вашу сію. Да воскреснетъ истинна наша глава она: той сотретъ твою главу... Нѣсть бо наше стрѣляніе на плоть и кровь, но на

міродержцы и владыки омраченнаго вѣка сего, на блюдущія пяту, злобныя духи. Управляетъ же стрѣлы наши научаяй руцѣ наша на стрѣляніе.

Дай. О буій! исполненъ сѣтей паучиныхъ! вижу нынѣ, яко у тебе пять ячеменныхъ хлѣбовъ: честны суть паче предрагоцѣннаго адаманта. Зри безмѣстный, и неключимый словъ твоихъ исходъ! удобнѣйшіи ли пять хлѣбовъ?

Вар. Ей!

Дай. Како же честнѣйшій?

Вар. Тако ли? Во истину глаголю тебѣ, яко полхлѣба есть честнѣйшій Его.

Дай. Почему?

Вар. Не рекохъ ли уже тебѣ, яко всяка удобность честна есть? Всяка же честность есть удобна? Но всякая трудность есть безчестна. И всякая безчестность есть трудна.

Дай. Кія мнѣ пленицы соплетаеши, нечестивый? Азъ о драгости, ты же глаголеши о трудности. Почто возсмѣялся еси? сказуй мнѣ, о бѣсне! не мучи мене...

Вар. Ты сотворилъ еси самъ смѣхъ мнѣ, раздѣливъ честность отъ удобности, драгость же отъ трудности.

Дай. Ей! угліе мнѣ на главу возливаеши, нарицая мене невѣждою. Даймонъ есмь: нѣсмь буій. Нарцы мя чѣмъ либо, но сего не тер-

плю... Рцы же мнѣ: чего ради адамантъ безчестный?

Вар. Того ради, яко неудобный.

Дай. Откуду неудобный?

Вар. Оттуду, яко ненужный.

Дай. Како же ненужный?

Вар. Яко не полезный.

Дай. Почему не полезный?

Вар. Потому, что драгоцѣнный, трудный, неудобный, все то одно.

Дай. А! а! вкругъ нечестивыи ходятъ? Паки на первое Lupus circa Puteam errat: яко же есть притча.

Вар. Убо благокругла есть истинна, аки дуга вѣчная.

Дай. Не прозрѣлъ ли ты, слѣпый слѣпче, яко у Еллиновъ*, слово сіе: (Τιμιος) знаменуетъ и драгій, и честный, и есть тожде?

Вар. Отъ устъ твоихъ сужду, и твоимъ мечемъ бодутя. Аще у Еллинъ драгій и честный есть тожде: тогда и вопреки, честный и драгій есть тожде.

Дай. Что се реклъ еси? О, буій! Камо летитъ сія твоя криволучная стрѣла? Не провижу.

Вар. О господине Галате! На твою главу.

Дай. Охъ, заушаеши мя, нарицая Галатомъ. Не опаляй мя, молю, симъ седмеричнымъ огнемъ.

Вар. Возьми же! ты драгость вогналъ еси въ честность. Азъ же честность твою изгоняю въ драгость.

Дай. Сіе въ лице тебѣ, яко драгость и честность тожде есть.

Вар. Сіе же на главу твою, яко честность твоя, и драгость есть тожде...

Дай. Что же отсюду?..

Вар. То, яко честность твоя преобразилася во драгость.

Дай. Что-же далѣе?

Вар. Что прочее? Не постигаеши? то, что честность твоя и драгость, драгость и трудность: есть тожде. Трудность же злость и безчестность: тожде паки есть; внялъ ли еси?

Дай. О, діаволъ да станетъ одесную тебе! толь помрачаеши мнѣ умъ!

Вар. Кленущу нечестивому сатану, самъ кленетъ свою душу.

Дай. Кій же бѣсъ сотворилъ драгость честностію?

Вар. Духъ, возлюбившій трудъ и болѣзнь.

Дай. Кій сей духъ есть?

Вар. Духъ міра мірскаго; сердце плотское, отецъ лжы, сатана, всякія муки вина, и всякія злости источникъ.

Дай. Ты же како мудрствуеши?

Вар. У насъ польза со красотою, красота же съ пользою нераздѣльна. Сія благодвоеоб-

разна, и мати и дѣва: и дѣвствуетъ и раждаетъ едину дщерь. Она нарицается Еврейски: Анна. Римски: Флора. Словенски же: честь, цѣна, но безцѣнная, сирѣчь благодатная, дарная, даремная. Баба же ея нарицается Еллински: Ананка. Прабаба же: Ева, сирѣчь жизнь, живый и вѣчно текущій источникъ.

Се есть намъ премудрость, и Промыслъ Божій, напаяющій безъ цѣны и сребра тварь всякую всѣми благими. Отецъ, Сынъ, и Святый Духъ.

Начальная дверь ко христіанскому добронравію. Написана въ 1766 году для молодаго Шляхетства Харьковской Губерніи, а обновлена въ 1780 году.

Преддверіе.

Благодареніе блаженному Богу о томъ, что нужное сдѣлалъ не труднымъ, а трудное не нужнымъ.

Нѣтъ слаще для человѣка, и нѣтъ нужнѣе, какъ счастіе: нѣтъ же ничего и легче сего.— Благодареніе блаженному Богу!

Царствіе Божіе внутрь насъ. Счастіе въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ законѣ Вѣчнаго.

Сіе есть не престающее віядро и не заходящее солнце, тьму сердечныя бездны просвѣщающее.—Благодареніе блаженному Богу!

Что было бы тогда, есть ли бы счастіе, пренужнѣйшее и любезнѣйшее для всѣхъ, зависѣло отъ мѣста, отъ времяни, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что было бы тогда, есть-ли бы счастіе заключилъ Богъ въ Америкѣ, или въ Канарскихъ островахъ, или въ Азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустынѣ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи?.. Тогда бы и счастіе наше и мы съ нимъ были бѣдны. Ктобъ могъ добраться къ тѣмъ мѣстамъ? Какъ можно родиться всѣмъ въ одномъ коемъ-то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и статьѣ?

Кое же то и счастіе, утвержденное на пескѣ плоти, на ограниченномъ мѣстѣ и времяни, на смертномъ человѣкѣ? Не сіе ли есть трудное? Ей, трудное и невозможное. Благодареніе блаженному Богу, что трудное сдѣлалъ не нужнымъ!

Нынѣ же желаешь ли быть счастливымъ? Не ищи счастья за моремъ, не проси его у человѣка, не странствуй по планетамъ, не влачись по дворцамъ, не ползай по шару земному... Златомъ можешь купить деревню, вещь

трудную, яко обходимую:—а счастіе, яко необходимая надобность, туне вездѣ и всегда даруется. Воздухъ и солнце всегда съ тобою, везде и туне: все же то, что бѣжитъ отъ тебя прочь, знай, что оно чуждое и не почитай за твое; все то чужое и лишнее. Что же тебѣ нужды? потому то оно и трудно. Никогда бы оно отъ тебя не разлучилось, есть ли бы было необходимо.

Благодареніе блаженному Богу! счастіе не отъ небесъ, ни отъ земли не зависитъ.

Скажи съ Давидомъ: *что ми есть на небеси? и отъ тебе что восхотѣхъ на земли?*

Что же есть для тебя нужное? То, что самое легкое. А что же есть легкое? О! другъ мой! все трудное и тяжелое есть горькое и злое, и лживое. Однако, что есть легкое? То, другъ мой, что нужное. Что же есть нужное? Нужное есть только одно:

Едино есть на потребу.

Одно только для тебя есть нужное, одно же только и благое и легкое: а прочее все трудъ и болѣзнь.—Что же есть оное единое? Богъ. Вся тварь есть рухлядь, смѣсь, сѣчь, ломъ, кружь, стѣнь, и плоть: и то, что любезно и потребно, есть едино, вездѣ и всегда. Но сіе едино все горстію своею и прахъ плоти твоея, содержитъ. Благодареніе жъ бла-

женному Богу, за то, что все насъ оставляетъ и все для насъ трудно, кромѣ того, что потребно, любезно и едино.

Многія тѣлесныя необходимости ожидаютъ тебя, и не тамъ счастіе: а для сердца твоего единость на потребу, и тамо Богъ и счастіе. Не далече оно, близь есть, въ сердцѣ и душѣ твоей. Въ сей ковчегъ ведетъ и наше десятоглавная бесѣда, будто чрезъ десять дверей: а я желаю, чтобы душа твоя, какъ Ноева голубица, не обрѣтши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу твоему, къ Тому, Кто почиваетъ въ сердцѣ твоемъ, дабы собылося оное Ісаіино вѣщаніе:

Будутъ основанія твоя вѣчная родомъ родовъ, и прозовешися здатель оградъ, и стези твоя посреди упокоиши. VIII. 12.

Сего желаетъ

Григорій, сынъ Саввы Сковороды.

Твердь бесѣды

Истина Господня пребываетъ во вѣки.
Во вѣкъ Господи, слово Твое пребываетъ.
Законъ Твой посредѣ чрева моего.
Слово плоть бысть и вселися въ ны.
Посреди васъ стоитъ, Его же не вѣсте.

—

ГЛАВА I.

О Богѣ.

Весь міръ состоитъ изъ двухъ натуръ: одна видимая, другая невидимая.

Видимая натура называется тварь.

Богъ, какъ Существо невидимое, всю тварь проницаетъ и содержитъ; вездѣ всегда былъ, есть и будетъ. Напр. тѣло человѣческое видно: но проницающій и содержащій оное умъ не видѣнъ.

По сей причинѣ у древнихъ Богъ назывался *умъ всемірный*. Емужъ у нихъ были различныя имена, напр. *Бытіе вещей*, *вѣчность*, *судьба*, *необходимость*, и проч. А у христіанъ знатнѣйшія Ему имена суть слѣдующія: *Духъ*, *Господь*, *Царь*, *Отецъ*, *Умъ*, *Истина*. Умъ вовсе есть не веществен: а истина, вѣчнымъ своимъ пребываніемъ, совсѣмъ противна непостоянному веществу. Что касается до видимой натуры, то ей также не одно имя. Напр. вещество или матерія, земля, плоть, тѣнь, и проч.

—

ГЛАВА II.

О Вѣрѣ.

Какъ теперь малая только часть людей истинно разумѣетъ Бога, такъ неудивительно, что и у древнихъ часто публичною ошибкою почитали вещество за Бога, и за тѣмъ все свое Богопочитаніе отдали въ посмѣяніе.

Однакоже въ томъ всѣ вѣки и народы всегда согласно вѣрили, что есть тайная нѣкая, всѣмъ владѣющая сила.

По сей причинѣ, для чести и памяти Его, по всему шару земному общенародно были всегда посвящаемы храмы, да и теперь вездѣ все то же. И хотя напр. подданный можетъ ошибкою почесть камердинера за господина: однакожъ въ томъ никогда не споритъ, что есть надъ нимъ владѣлецъ, котораго онъ, можетъ статься, въ лицо не видывалъ.

Подданный его есть всякій народъ, и равно каждый признаетъ предъ нимъ рабство свое. Таковая вѣра есть обща и проста.

ГЛАВА III.

О промыслѣ общемъ.

Сіе-то блаженнѣйшее существо или Божественный Духъ, весь міръ, какъ будто ма-

шинистова хитрость часовую на башнѣ машину въ движенiи содержитъ, и по примѣру попечительнаго отца, самъ бытiемъ есть всякому созданiю.

Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починяетъ, защищаетъ, и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ, или уставомъ зовется, опять въ грубую матерiю, или грязь, обращается: и мы то называемъ смертiю.

По сей причинѣ разумная древность сравнивала его съ математикомъ, или геометромъ; потому что непрестанно въ пропорцiяхъ, или размѣрахъ упражняется, вылѣпливая по разнымъ фигурамъ, напр. травы, дерева, звѣрей и все прочее.

Сей Промыслъ есть общiй, потому что касается до благосостоянiя всѣхъ тварей.

ГЛАВА IV.

О ПРОМЫСЛѢ ОСОБЕННОМЪ ДЛЯ ЧЕЛОВѢКА.

Сей чистѣйшiй, всемiрный, всѣхъ вѣковъ и народовъ всеобщiй умъ, излилъ намъ, какъ источникъ, всѣ мудрости и художества, къ провожденiю житiя нужныя. Но ничѣмъ ему такъ не одолженъ всякiй народъ, какъ тѣмъ, что онъ далъ намъ самую высочайшую свою

Премудрость, которая природный его есть отблескъ, сіяніе и печать.

Она столько превосходитъ прочіе разумные духи, сколько наслѣдникъ лучше служителей.

Она какъ бы похожа на искуснѣйшую архитектурную симметрію, или модель, которая по всему матеріалу, нечувствительно простираясь, дѣлаетъ весь составъ крѣпкимъ и спокойнымъ, всѣ прочіе приборы содержащимъ.

Такъ слово въ слово и она: по всѣмъ членамъ политическаго корпуса, изъ людей, не изъ камней состоящаго, тайно разлившись, дѣлаетъ его твердымъ, мирнымъ и благополучнымъ.

Есть ли, напримѣръ, какая фамилія или городъ, или государство по сей моделѣ основано и учреждено: въ то время оно бываетъ раемъ, небомъ, домомъ Божіимъ, и проч. А есть ли одинъ какой человѣкъ созиждетъ по ней житіе свое: въ то время бываетъ въ немъ страхъ Божій, святыня, благочестіе, и проч. И какъ въ тѣлѣ человѣческомъ одинъ умъ; однако разно, по разсужденію разныхъ частей, дѣйствуетъ: такъ и въ помянутыхъ сожительствахъ, сею Премудростію связанныхъ, Богъ чрезъ различные члены, различныя въ пользу общую производитъ дѣйства.

Она во всѣхъ нашихъ всякаго рода дѣлахъ и рѣчахъ душа, польза и краса: а безъ

нея все мертво и гнусно... Родимся мы всѣ безъ нея, однако для нея. Кто къ ней природнѣе и охотнѣе, тотъ благороднѣе и острѣе: а чѣмъ большее кто съ нею имѣетъ участіе, тѣмъ дѣйствительнѣйшее, но непонятное, внутрь чувствуетъ блаженство, или удовольствіе.

Она-то есть прекраснѣйшій образъ Божій. Напечатуясь на душѣ нашей, Богъ дѣлаетъ насъ изъ дикихъ и безобразныхъ монстровъ или уродовъ, человѣками; то есть: не звѣрскими, къ содружеству и къ помянутымъ сожительствамъ годными, не злобивыми, воздержными, великодушными и справедливыми.

А есть ли уже она вселилась въ сердечныя человѣческія склонности: въ то время точно есть тожъ самое, что въ движеніи часовой машины *темпо* (tempo), т. е. правильность и вѣрность. И тогда-то бываетъ въ душѣ непорочность и чистосердечіе, какъ бы райскій нѣкій духъ, вкусъ, плѣняющій къ дружелюбію.

Она различаетъ насъ отъ звѣрей милосердіемъ и справедливостію, а отъ скотовъ воздержаніемъ и разумомъ; и не иное что есть, какъ блаженнѣйшій образъ Божій, тайно на сердцѣ написанный, сила и правило всѣхъ нашихъ движеній и дѣлъ.

Въ то время сердце наше дѣлается чистымъ источникомъ благодѣяній, несказанно душу

веселящихъ; и тогда-то мы бываемъ истинными по душѣ и по тѣлу человѣками, подобными годнымъ для строенія четвероугольнымъ камнямъ, изъ каковыхъ живый Божій домъ составляется, въ которомъ Онъ особливою царствуетъ милостію.

Трудно неоцѣненное сіе сокровище проникнуть и примѣтить: а для одного сего любить искать ея (Премудрости) не легко.

Но сколько она снаружи не казиста, столько внутрь важна и великолѣпна; похожа на маленькое напримѣръ смоквенное зерно, въ которомъ цѣлое дерево съ плодами и листомъ закрылось: или на маленькій простой камушекъ, въ которомъ ужасный пожаръ затаился. Для оказалости намѣчали ее всегда признаками; и она будто какой-то Принцъ, имѣла свои портреты, печати, и узлы, разные въ разныхъ вѣкахъ и народахъ.

Ея - то былъ узелъ напр. змій, повѣшенный на деревѣ предъ Евреями.

Ея гербъ: голубь съ масличною во устахъ вѣтвію. Являлась она въ образѣ льва и агнца, и царскій жезлъ былъ ея жъ предметомъ, и проч.

Таилась она и подъ священными у нихъ обрядами, напр. подъ ядѣніемъ пасхи, подъ обрѣзаніемъ, и проч. Закрывалась она подъ разновидными прообразованіями (типами) и

подъ гражданскими исторіями, напр. подъ повѣстью о Ісаакѣ и Іаковѣ, о Саулѣ и Давидѣ, и проч.: и однимъ тайнымъ своимъ присутствіемъ сдѣлала тѣ книги мудрыми.

А въ послѣдовавшія уже времена показалась она во образѣ мужескомъ, ставъ Богочеловѣкомъ.

Каковымъ же способомъ Божія сія Премудрость родилась отъ Отца безъ матери и отъ Дѣвы безъ отца, какъ Она воскресла и опять къ своему Отцу вознеслась, и прочая, пожалуй, не любопытствуй.

Поступай и здѣсь такъ, какъ бы на нѣкоемъ зрѣлищѣ, и довольствуйся тѣмъ, что гламъ твоимъ представляется: а за ширмы и за хребетъ театра не заглядывай. Сдѣлана сія занавѣса нарочно для худородныхъ и склонныхъ къ любопытству сердецъ; потому что худородность, чѣмъ въ ближайшее знакомство входитъ, тѣмъ пуще къ великимъ дѣламъ и персонамъ учтивость свою теряетъ.

На что тебѣ спрашивать напр. о воскресеніи мертвыхъ, есть ли и самый даръ—воскрешать—ничто не пользуетъ бездѣльной душѣ? Отъ таковыхъ-то любопытниковъ породились расколы, суевѣрія, и прочія язвы, которыми вся Европа безпокоится.

Важнѣйшее дѣло Божіе есть: одну безпутную душу оживотворить Духомъ своихъ за-

повѣдей, нежели изъ небытія произвесть новый земный шаръ; населенный безаконниками.

Не тотъ вѣренъ Государю, кто въ тайности его вникнуть старается: но тотъ, кто волю его усердно исполняетъ.

Вѣчная сія Премудрость Божія, во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, неумолкно продолжаетъ рѣчь свою. Но мы не хотимъ слушать совѣтовъ ея, одни за лишеніемъ слуха; а самая большая часть по несчастному упрямству, отъ худаго зависящему воспитанія.

Прислушивалися нетлѣнному сему гласу премудрые люди, называемые у Евреевъ Пророками; и со глубочайшимъ опасеніемъ повелѣваемое исполняли.

Она начало и конецъ всѣхъ книгъ Пророческихъ; отъ нея, чрезъ нее, и для нея все въ нихъ написано.

По сей причинѣ разныя себѣ имена она получила. Она называется образъ Божій, слава, свѣтъ, слово, воскрешеніе, животъ, путь, правда, миръ, оправданіе, благодать, истина, сила Божія, имя Божіе, и проч. А самые первѣйшіе Христіане именуютъ ее Христомъ, то есть Помазанникомъ-Царемъ; потому что одна она управляетъ къ вѣчному и временному счастію всѣ государства, всякія сожительства, и каждаго порознь. Да и кромѣ того у древнихъ *цар-*

ственным называлось все то, что верховным и главнѣйшим почиталось.

Провидѣлъ было Авраамъ блаженнѣйшій свѣтъ ея, и на ней увѣрившись, сдѣлался со всю фамилею справедливымъ, и съ подданными благополучнымъ: однако она и прежде Авраама всегда у своихъ любителей живала.

А Моисей, по тогдашнему, написалъ ея велѣнія на каменныхъ доскахъ, и такъ сдѣлалъ, что невидимая Премудрость Божія, будто видимый человѣкъ, чувственнымъ голосомъ ко всѣмъ намъ рѣчь свою имѣетъ.

Сія рѣчь, понеже отъ него раздѣлена на десять разсужденій, или пунктовъ, потому названа *Десятословіемъ*.

ГЛАВА V.

О десятословіи.

1. Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене. Яснѣе сказать такъ:

Я глава твоего благополучія и свѣтъ разума. Берегись, чтобъ ты не основалъ житія твоего на иныхъ совѣтахъ, искуствахъ и вымыслахъ, хотя бъ они изъ Ангельскихъ умовъ родились: Положись на меня крѣпко: есть ли

жъ, меня минувъ, заложишь вѣкъ твой на иной премудрости: то она тебѣ будетъ и Богомъ, но не истиннымъ; а посему и счастіе твое подобно будетъ воровской монетѣ.

II. Не сотвори тебѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею, да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ.

А на малоцѣнныхъ, низкаго сорта камняхъ еще больше не велю тебѣ строиться, т. е. на видимостяхъ. Всяка видимость есть плоть, а всяка плоть есть песокъ.

III. Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе.

Смотри-жъ во первыхъ: не впади въ ровъ безумія, будто въ свѣтѣ ничего нѣтъ, кромѣ видимостей, и будто имя сіе (Богъ) пустое есть. Въ сей то безднѣ живутъ клятвы ложныя, лицемѣріе, обманы, лукавства, измѣны, и всѣ тайныхъ и явныхъ мерзостей страшилища. А вмѣсто того напиши на сердцѣ: что будетъ судъ Божій, готовъ невидимо жечь и сѣчь невидимую твою часть, не косня ни точки, за всѣ дѣла, слова и мысли, (въ которыхъ меня (Премудрости) нѣтъ.

IV. Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, въ день же седьмый суббота Господу Богу твоему.

Сіе, Величество Божіе, ты съ вѣрою и страхомъ въ день воскресный прославлять не забывай. А покланяйся не только церемоніями, но самымъ дѣломъ, сердечно Ему подражая. Его дѣло и все веселіе въ томъ, чтобъ всеминутно промышлять о пользѣ всякой твари; и отъ тебя больше ничего не требуетъ, кромѣ чистосердечнаго милосердія къ ближнимъ твоимъ.

А сіе весьма легко. Вѣрь только, что самъ себѣ вдесятеро больше пользуешь, когда пользуешь другихъ и на оборотъ.

V. Что отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли.

Прежде всѣхъ почитай отца и мать и служи имъ; они суть видимые портреты того невидимаго Существа, которое тебя столько одолжаетъ.

А вотъ кто отецъ твой и мать: будь во первыхъ вѣренъ и усерденъ Государю, послушенъ Градоначальнику, учтивъ къ Священнику, покоренъ родителямъ, благодаренъ учителямъ твоимъ и благодѣтелямъ. Вотъ истинный путь къ твоему вѣчному и временному благоденствію и къ утвержденію твоей фамиліи. Чтожъ касается до прочихъ общества частей, берегись слѣдующаго:

VI. Не убей.

VII. Не прелюбы сотвори.

VIII. Не укради.

IX. Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна. *Не свидѣтельствуй ложно, или не клевещи.*

Осуждаемъ виннаго, а клевещемъ невиннаго. Сія есть страшнѣйшая злоба, и клеветникъ Еллински *діаволъ*.

X. Не пожелай жены искренняго твоего, ни пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего.

Но понеже злое намѣреніе сѣменемъ есть злыхъ дѣлъ, которымъ числа нѣтъ, а сердце рабское не изчерпаемымъ есть источникомъ худыхъ намѣреній: для того во вѣкъ твой, нельзя быть тебѣ честнымъ, естьли не попустишь, дабы Богъ вновь переродилъ сердце твое... Посвятижъ оное нелицемѣрной любви. Въ то время вдругъ бездна въ тебѣ беззаконній заключится... Богъ, Божіе Слово, къ Его слову Любовь, все то одно.

Симъ троеличнымъ огнемъ разженное сердце никогда не согрѣшаетъ, потому что злыхъ сѣменъ, или намѣреній имѣть не можетъ.

—

ГЛАВА VI.

О истинной вѣрѣ.

Есть ли-бъ человѣкъ могъ скоро понять неоцѣненную великаго сего совѣта Божія цѣну, то могъ бы его вдругъ принять и любить. Но понеже тѣлесное, грубое разсужденіе сему препятствуетъ, для того нужна сему Вѣра. Она, закрытое въ семъ свѣтѣ блаженство, будто издали, въ зрительную просматриваетъ трубку, съ которою и представляется.

При ней необходимо должна быть надежда. Она удерживаетъ сердце человѣческое при единородной сей истинѣ, не попущая волновать бурными постороннихъ мнѣній вѣтрами. По сей причинѣ представляется она въ видѣ женщины, держащія якорь. Сіи добродѣтели, сердце человѣческое, будто надежный вѣтеръ корабль, приводятъ наконецъ въ гавань любви, и ей поручаютъ.

Въ то время, по открытіи глазъ, тайно взываетъ въ душѣ Духъ Святый слѣдующее: *Правда твоя правда во вѣки, и законъ твой истина.*

ГЛАВА VII.

Благочестіе и церемонія, разнь.

Вся десятословія сила вмѣщается въ одномъ семъ имени: *любовь*.

Она есть вѣчнымъ союзомъ между Богомъ и человѣкомъ.

Она огонь есть невидимый, которымъ сердце воспаляется къ Божію слову, а посему и самъ Богъ именуется Любы. Сія Божественная любовь имѣетъ на себѣ внѣшніе виды, или значки; они-то называются церемоніи, образъ или обрядъ благочестія.

И такъ церемонія возлѣ благочестія есть то, что возлѣ плодовъ листъ, что на зернахъ скорлупа и шелуха.

Есть-ли-жъ сія обрядность лишена своей силы, въ то время остается одна лицемѣрная обманчивость, а человѣкъ грибомъ разкрашеннымъ.

Все же то церемонія, что можетъ исправлять самый несчастный бездѣльникъ.

ГЛАВА VIII.

Законъ Божій и преданіе человѣческое разнь.

Законъ Божій пребываетъ во вѣки, а человѣческія преданія не вездѣ и не всегда.

*

Законъ Божій есть райское древо, а преданіе тѣнь.

Законъ Божій есть плодъ жизни, а преданіе листвіе.

Законъ Божій есть Божіе въ человѣкѣ сердце, а преданіе есть смоковный листъ. Давиръ (*) храма Божія есть законъ Божій, а преданіе есть придѣланный къ храму притворъ. Сколько преддверіе отъ алтаря, столь далече отстоитъ преданіе отъ закона.

ГЛАВА IX.

О страстяхъ, или грѣхахъ.

Страсть есть моровой въ душѣ воздухъ. Она есть безпутное желаніе видимостей: а называется мучительный духъ. Главнѣйшая всѣхъ есть зависть, мать прочихъ страстей и беззаконій.

Она есть главнымъ центромъ оныя пропасти, гдѣ душа мучится. Ничто ее не краситъ и не пользуетъ. Не милъ ей свѣтъ, не люба благочинность: а вредъ толь сладокъ, что сама себя десять разъ съѣдаетъ.

(*) Давиръ—часть храма Соломонова, которая называлась Святая Святыхъ, гдѣ стоялъ ковчегъ завѣта съ Херувимами осѣняющими.

Жалонъ адскаго сего дракона есть весь родъ грѣховъ, а вотъ фамилія его: ненависть, памятозлобіе, гордость, лесть, несытость, скука, раскаяніе, тоска, кручина, и прочій не усыпаемый въ душѣ червь.

—

ГЛАВА X.

О любви, или чистосердечіи.

Противится сей безднѣ чистосердечіе. Оно есть спокойное въ душѣ дыханіе и вѣяніе Святаго Духа.

Оно подобно прекрасному саду, тихихъ вѣтровъ, сладкодышущихъ цвѣтовъ и утѣхи исполненному, въ которомъ процвѣтаетъ древо нетлѣнныя жизни.

А вотъ плоды его:

Доброжелательство, незлобіе, склонность, кротость, нелицемѣріе. благонадежность, безопасность, удовольствіе, крѣпость силъ (куражъ), и прочія неотъемлемыя утѣшенія.

Кто такову душу имѣетъ, миръ на немъ, и милость и веселіе вѣчное надъ главою сего истиннаго Христіанина.

—

О Сковородѣ.

Онъ говаривалъ о себѣ: «Нѣсмь Богъ и согрѣшаю; нѣсмь паки бѣсъ и каюся, человѣкъ есмь, ничтоже болѣе, ничтоже менѣе.

Самопознаніе.

Сковорода училъ самопознанію:

Куда мы слѣпы въ томъ, что нужно намъ есть... Въ Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ, произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолѣ не быть ни своему Платону, ни другому философу... Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Скоро ли ниспошлешъ къ намъ Сократа, который бы научилъ насъ найпервѣе познанію себя, а когда мы себя познаемъ, тогда мы сами изъ себя вывьемъ науку, которая будетъ наша, своя, природная... Да святится имя Твое въ мысли и помыслѣ раба твоего, который замыслилъ умомъ и пожелалъ волею быть Сократомъ въ Руси, но земля русская обширнѣе греческой, и не такъ-то легко будетъ ему скоро обхватить проповѣдію своею... Да пріидетъ царствіе твое, а тогда зерно, по слову твоему сѣемое, взойдетъ яко кринъ, и тогда

я выпилъ бы стаканъ кокуты, какъ соты медовыя. Non fugio mortem, si famam assequar et cedo invidiaedum modo abcolvar cinis... Да будетъ воля Твоя святая на мнѣ, во всѣхъ путяхъ моихъ и начинаніяхъ моихъ, ибо я разсуждаю, что знаніе не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и пресыщаются, но должно переходить на весь народъ, войти въ народъ, и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду сказать: «и я человѣкъ, и мнѣ, что человѣческое, то не чуждо!...» Избави отъ лукаваго, ибо много прежде предлежитъ развалить, разломать и изкрошить, чѣмъ пріидетъ время строить на старомъ грунтѣ новую храмину! И кто будетъ по нашемъ Сократѣ, нашимъ Платономъ? Что будетъ, то будетъ; а кто будетъ? Богъ вѣсть. Мое дѣло теперешнѣе, а оное—grata superveniet quae non sperabitur hora — само пріидетъ, когда пріидетъ пора. Оное уже трепл̃ется во чревѣ матери своей: но только Елисаветъ слышитъ, какъ взыгрался младенецъ во чревѣ Маріиномъ.

Сковородѣ въ энтузіазмѣ казалось, что духъ его, носимый въ Океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осязаетъ вселенную въ ея безконечности, слышитъ со стороны вѣчности, видитъ въ соединеніи обѣихъ: но *вселенною* для него была Русь святая, *человѣчествомъ* народъ

Русскій. «Когда умъ мой и сердце мое водворяются въ домѣ, который Премудрость создала себѣ во святой Руси, и упиваюсь отъ тука дому сего, я блаженъ, какъ тотъ, который имѣетъ племя въ Сіонѣ, ибо въ горней Руси вижу все новое: новыхъ людей, новую тварь, новое твореніе, и новую славу. О, какъ мнѣ тогда и легко, и весело, и мило, и любо, и вольно! Мысль моя летаетъ безпредѣльно, въ высоту, въ глубину, въ широту; не мѣшаютъ ей ни горы, ни моря, ни степи: она провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядываетъ въ преждебывшее, объемлетъ сущее, проникаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу Океана, входитъ сквозь двери заключенныя: глаза ея голубиные, крылья орлиныя, проворность оленья, дерзость львиная, вѣрность горличная, благодарность Пеларгова, агнцево незлобіе, быстрота соколья, бодрость журавляя: ведетъ же ее, духъ вѣры, духъ надежды, духъ милосердія, духъ совѣта, духъ прозрѣнія, духъ чистосердечія: облекается она въ гласъ грома, въ слово нечаянное, какъ молнія. О, какъ тяжко и грустно изъ сей горней страны обращаться долу, гдѣ мудрецы очами бачутъ, устами гогочутъ, что мнится, бѣсы ихъ мучатъ, и шевелятся и красуются, какъ обезьяны, болтаютъ и велерѣчатъ, какъ Римская Цитерія, чувствуютъ какъ кумиръ, мудр-

ствуютъ какъ идолъ, осязаютъ какъ преисподній кротъ, щупаютъ какъ безъокой, у него же только слѣпыя очи: гордятся какъ безумный измѣняются какъ луна, паучатся какъ паутина, алчны какъ песъ, жадны какъ водная болѣзнь, лукавы какъ змій, ласковы какъ крокодилъ, постоянны какъ море, вѣрны какъ вѣтеръ, надежны какъ ледъ, разсыпчаты какъ прахъ, изчезаютъ какъ сонъ. И они люди? Люди! но сколь много есть Гловацкихъ, у нихъ же нѣтъ головы!»

—

Переписка съ харьковскими друзьями.

Изъ Гусинской пустыни, Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда. 1779, февраля 19.

Любезный Государь,

Артемъ Дороѳеевичь!

Радуйтесь и веселитесь!

Ангелъ мой хранитель, нынѣ со мною веселится пустынею. Я къ ней рожденъ. Старость, нищета, смиреніе, безпечность, незлобіе суть мои въ ней сожительницы. Я ихъ люблю, и они мене. А что ли дѣлаю въ пустынѣ? не спрашивайте. Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ: скажите мнѣ: что онъ тамъ дѣлаетъ?.. Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лечился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣрь: тогда бы Сковорода, казался имъ занятъ дѣломъ. А без-

го думають, что я празденъ, и не безъ причины удивляются.

Правда, что праздность тяжелѣе горъ кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка: продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣрь?... Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда...? Такъ вотъ же сей часъ видна, бѣдности нашей причина: что мы погрузивъ все наше сердце, въ пріобрѣтеніе міра, и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себе, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы самихъ себе, за неключимымъ рабомъ нашимъ, не вѣрнымъ тѣлишкомъ: день и ночь о немъ одномъ пекущесь. Похожи на щоголя, пекущагось о сапогѣ, не о ногѣ: о красныхъ углахъ, не о пирогахъ: о золотыхъ копеѣлькахъ, не о деньгахъ... коликая жъ намъ отъ сюду тщета и трата? не всѣмъ ли мы изобильны? точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; со всѣмъ тѣлега, по пословицѣ: кромѣ колюсъ: одной только души нашей не имѣемъ. Есть правда въ насъ и душа: не такова, каковая у шкарбутика или подагрика ноги, или матрозскій алтына не стоющій козырокъ. Она въ насъ разслабленна, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ни чѣмъ не довольна, сама на

себя гнѣвна, тощая, блѣдная, точно такая, какъ паціентъ изъ лазарета. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ: не адъ ли ей? Если весь міръ ее превозноситъ, портретами и пѣсньми, сирѣчь одами величаетъ: не жалобныя ли для нея, оныя пророческія Сонаты:

Въ тайнѣ восплачется душа ваша. Іерем.

Взволнуются... и почити не возмогутъ. Исаія.

Если самая тайна, сирѣчь самый центръ души гніетъ и болитъ: кто, или что увеселитъ ее? Ахъ! Государь мой, и Любезный пріятель! плывите по морю, и возводьте очи къ гавани. Не забудьте себе, средѣ изобилій вашихъ: Одинъ у васъ хлѣбъ уже довольный есть: а втораго многоли? Рабъ ващъ сытъ, а Ревекка довольналь? Сіе-то есть: Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ... О семъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ, день и нощь печется Сковорода. Онъ любитъ сей родъ хлѣба паче всего. Далъ бы по одному хлѣбцу (блину) и всему Израилю, еслибъ былъ Давидомъ, какъ пишется въ книгахъ Царствѣ, но и для себе скудно (*). Вотъ что онъ дѣлаетъ во пустынѣ! Пребывая,

(*) Григорій С. Сковорода въ письмахъ своихъ къ друзьямъ нерѣдко *мысли свои* остроумно называлъ *бѣлымъ блиномъ*, спеченнымъ *на черной сковородѣ*. Истор. философіи, архим. Гавріила, т. VI р. 63.

Любезный Государь!
вамъ всегда покорнѣйшимъ слугою...
И любезному нашему Степану Никитичу, Господину Курдюмову.

Отцу Борису и Его сынови поклонъ; Если можно, и Ивану Акимовичу.

—

Изъ Олтанскія Ивановки 1790 года. Сентемвр. 26.
Возлюбленный паче всѣхъ человѣкъ Михайле!
Миръ тебѣ, Муже Божественныхъ желаній!

Мати моя, Малороссія, и Тетка моя, Украина, посылаютъ тебѣ въ-даръ малорослую мою Дщерь Авигею. Пріими Ее, и яко Давидъ, наслаждайся Ею. Она не Лицемъ, но Сердцемъ Красавица, и вся Слава Ея внутрь Ея. Съ нею бесѣдуя бесѣдуешъ со мною. Сердце мое въ ней: а Ея во мнѣ. Азъ тя, прежде юношу: нынѣ же обрѣтохъ тя Мужа по сердцу моему.

Вотъ Единость! Любовь! Дружба!....

Письмо сокращу. Не удерживаю отъ Бесѣды съ Дѣвою Еvою.

Только припишу: воспѣтую мною въ Харковѣ Харкову пѣсенку, въ Августѣ

Oratio ad Deum
in Urbem Zacharpolim:
Ex hoc Zachariæ Prophetæ grano:
* v. hi sunt Oculi Domini.....

*

Zacharias Oculcs septem tibi prædicatesse.

Septimus est Oculus: Zachariana Polis.
Hic Oculis septem, Tu solus, Christe, Pupilla.
Cæci sunt Oculi: quando Pupilla latet.
O reclude tuos in Eam, miseratus Ocellos!
Sic Sol verus erit: Zachariana Polis.

Сія очи откроетъ Авигеа, въ Захарiвскомъ Свѣщникѣ. Tu Versus facias slawonicos.

Іаковъ мой къ сей моей Дщерѣ простудился. Замарай въ ней и мое и кому поднесена имя. Откуду сіе? не вѣмъ. Сего ради пересылаю къ тебѣ другу сей для него списанный списокъ: уживай, лутче его, себѣ сію твоего Лиценціата, душу.

Аще Богъ помощь: во слѣдъ Авигеи, еще два мои сыночки, выправляютъ крылца: и думаютъ къ вамъ летѣть. Древный мыръ (пишу ы ut differat ab illo: миръ) и Михаилъ боряй Сатану. Они рожденны для тебе: и посвященны отъ самыхъ пеленъ тебѣ же. Окажетъ Прологъ: Будь же имъ отецъ и покровъ во вѣки! Но потерпимъ. Снимаются копіи.

Оригиналъ ли прислать? Увижу. До дщери случайно привязалася ода Сидронія Езуиты. Благо же! На ловца звѣрь, по пословицѣ. Послѣ годовой болѣзни, перевелъ я ее въ Харковѣ: отлетая къ матерѣ моей, пустынѣ. Люблю сію дѣвочку. Ей! достойна быть въ числѣ согрѣвающихъ блаженну Давидову старость. Прилагаю тутже, какъ хвостикъ, и закоснѣвшее мое къ вамъ писмишко Гусинковское. Нынѣ ски-

таюся у моего Андрея Иван. Ковалевскаго. Имамъ моему монашеству полное упокоеніе, лучше Бурлука. Землка его есть нагорняя, Лѣсами, садами, холмами, источниками распещренна. На такомъ мѣстѣ я родился возлѣ Лубень. Но ничто мнѣ ненужно какъ спокойна келіа: да наслаждаюся моею невѣстою оною: сію возлюбихъ отъ юности моея.... О сладчайшій органе! Едина голубице моя, Библіе! О дабы собылося на мнѣ оное. Давидъ мелодивно, выграваетъ дивно. На всѣ струны ударяетъ. Бога выхваляетъ. На сіе я родился. Для сего ямъ и пію: да съ нею поживу, и умру съ нею. Аминь! Твой другъ и братъ: слуга и рабъ: Григорій Варсава Сковорода Даніилъ Меінгардъ.

Число моихъ твореній. Лутчее значатъ звѣздки.

1. Наркисъ, узнай себе ***. Первородный плодъ.

2. Симфоніа библейныхъ словъ сему: Рѣхъ: сохраню пути.

3. Симфонія: Аще не увѣси самую тебѣ и пр. ***

4. Неграмотный Марко. У Як. Правицкаго.

5. Алфавитъ мира. ***

6. Разговоръ кольцо. *

7. Древній мыръ.

8. Жена Лотова. *

9. Брань Михайлова со Сатаною. ***

10. Ікона алкивіадская. ***

11. Бесѣда 1-я: нареченна Сіонъ.

12. Бесѣда 2-я: Сіонъ.

13. Бесѣда 3-я: нареченна Двое. **

14. Діалогъ: Душа и нетлѣнный Духъ. У Правицкаго.

15. Притча: нареченна: Убогій Жайворонокъ. У Дискаго.

Переводы изъ Цицерона.

1. О старости * поднесена Степ. Ив. Тевяшову, изъ Плутарха.

2. О смерти.

3. О Божіемъ правосудіи. *

4. О храненіи отъ долговъ. Дарена Алекс. Юр. Сошальскому.

5. О спокойствіи душевномъ. * Подн. Яков. Мих. Захаржъ.

6. О вожделѣніи богатства. Завезена въ Крымъ безъ списка.

7. Езуита Сідронія Ода о уединеніи, et caetera.

У друга нашего: Бабайскаго іерея: Іак. Правицкаго: всѣ мои творенія хранятся. По мнѣ бы они давно пропали. Я удивился, увидѣвъ у него моего Наркисса и симфон. аще не увѣси. Я ее ожелчившися, спалилъ въ Острогорскѣ, а о Наркиссѣ на вѣки было забылъ. Просит у него. А я, не точію апографи: но и аутографи раздалъ, раздарилъ, расточилъ.

Non prodest Messis: nisi servet Cura fidelis

Fons fundit largas: Testa reservat Aquas etc.

Post scripsi. При Авигеи пріимите и алфавита сына. Такъ духъ велѣлъ.

Выписки изъ писемъ Гр. Сав. Сковороды.

Пока еще такъ мало извѣстій собрано о литературной дѣятельности Сковороды, нельзя не дорожить всякимъ намекомъ объ этомъ. Авось либо когда нибудь и составится изъ этихъ намековъ, если не что большее, то, по крайней мѣрѣ, полный списокъ его сочиненій. Вотъ еще нѣсколько такихъ намековъ, выбранныхъ мною изъ писемъ Сковороды къ Бабаевскому священнику Іакову Правицкому:

1785 окт. 3, изъ Маначиновки.—Въ «Post-scripsi»: Si descripsisti novos meos jam libellos: remitte ad me Archetypa. Etiam illum meum Dialogum, quem per alios laudare soles, simul cum Archetypis mitte. Descriptus, ad te remittetur, Deo volente. Dicturille Dialogus: Марко препростый.

Конечно, этотъ самый діалогъ помѣщенъ въ письмѣ, изъ Ольшанской Ивановки, подъ № 4, хоть онъ тамъ и названъ: неграмотный Марко. Объ этомъ же сочиненіи упомянуто и въ письмѣ 1786, марта 30, изъ Маначиновки:—Пришли, друже, такожде разговоръ, нареченный:

Марко препростый. Онъ возвратится паки къ тебѣ. Протчія же: яко же тебѣ угодно: или нынѣ или возмутся тогда: когда къ вамъ прійду.....

Въ слѣдующемъ письмѣ опять о немъ же и о Лотовой женѣ.

1786. Апр. 25, изъ пустыни Маначиновскія:—Непечися о разговорѣ Маркѣ. Онъ всегда есть вашъ: и возвратится въ твою книгохранку. Лотову жену, хочется докончать. Однакъ привезу («привезу», а изъ этого г. Хижнеу сдѣлалъ «принесу», впрочемъ прочесть еще можно) съ собою: да написанное выпишите. Что бо мнѣ есть любезнѣе на небеси, или на землѣ: точію поучатися святынѣ? въ сей единой, да живу, и умираю. По малу—малу отходимъ отъ тлѣни плотскія: яже есть блаженная и вседневная смерть: и приближаемся ко Господу, иже есть святыня, Кефа и Воскресеніе наше. Что убо есть блаженнѣе жизни нашея, на ней же собывается оное: Положу стропотная ихъ во гладкая.... Окрылатѣютъ, яко орлы: потекутъ и не утрудятся.... Виждь діатрібу мою, друже! діатриви еллински нарицается то, чѣмъ кто главно жизнь свою забавляетъ. Вотъ діатріба Давидова: Поглумлюся въ запов. твоихъ. Вотъ Павлова: Мнѣ бо, еже жити: Христосъ.... Вотъ Лукина и Клеопы: Како глаголютъ, его быти жива?.. О, о, Воскресеніе! о, оное Воскресеніе! мыру невѣруемое.

Коль услаждаеши сердце мое! Блаженъ узрѣвшій съ наперсникомъ красоту твою. Ядущій тя, еще взалчетъ.... Сіе глаголю того ради, яко доканчавая «*жену Лотову*»: наслаждатися имамъ, новаго вина, съ новымъ моимъ Лотомъ, Христомъ Іисусомъ: имѣя обрученіе съ нимъ во вѣрѣ Божіей.

(О Лотовой женѣ упоминается и въ припискѣ къ письму).

— 1787 Январ. 18 изъ Гусинки: Прости, любезный, что солгалъ я прислать вамъ «*жену Лотову*». Весною хощу васъ посѣтить, аще Богу угодно и привезу. Аще же: дайте знать: тотчасъ перешлю. Въ зимнихъ трусостяхъ можетъ она потеряться. Тѣмъ не даю чрезъ Григорія Юріевича. Не печальтесь. Она всегда у васъ. Другое то, что весною въ пустынѣ можно подумать объ окончаніи ея, а зима безгодна. Я и сіе съ нуждою пишу.

(Слѣдующее письмо тоже о Лотовой женѣ. Выписываю его вполнѣ, потому, что самъ Сковорода называетъ его предисловіемъ къ этому же сочиненію)

— Изъ Гусинки 1787 года: Марта 6 дня.

Любезный во Христѣ,

Отче и брате и друже Іакове:

Веселися во Господѣ!

Пришлите мнѣ симфонію: *Аще не уньси*;

самую тебѣ.... Переписавъ паки отошлю къ вамъ. Посылаю къ вамъ «*жену Лотову*». Побесѣдуйте во Христѣ съ нею. Она чистая чистымъ: и сей кумиръ есть плодоносный вѣрнымъ Божіимъ. На ней-то исполняется: отъ камени воздвигнути чада Аврааму.... Она не доведена до конца. Но кто дождется конца въ присно-текущемъ источникѣ? А что я сказалъ, обѣщая окончаніе: сіе касается до книжечки, начатой мною, не до жены. Сія книжечка учитъ: какъ-ли читать подобаетъ священное письмо? Аще единъ глаголъ Божій уразумѣется: тогда весь храмъ Соломоновъ, есть свѣтелъ. Во примѣръ сему взялъ я сіе: Поминайте жену Лотову. И толкуя сіе слово: возмутилъ всю св. писанія купѣль. Да уразумѣютъ спящіи на библіи: или съ Павломъ сказать: почивающіи на законѣ: яко не многочтеніе дѣлаетъ насъ мудрыми, но многожваніе принудило сказать сіе: како сей вѣсть книги, не учився? И да познаютъ: яко единъ день въ тысящѣ, и вопреки 1000 глаголовъ Божіихъ во единомъ глаголѣ сокрывается. Нынѣ же со женою кровоточивою много жерутъ для единыя дисентеріи: и нѣсть имъ человѣка, могущаго приложить имъ вкусъ плюновенія, жванія и преломленія онаго: Зубы его, паче млека. Познася има въ преломленіи... Все даетъ вкусъ свой: и звѣзды въ сокровищахъ своихъ блеснутъ:

аще есмы отъ числа оныхъ: Израиль толчаше манну въ ступахъ. Во блаженное число сихъ людей, да впишетъ Христосъ всѣхъ насъ! желаю, вашъ всеискреннiй братъ, и нижайшiй слуга:

Григорiй Сковорода.

Postea scripsi.

Да наречется же сiя книжечка: Женою Лотовою! Предисловiемъ же да будетъ сiе мое къ тебѣ письмо. О возлюбленный друже! тебѣ сiю невѣсту и чистую голубицу въ даръ привожду первому: и тебѣ обручаю, именемъ Господа нашего Iисуса Христа! Протчее при перепискѣ, повелѣвай наблюдать ортографiю. Паче же всѣ ея листы хранить отъ нечистоты. Цѣлуй любезнаго Неемана Петровича: и всю нашу братiю. Миръ въ днехъ нашихъ. Аминь!

(На томъ же листѣ и надпись)

Господину моему
Iерееви, Iакову Правицкому
въ Бабаяхъ.

— 1787 Окт. 7, изъ Гусинки... Вы, снится мнѣ, переписали Михайлову борьбу. И паки требуете? Обаче посылаю... Негли обрящете, чего ваша перепись не образуетъ. Не медлите же много. Обаче чрезъ невѣрныя руки не! не! не!

Эта Михаилова борьба въ спискѣ письма 1790 сент. 26, названа: брань Михайлова со сатаною (№ 9).

— 1788 августа 4 изъ Гусин. Скрыпницк. пустыни....

Вотъ вамъ по желанію вашему херувимскія пѣсни Paraphrasis!

Тайновиднымъ херувимамъ сообразны,
И животворящей Тройцѣ пѣснь приносятъ:
Видимый сей весь мыръ изверживъ изъ сердца;
Да вмѣстимъ невидимый: и Его Царя,
Окружаемаго и стрегома тмами,
Копіеносныхъ херувимъ и серафимъ,
Аллилуя, аллил., аллил.

Доробореo есмь копіеноснымъ лейб-гвардеромъ. Доробоpуменосъ, сирѣчь, окружонъ копіеноснымъ строемъ. Дориносима есть полгрека, и пол-славяна.

Къ этому прибавлю еще замѣчаніе о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Сковороды, пропущенныхъ въ письмѣ 1790 сент. 26.

— О древнемъ зміи, или о библіи. Списокъ сдѣланъ священникомъ Ѳеодоромъ Залѣскимъ, 1763 года декабря 10 дня, и хранится теперь въ библіотекѣ Харьковскаго университета.

— Начальная дверь ко христіанскому добронравію.

Написана въ 1766 году для молодаго шляхетства Харьковской губерніи, а обновлена въ 1780 году. Списокъ современный хранится у меня.

— С адъ божественныхъ пѣсней, прозшій изъ

зернъ священнаго писанія. Въ моемъ спискѣ помѣщено 28 пѣсень. На нѣкоторыхъ означены годы, когда какая была сложена: 1-я сложена 1757 лѣта; 14-я древняя малороссійская: о суетѣ и лести мірской—обновлена въ 1782 лѣтѣ; 24-я — римскаго поэта Горація протолкована малороссійскимъ діалектомъ въ 1765 году (Etiam divos rogat); 25-я — отцу Гервасію Якубовичу, отходящему изъ Переяслава въ Бѣлгородъ на архимандритскій и судейскій чинъ въ 1758 годѣ; 26-я—епископу Іоанну Козловичу, входящему во градъ Переяславъ на престолъ епископскій съ 1758; между пѣснями 26 и 27-ю помѣщена мелодія — Carmen (по русски и по латыни) на образъ зачатія Пречистыя Богоматери, воображена (сія мелодія) 1760 года. Въ спискѣ, принадлежавшемъ профессору Е. М. Филомаѳицкому, еще прибавлены пѣсни 29 и 30; надъ 29-й подписано, что она сложена 1788 года сентемрія 17 дня: въ селѣ Велик. Бурлукѣ.

— Харьковскія басни. Списокъ хранился у профессора Филомаѳицкаго. Тамъ въ баснѣ 20 (Олень и Верблюдъ) сдѣлана приписка: сія басня писана въ Свѣтлое воскресенье по полудни 1774 года въ Бабаяхъ. Да и всѣ басни посвящены Правицкому письмомъ 1774 года наканунѣ Пятдесятницы; а *Аѳан*. Панкову

посланы были 30 басней еще въ 1762 году марта 4, изъ Сѣнсанской пустыни.

Не странно ли, что въ спискѣ письма 1790 года сент. 26, не упомянуто ни объ одномъ изъ этихъ сочиненій, между тѣмъ какъ онѣ писаны между 1767 и 1785. Кромѣ того, не нахожу въ томъ спискѣ сочиненій еще нѣкоторыхъ:

Двухъ проповѣдей: 1. Убуждшеся видѣша славу его, и 2. Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ.

Притча Еродій. Въ ней разглагольствуетъ обезьяна со птенцомъ Еродіевымъ о воспитаніи.

Толкованія изъ Плутарха: о тишинѣ сердца.

Разговора: пря бѣса съ Варсавою.

Нѣкоторыя изъ нихъ должны быть также отнесены ко времени до 1790 года. Я не упоминаю о другихъ, которыхъ я не читалъ.

Ворочаюсь опять къ письмамъ. Онъ писалъ ихъ много, писалъ большею частію къ людямъ, съ которыми любилъ бесѣдовать о предметахъ, занимавшихъ его умъ и сердце, которыхъ уважалъ и которыми самъ былъ уважаемъ, которые слѣдили его мысли и цѣнили его письма, какъ и отдѣльныя сочиненія. Вотъ почему между письмами Сковороды очень мало такихъ, въ которыхъ говорится только о случайностяхъ, незанимательныхъ для постороннихъ;

вотъ почему списывали и ихъ, какъ и другія сочиненія; вотъ почему наконецъ любопытно было бы сколько нибудь полное собраніе ихъ, какъ сокращенный перечень если не всѣхъ, то покрайней мѣрѣ главныхъ его мыслей. Будемъ ждать этого, а между тѣмъ вотъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ:

Самое старое изъ писемъ Сковороды мнѣ извѣстныхъ есть то, которое помѣщено предъ его книжкой о древнемъ зміѣ или Библіи. Оно писано къ какому-то Высокородію и вовсякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано Свя. Ѳ. Залѣскимъ. Въ немъ читаемъ между прочимъ:

Училъ своихъ друзей Епикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости, и что веселіе сердца есть то животъ человѣку.—Силу слова сего люди нераскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ обеззславили Епикура за сладость и почти самаго его пастыремъ стада свинаго, а каждаго изъ друзей его величали Epicuri de grege porcus. Но когда жизнь отъ сердечнаго веселія, а веселіе отъ сладости, тогда откуду зависитъ сладость, услаждающая сердце? изъясняетъ Платонъ: нѣсть сладчае истины. А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость, и что она одна животворитъ и куражитъ владѣющее тѣломъ нашимъ сердце. И не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій пре-

дѣломъ между ученымъ и неученымъ предѣлъ: мертваго и живаго.... Видно, что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, мня истину любить, изслѣдуетъ тропинки ея и встрѣтивъ око ея торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Жизнь есть плодоприношеніе, прозябшее отъ зернъ истины, царствовавшія въ сердцѣ ихъ.

«Дѣтское есть сіе мудрствованіе, обличающее непостоянность натуры, будто она когда-то и гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ».

«Всякая мысль подло какъ змія по земли ползетъ, но есть въ ней око голубицы, взирающее выше потопныхъ водъ на прекрасное лицо истины.

— Изъ письма къ Іакову Правицкому изъ Маначиновки 1785 года Окт. 3., можемъ взять образецъ Сковородиной Латыни:

Omnia praetereunt: sed Amor post omnia durat.
Omnia praetereunt: haud Deus haud et Amor.
Omnia sunt aqua. cur in aqua speratis Amici?
Omnia sunt aqua. sed Portus Amicus erit.
Hac Kepha tota est fundata Ecclesia christi.
Istbaec et nobis Kepha sit atque Petra. etc.

Поздравляя съ новымъ годомъ, Сковорода писалъ къ Правицкому, 1787 года Янв. 18 изъ Гусинки:

Духъ правъ обнови во утробѣ м. Аще кто

не имѣетъ новаго сердца: тому весь мыръ есть ветха Ветошъ. Аще чія Душа тужитъ: тому весь мыръ плачетъ. Аще чіе сердце мучится и страждетъ: тому весь годъ безъ праздника. Аще чій Духъ отчаяніемъ оледенѣлъ: тому весь годъ безъ весны. Аще чій смыслъ мертвый: тому весь вѣкъ безъ живота. О любезный мой друже Іакове! изблюймо ветхій квасъ мырскій. Стяжимъ новое сердце. Облещимся въ одежду новыя нетлѣнныя надежды: во утробу братолюбія. Тогда намъ вся тварь просвѣтится: весь мыръ взыграетъ и возскачетъ. Будетъ намъ всякъ день великъ—день.

Мысль о любви очень часто оживляла слово Сковороды. Вотъ и еще Латин. стихи изъ письма его къ тому же Правицкому 1788 авг. 4.

Corpore sum procul a Vobis: at corde propinquus.
Cor est in nobis, vera columba Noē.
Nil est tam mirum: quam sancti cordis abyssus.
Tunc est Sanctum: cum se hoemodo magnificat.
Omnia sunt foenum, furfur: sunt pulvis et umbra.
Omnia praetereunt. Corde perennis homo.
Purum cor in Amore manet: sed Amor stat in hocce.
Ast Amor hic, Deus est. Ergo perennis homo.
O homines! Cur oceanum, cur astrae stupetis?
Ite! redite domum! Noscite vos! Sat erit. Amen!

Въ 1835 году въ Телескопѣ, журналѣ, впрочемъ занимавшемъ по справедливости одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ въ нашей журна-

листикѣ, была помѣщена статья о Сковородѣ (№ 5 и 6), въ которой хоть и очень хорошо выказывается умъ и начитанность автора, А. Ѳ. Хиждеу, но которая, тѣмъ не менѣе, не смотря на всю свою занимательность, оболгала Сковороду. Ему приписано тамъ много такихъ мыслей, которыхъ онъ и имѣть не могъ, а между тѣмъ читатель убѣждается ссылками на сочиненія и письма Сковороды. Нѣкоторыя изъ ссылокъ я повѣрялъ, и въ подлинникахъ не находилъ вовсе того, что авторъ тамъ начитывалъ, или что оттуда выписывалъ; послѣ того и о другихъ я не могъ не сомнѣваться. Тамъ, между прочимъ, упоминаетъ авторъ о трехъ письмахъ Сковороды къ Архіепископу Георгію Конисскому: одно отъ 1769 Іюля 29 изъ Нѣжина, другое изъ Бурлука отъ 1789 Мая 5, и третье безъ числа (№ 5 стр. 20). Не знаю, велъ ли Сковорода переписку къ Конисскимъ,— можетъ быть и велъ; едва ли впрочемъ могъ онъ написать къ нему: «Меня хотятъ мѣрить съ Ломоносовымъ и говорятъ обо мнѣ: какая онъ малость! какая онъ низость! будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень» и пр. О письмѣ 1789 Мая 5, Хиждеу говоритъ вотъ что: «Помни послѣдняя; помню и исповѣдуюся тебѣ, Господи»: такъ называется сочиненіе Сковороды, которое есть родъ автобіографической его записки. Оно написано по желанію Архіеп.

Георгія Конисскаго въ видѣ письма къ нему отъ 8 Мая 1789 года изъ Бурлука (№ 5 стр. 12). Точно ли писалъ Сковорода сію записку? Могъ ли не сообщить онъ ее Правицкому, Курдюмову, или кому другому изъ своихъ любимцевъ? Если сообщилъ, то отчего никто о ней не знаетъ? Если же не сообщалъ, то откуду могъ достать ее Хиждеу, писавши статью въ Харьковѣ, и не имѣя никакихъ средствъ пользоваться бумагами Конисскаго? Во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока не явится на свѣтъ вся эта записка, можно безъ грѣха считать ее не существующею. Кстати еще вопросъ: читалъ ли кто нибудь сочиненіе Сковороды: Книжечка о любви до своихъ, нареченная Ольга Православная (№ 6 стр. 156), или разговоръ его о внутреннемъ человѣкѣ и симфонію о народѣ? (№ 6 стр. 167).

Не могу однако не сознаться, что статья Хиждеу о Сковородѣ есть самая ученая изъ всѣхъ, доселѣ написанныхъ, и для всякаго посторонняго читателя не можетъ не показаться очень занимательною. Жалѣю самъ о себѣ, что не могу ее читать такъ, какъ читалъ или прочтетъ тотъ, кто не могъ быть знакомъ съ сочиненіями самаго Сковороды.

—

Случаи изъ жизни Г. С. Сковороды.

I.

Пріѣзжій знатный великороссіянинъ, наслышанный о Сковородѣ и его оригинальности, пожелалъ видѣться съ нимъ, и намѣренъ былъ предложить диспутъ о просвѣщеніи и искусить его въ отвѣтахъ, уразумѣть правильность взгляда и понятій. При взглядѣ на Сковороду, посѣтитель тотчасъ подмѣтилъ, что онъ загорѣлый и почернѣвшій отъ путешествій подъ солнцемъ, и желая завязать съ нимъ разговоръ и задать ему вопросъ: отъ чего всѣ его единоземцы бѣлы, а онъ черный? «А когдажъ Сковорода бываетъ бѣлая?» возразилъ мудрецъ мгновенно, и симъ вопросомъ затрудненный посѣтитель и озадаченный нежданнымъ экспромтомъ, поспѣшилъ откланяться и оставить въ покоѣ старца, столь лаконически объясняющагося, и такъ неопровержимо. Гость всегда съ удовольствіемъ разсказывалъ о свиданіи своемъ съ украинскимъ философомъ, и всѣ были довольны лаконизмомъ, и сравнивали Сковороду съ Діогеномъ, который далъ краткій отвѣтъ Александру Македонскому, желавшему узнать, что бы онъ такое отъ него пожелалъ: «не заслоняй предо мной солнца» былъ простой философскій отвѣтъ

вольнаго собой и не желающаго болѣе лишь только то, чему слѣдуетъ быть.

II.

Одинъ изъ близкихъ знакомыхъ Г. С. Сковороды съ бесѣдахъ съ нимъ безпрерывно сѣтовалъ на множество житейскихъ потребностей, ежедневно являющихся у человѣка, и на однообразіе, которымъ облекаютъ человѣческую жизнь эти потребности. «Каждый день одно и то же: то умывайся, то одѣвайся, то раздѣвайся; въ извѣстный часъ ложись, въ извѣстный часъ вставай; въ назначенное время ѣшь, пей, спи...», говорилъ онъ однажды.

— Что тебѣ такъ не нравится этотъ порядокъ—возразилъ Г. С..—: развѣ лучше быть собакой, что ли?

—

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Писатель Г. С. Сковорода.

Стихотворенія.

Стран.

P.S. Издатель сочиненій Г. С. Сковороды покорпѣйше проситъ особъ, имѣющихъ еще какія либо сочиненія этого автора, благоволили бы дать свѣдѣнія объ этомъ въ С. Петербургъ, въ книжный магазинъ И. Т. Лисенкова, подъ № 3 и 4-мъ въ домѣ Пажескаго Его Императорскаго Величества Корпуса, въ С. Петербургѣ.

—

Подписавшіеся на полученіе книги:

Адассовскій, Фед. Вас., Кол. Ас. Въ Бердичевѣ.
Александровъ, Илар. Осип., Дѣйст. Ст. Сов. Въ С. П. Б.
Александренковъ, Никол. Андр. Царскосельскій купецъ. Въ С. П. Б.
Алчевскій, Кир. Федор. Въ Сумахъ.
Алякринскій, Митр. Ив., Ст. Сов. Во Владимірѣ 3 экз.
Андреевъ, Петръ Гавр. Въ Сумахъ.
Апаринъ, Петръ Иван. Книгопродавецъ, въ Харьковѣ.
Артемьева, Полина Мих. Въ м. Борисполь, въ Переяславлѣ.
Аскоченскій, Викторъ Ипатовичъ. Въ С. П. Б.
Базуновъ, Ив. Вас. Книгопродавецъ въ Москвѣ.
Бартошъ, Васил. Васильев. Въ С. П. Б.
Беренштамъ, Книгопродавецъ, въ Тифлисѣ.
Богдановъ, Алексѣй Иванов. Купецъ въ С. П. Б.
Бороздина, Мар. Ив. Въ С. П. Б.
Бугаевскій, Ив. Вас., Кол. Сов. Въ С. П. Б.
Буда, Григ. Григ., Ст. Адъют. Шт. 18-й Пѣх. Див. Въ Владикавказѣ.
Выходцовъ, Ник. Ив., Почетн. Гражд. въ Харьковѣ.
Галаганъ, Григорій Павловичъ. Въ Прилукахъ. 3 экз.
Гамалія, Фед. Иван., помѣщикъ изъ Стародуба. Въ С. П. Б.
Гапченко. Сав. Сем. Въ Сумахъ.
Глазуновы, Ив. Ил. и Кон. Ил., книгопродавцы въ С. П. Б.
Гоголевъ, Иванъ Матвѣевичъ, куп. въ С. П. Б.
Грекъ, Александръ Петров. Въ С. П. Б.
Григорьевъ, книгопродавецъ въ Одессѣ.

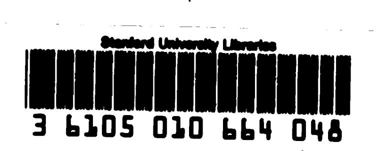
Гундобинъ, Петръ Ильичъ. Въ Шуѣ.
Данилевскій, Гр. Петр., Надворн. Сов., въ Харьковѣ.
Добрышина, Ан. Ал. Въ С. П. Б.
Долгополова, Юлія Карловна, Ея Превосх. Въ С. П. Б.
Долженковъ. Книгопродавецъ, въ Кіевѣ.
Дьяковъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Въ С. П. Б.
Есимонтовскій, Ив. Григор. Въ Мглинѣ.
Жебелевъ. Л. И. книгопродавецъ въ С. П. Б.
Засядко, Алексѣй Иван., Кол. Ас. Въ С. П. Б.
Зинченко, Игнат. Климент., Проф. Семинар. въ Екатеринославлѣ.
Карпенко, Степанъ Данилов., Малор. пѣв. Въ С. П. Б.
Карповъ, Вас. Никол., Дѣйст. Ст. Сов. въ С. Петерб.
Киселевскій, Ив., Штабсъ—Кап. Въ Кіевѣ. 2 экз.
Кореницкій, Никол. Григор., Лейт. 32 эк. въ Херсонѣ.
Крамаревъ, Егоръ Степановичъ, въ С. П. Б.
Красильниковы, А. М. и М. С. въ С. П. Б.
Кривоносовъ, Александр. Корн., Подполковн. въ с. Красіоновкѣ, въ Золотоношѣ.
Куколевскій, Дм. Ив., Протоіер. Конст. Дв. въ С. П. Б.
Куряжскій, Вас. Демьян., Лейбъ-Гвард. Из. пол. офицеръ.
Курносова, Параск. Леонтьевна, въ Сумахъ.
Лаврентьевъ, Егоръ Алексѣевичъ, Надв. Сов., въ С. П. Б.
Лещинскій, Юл. Осип., въ Кременчугѣ.
Лисенковъ, Ст. Як. } Въ Сумахъ.
Лисенковъ, Ф. Ст. } Въ Сумахъ.
Лисенковъ, В. Т. } Въ Сумахъ.
Лонгиновъ, Вас. Алексѣевичъ, Д. Ст. Сов. въ С. П. Б.
Лопатинъ, Вас. Мих., Ст. Сов. въ С. П. Б.
Лосскій, Ал. Ант., Д. Ст. Сов. въ С. П. Б.
Мавроди, Ник. Кон., Ст. Сов. въ С. П. Б.
Марковъ, Өед. Ив., Помѣщикъ Полтавск. Губ.
Масловъ. Д. Ив., Докторъ, въ С. П. Б.
Милорадовичъ, Григ. Александр., Офиц. Кавалергардск. Ея Величества полка, въ С. П. Б.
Нестеренковы, И. П. и О. П. въ С. П. Б.

Недоборовскій, Зосимъ Федоровичъ, въ С. П. Б.
Овсянниковъ, Н. Г., Книгопродавецъ въ С. П. Б.
Патенковъ, Стеф., Благоч. Протоіер. въ Новомиргородѣ.
Переверзевъ, Фед. Лук., Тайн. Сов. въ Москвѣ.
Писаревскій, Яковъ Надв. Сов. въ Хоролѣ.
Плужниковъ, Д. П. въ Москвѣ.
Познякъ, Яковъ Аникіевичъ, Сенаторъ, въ С. П. Б.
Покровскій, Н. И., въ С. П. Б.
Полетика, Александръ Яковл. въ Карачевѣ.
Полонскій, Павелъ Акимовичъ, Плацъ — Адъютантъ, въ Кронштадтѣ.
Порывкинъ, Ник. Сем., Книгопродавецъ въ Москвѣ.
Протопоповъ, Егоръ Михайл. Въ Новохоперскѣ.
Псаревъ, Мих. Гр. Въ Сумахъ.
Пфунтъ, Сер. Александр. Въ С. П. Б.
Руденко, Н. П. въ С. П. Б.
Руденко, Т. Т. Въ Глинской пустыни, въ Глуховѣ.
Рудольфъ, Эрнестъ, въ м. Эмильчинъ, въ Новоградѣ-Волынскомъ.
Салаевъ, Книгопродавецъ въ Москвѣ.
Сахаровъ, И. П., Ст. Сов. въ С. П. Б.
Свѣшниковъ, Ѳ. О., Книгопродавецъ въ Москвѣ.
Сергій, Архимандритъ Невск. Монаст.
Сергѣевъ, Ѳедотъ Никол., Маіоръ. Въ С. п. б.
Семенчиковъ, Ив., купеч. сынъ, въ Ромнѣ.
Скубенко, Ив. Фед., въ Сумахъ.
Сластеновъ, Ѳедотъ Вас., въ Сумахъ.
Соловьевъ, М. О. Въ Выборгѣ.
Срезневскій, Измаилъ Иван., Д. Ст. Сов. въ С.П.Б.
Сухиновъ, Дм. Ив., Градской Глава, въ Сумахъ.
Сушкины, Ив. Ив. и Вас. Ив., въ Сумахъ.
Тарасовъ, Алексѣй Ив., Свящ. въ с. Богородицкомъ въ Малоархангельскѣ.
Тигель, Ив. Христ., въ Сумахъ.
Ткаченко, Ѳеоф. Вакум. въ С. П. Б.
Толмачевъ, Як. Вас., Ста. Сов. въ С. П. Б.
Федоровъ, Дм. Фед., Книгопродавецъ въ С. П. Б.
Федоровыхъ, Вас. Серг. Въ Яренскѣ.
Харьковская Университетская Библіотека. 10 экз.

12

Холмушинъ, В. В. Книгопродавецъ, въ С. П. Б.
Черняевъ, Вас. Петровичъ, въ Харьковѣ.
Черняевъ, Петръ Вас., Офиц. Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Ея Величества полка, въ Гатчинѣ.
Шамовъ, К. И., Книгопродавецъ, въ Москвѣ.
Шелиховъ, М. С., Почетный Гражд. въ Харьковѣ.
Якубовичъ, Алексѣй Мартыновъ. Въ С. П. Б.
Яровой, Мих. Пав. въ м. Мошны. Въ Черкасахъ.

—


Stanford University Libraries
3 6105 010 664 048